

9(c)5kp

23

824P5
049

**КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА
КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО СРОКА**

Кол-во. Пред.выдач.

21.12.02

30/1202 14/172

16/301

11/03

6/401

21/104

14/304

22.02.04

Копии со с. 144-145/2003

ПОВЕРНІТЬ КНИЖКУ НЕ ПІЗНІШЕ

звзначеного тут терміну.

20/1/04	16/11/81	30/1/81
19/1/97	15/1/82	6/1/83
20/1/98	18/1/82	18/1/91
20/1/98	11/1/83	12/1/93
20/1/99	10/2/83	11/1/94
16/11/81	2/1/84	15/10/94
6.8.81	16/1/01	27/04/96
6/11/97	11/1/01	11/1/02
	1.11/84	20/1/3

9.11.97 5/1.98 28/11/02 20/4.98 23/1/99

держдрук черкаси 87 р. 4191-20000

✓ X
 108
 9(0)3 кр
 М 23
 3866

91(47)
 М-23 23 В. И. Маноцковъ.

206514

Библиотека
 Бислин 10/12/99
 Инв. № 24242
 М. ЧЕР. АСН.

ОЧЕРКИ ЖИЗНИ НА КРАЙНЕМЪ
 СѢВЕРѢ

МУРМАНЪ.

Съ приложеніемъ карты и таблицъ.

ХІІ 21 ср. 6
 1999

4086

Изданіе ннин. магаз. М. Г. Шашновской

10305

АРХАНГЕЛЬСКЪ.

Типо-Литографія С. М. Павлова.

1897 г.

БИБЛИОТЕКА
 ЧЕРНОГОЗ. МУЖСКОЙ ГИМНАЗИИ

ОБЯЗ.
 ЭКЗ

ЧЕРНОГОЗ. БИБЛИОТЕКА
 № 15839

15

FW 10

3

Дозволено цензурою. Москва, 30 Ноября 1896 года.

1992

RECEIVED
FEBRUARY 1964

282

Дорогому, незабвенному другу

Вѣрѣ Денишѣ

посвящаетъ

Р824049

Мурманскіи областна

научна библиотека

АВТОРЪ.

Державна исторична
БІБЛІОТЕКА УРСР

31

1901 р.

Республика Беларусь

Беларуская Акадэмія
Дзяржаўнае істэрэсаванне

Оглавленіе.

	Стран.
Предисловіе.	
I. Природа и климатъ Мурмана.	9
II. Прошлое Мурмана и его промысловъ.	26
III. Богатства Мурманскаго моря. Тресковый промыселъ Исторія акульяго и китобойнаго промысловъ.	36
IV. Техническая организація промысловъ, ихъ обстановка, промысловыя суда и приготовленіе продуктовъ промысла.	53
V. Организація промысловаго труда и экономическая сто- рона промысловой дѣятельности.	90
VI. Колонизація Мурмана и бытовыя условія жизни про- мышленниковъ и колонистовъ.	144
VII. Заключеніе.	189
Приложенія.	I—IX

Предисловіе.

Настоящая книга представляет собою первую изъ серии задуманных мною книгъ, имѣющихъ цѣлью познакомить нашу читающую публику съ оригинальной и мало извѣстной жизнью нашихъ сѣверныхъ окраинъ. Мурманъ первый привлекъ наше вниманіе, и, для всякаго прочитавшаго эту книгу, станетъ понятнымъ, почему.... Не имѣя подъ руками *никакихъ* точныхъ данныхъ, какими можетъ располагать любой изслѣдователь народной жизни въ губерніяхъ земской Россіи, я по-неволѣ принужденъ былъ обратиться ко всѣмъ источникамъ, которые могли-бы дать мнѣ нужный матеріалъ, не разбирая особенно строго его научную цѣнность. Но къ сожалѣнію и при такомъ приѣмѣ мнѣ пришлось натолкнуться на непреодолимое препятствіе, заключавшееся въ крайней односторонности матеріала и хронологической его непоследовательности. Это заставило меня измѣнить планъ книги и дать сводку всего того, что заключали источники, конечно, сводку всего болѣе или менѣе провѣреннаго и достовѣрнаго. Насколько мнѣ удалась эта попытка, судить не мнѣ.—Я позволяю себѣ только думать, что моя книга вполне своевременна и умѣстна при томъ пробужденіи интереса къ сѣверу, который наблюдается въ настоящее время и особенно при той бѣдности литературы о нашемъ сѣверѣ, при которой извѣстная книга г. Максимова «Годъ на сѣверѣ», изданная 30 лѣтъ тому назадъ, является послѣдней цѣнной книгой о сѣверѣ, доступной для большой публики.

В. И. Маноцковъ.

Кажется еще ни один уголок нашего громаднаго отечества не обращал на себя такого вниманія и печати, и общества, и правительства, какъ та длинная и узкая береговая полоса Кольскаго полуострова, которая съ незапамятныхъ временъ извѣстна подъ именемъ «Мурмана», «Мурманскаго берега». Вниманіемъ этимъ этотъ уголокъ обязанъ, конечно, прежде всего той чрезвычайно оригинальной жизни, которая кипитъ въ немъ и тому значенію, которое опять-таки съ незапамятныхъ временъ пріобрѣла эта узкая полоса земли въ жизни всего почти нашего сѣвера, съ плохо развитымъ земледѣіемъ и потому сильно нуждающагося въ пополненіи недостатковъ въ продуктахъ земледѣлія. Мурманъ, съ его почти неисчерпаемыми рыбными богатствами, пополняетъ именно эти недостатки въ жизненномъ обиходѣ сѣверно-русскаго крестьянина.

Несмотря, однако, на громадную литературу Мурмана, мы безъ преувеличенія можемъ сказать, что и до сихъ поръ истинное значеніе и роль мурманскихъ промысловъ въ народно-хозяйственной жизни нашего сѣвера почти не выяснены, благодаря, главнымъ образомъ, тому, что до сихъ поръ еще не было произведено ни одного полнаго и систематическаго изслѣдованія этихъ промысловъ, начиная съ 60-хъ годовъ, когда экспедиціей Данилевскаго было произведено первое подробное описаніе ихъ. Признавая огромную научную цѣнность классической работы Данилевскаго, мы тѣмъ не менѣе съ увѣренностью можемъ отмѣтить, что *экономическая* сторона промысловъ Мурмана почти не выяснена до сихъ поръ. Лишь въ самое послѣднее время, спустя болѣе 30 лѣтъ послѣ изслѣдованія рыбныхъ промысловъ Бѣлаго моря и Ледовитаго океана Данилевскимъ, въ печати появилась новая попытка систематическаго

описанія мурманскихъ промысловъ, но и эта попытка далеко не даетъ сколько-нибудь полного обзора ихъ и въ очень малой мѣрѣ выясняетъ ихъ значеніе въ народно-хозяйственной жизни. Впрочемъ, и самъ авторъ этой попытки, приватъ-доцентъ Петербургскаго Университета Н. Книповичъ, въ предисловіи къ своему труду, посвященному описанію современнаго положенія морскихъ промысловъ Архангельской губ., признаетъ, что главной его задачей было выясненіе біологіи и физической географіи Ледовитаго океана, а изслѣдованіе промысловъ велось имъ только между прочимъ, полутно. Уже одно это обстоятельство лишаетъ трудъ г. Книповича той цѣны, которую онъ могъ бы имѣть при другой постановкѣ дѣла.

Вся остальная, и притомъ поистинѣ громадная литература относящаяся къ мурманскимъ промысламъ, включающая такіе труды, какъ извѣстный трудъ Максимова («Годъ на сѣверѣ»), касаясь той или другой стороны промысловъ, представляетъ драгоценный матеріалъ, но къ сожалѣнію не объединенный никакой руководящей идеей и потому чрезвычайно нестрой. Цѣнность этого матеріала особенно становится замѣтной, когда мы примемъ во вниманіе почти полное отсутствіе сколько-нибудь достовѣрныхъ статистическихъ данныхъ, рисующихъ положеніе вещей. Лишь въ самое послѣднее время официальная статистика промысловой жизни сѣвера приняла болѣе достовѣрный характеръ, но и въ такомъ видѣ оставляетъ желать очень многого. Несомнѣнно, что полного и детальнаго обслѣдованія своихъ промысловъ, хотя бы до нѣкоторой степени приближающагося къ типу обычныхъ земско-статистическихъ изслѣдованій, Архангельская губернія дождется еще не скоро. Между тѣмъ, самое поверхностное знакомство съ организаціей мурманскихъ промысловъ и ихъ значеніемъ въ жизни нашего сѣвера указываетъ на необходимость именно такой работы, ибо безъ нея еще долго попытки правительства придти на помощь мурманскимъ промышленникамъ, содѣйствовать развитію самихъ промысловъ и т. д. будутъ беспочвенны, какъ это доказала исторія послѣднихъ 20 лѣтъ, которые можно отмѣтить какъ годы, необыкновенно богатые различными начинаніями, направленными къ охраненію и правильной эксплуатаціи естественныхъ богатствъ сѣверныхъ морей.

Вся известная намъ литература о Мурманѣ, повторяемъ, далеко не достигаетъ своей цѣли, т. е. не даетъ вполне яснаго и точнаго представленія, какъ о положеніи и организаціи самихъ промысловъ, такъ и объ ихъ значеніи въ экономической жизни сѣвера, главнымъ образомъ, потому что, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, рисуетъ разныя стороны дѣла, но никогда въ его цѣломъ, во всей совокупности явленій, характеризующихъ положеніе вещей. Такимъ образомъ, вся эта, въ высшей степени цѣнная, литература пропадаетъ почти безъ пользы для тѣхъ, кто ставитъ себѣ задачей ознакомленіе съ нуждами сѣвера, а также и съ мѣрами, которыми можно было бы удовлетворить эти нужды. Между тѣмъ, болѣе или менѣе полная и систематическая сводка тѣхъ драгоценныхъ данныхъ, которыя заключаетъ въ себѣ богатая литература сѣвера, могла бы дать чрезвычайно цѣнную картину экономической жизни этого сѣвера и тѣмъ способствовать серьезному и точному его изученію, не говоря уже о томъ самодовлѣющемъ интересѣ, который представить собою изображеніе въ высшей степени своеобразной и оригинальной жизни для всякаго интересующагося жизнью различныхъ уголковъ нашего огромнаго отечества.

Въ настоящее время уже затихли ожесточенные споры о судьбахъ нашего сѣвера, концентрировавшіеся главнымъ образомъ около вопроса: что нужнѣе сѣверу—земледѣліе или возможно большее развитіе промысловъ не земледѣльческихъ? Но въ сущности и до сихъ поръ вопросъ этотъ остается темнымъ и только полное и безпристрастное изслѣдованіе экономической жизни сѣвера освѣтитъ его вполне и дастъ точныя данныя для его рѣшенія. Приблизиться отчасти къ рѣшенію этого громадной важности вопроса и дать частичный, такъ сказать, матеріалъ для его рѣшенія путемъ выясненія экономической важности одного изъ важнѣйшихъ промысловъ нашего сѣвера, именно Мурманскаго—до нѣкоторой степени также составить нашу задачу.

Изъ сказаннаго становится яснымъ, что главный недостатокъ въ литературѣ о нашемъ сѣверѣ составляетъ почти полное отсутствіе работъ обобщающаго характера и потому, приступая къ нашей работѣ, мы прежде всего будемъ стараться пополнить этотъ пробѣлъ и дать такимъ образомъ прочную основу, какъ для всякаго будущаго изслѣдованія, такъ и съ цѣлью спасти отъ окончательнаго

забвенія громадный, теперь уже ставшій историческимъ, цѣнный матеріалъ.

Если намѣчаемая нами главная цѣль будетъ достигнута хотя и не въ полной мѣрѣ, то и это въ значительной степени приблизить насъ къ рѣшенію различныхъ второстепенной важности вопросовъ, неразрывно связанныхъ съ главнымъ вопросомъ о судьбахъ нашего сѣвера и именно въ смыслѣ рѣшенія вопроса о направленіи, какое приметъ его развитіе въ будущемъ—будетъ ли это развитіе промысловой его жизни, или земледѣлія и скотоводства.

Природа и климатъ Мурмана.

Начиная съ 20-хъ годовъ нынѣшняго вѣка, промыслы по берегамъ русскихъ сѣверныхъ морей все стѣсняются и стѣсняются на постоянно уменьшающемся пространствѣ и, если замѣчается въ самое послѣднее время нѣкоторое оживленіе, то исключительно почти въ областиторговыхъ сношеній и въ смыслѣ улучшенія кораблестроенія. Двадцать пять лѣтъ тому назадъ одно изъ компетентнѣйшихъ нашихъ ученыхъ обществъ, а именно Императорское Русское Географическое Общество, устами комиссіи избранной изъ его среды для обсужденія вопроса объ организаціи экспедиціи для изслѣдованія русскихъ сѣверныхъ морей, говоря о задачахъ экспедиціи, характеризовало положеніе вещей на нашемъ крайнемъ сѣверѣ такими словами: «самая главная задача, которая предстояла бы научнымъ изслѣдованіямъ на сѣверѣ, и самая главная заслуга, которой они могли бы достигнуть, было бы поднять наши падающіе съ каждымъ годомъ звѣринные и рыбные промыслы на ту высоту, на которой они стояли въ концѣ прошлаго столѣтія и даже началъ нынѣшняго, и указать способы, могущіе возбудить или воскресить въ населеніи сѣвера духъ морской и охотничьей предпріимчивости, къ сожалѣнію отчасти уступающій нынѣ мѣсто простому торгашеству;—изъ ввозимой въ Архангельскую губернію рыбы, не только значительная часть ввозится норвежцами, но даже и изъ той, которая ввозится русскими судами, значительная часть скупается у норвежскихъ рыбаковъ въ обмѣнъ на муку..» Въ другомъ мѣстѣ своего доклада комиссія, точно устанавливая факты, дающіе возможность судить о производительныхъ силахъ сѣвера, не безъ горечи прибавляетъ: «тотъ фактъ, что нѣкоторые наши сѣверныя гавани не замерзаютъ круглый годъ, и что у острова Кильдина рыбный промыселъ ведется и зимой, былъ уже высказанъ Ломоносовымъ. Въ новѣйшее время, фактъ плаванія у Нордкапа круглый годъ былъ заявленъ въ 1810 г. въ иностранной литературѣ,

извѣстнымъ Л. фонъ-Бухомъ, послѣ путешествія, которое, какъ сочиненіе касающееся нашихъ окраинъ и какъ трудъ слишкомъ хорошо извѣстнаго ученаго, долженъ былъ-бы обратить на себя вниманіе литературы; а между тѣмъ у насъ этотъ фактъ оставался неизвѣстнымъ. И уступка норвежцамъ нашихъ лучшихъ гаваней даже не обратила на себя вниманіе общества. Тотъ же фактъ, былъ заявленъ въ концѣ 20-хъ годовъ М. Ф. Рейнеке, въ его превосходной описи Мурманскаго берега, а между тѣмъ заявленіе того же факта въ послѣдніе годы было встрѣчено обществомъ какъ нѣчто неожиданно—новое. Изданіе книги г. Свенске «Новая Земля», которая во всякомъ случаѣ представляетъ лучший сводъ всего извѣстнаго объ этомъ островѣ, прошло у насъ однако совершенно незамѣченнымъ. Въ то время, какъ этотъ трудъ былъ немедленно переведенъ въ Германіи, и книга разошлась по всему сѣверу и, какъ говорили г. Гёбелю норвежскіе же промышленники, имѣла значительное вліяніе на распространеніе ихъ промысловъ на Востокъ, у насъ не разошлось и 500 экзempl. этой книги. Превосходное путешествіе Врангеля, немедленно переведенное на нѣмецкій и англійскій языки, и выдержавшее въ Англіи два изданія въ одинъ годъ, едвали разошлось у насъ и первымъ изданіемъ. Даже такой фактъ, какъ открытіе въ 1847 г. въ высшей степени замѣчательной рукописи Ломоносова, написанной передъ отправленіемъ въ 1764 г. экспедиціи Чичагова, прошло, какъ жалется издатель, совершенно незамѣченнымъ, и черезъ семь лѣтъ разошлось въ числѣ всего 200 экземпляровъ! (большею частью подарочныхъ)... Обширныя изслѣдованія г. Данилевскаго надъ рыболовствомъ на Мурманскомъ берегу... точно также остаются весьма мало извѣстными, и ссылки на подлинное сочиненіе чрезвычайно рѣдки. Наконецъ, не далѣе какъ въ прошломъ году, періодическая литература ни единымъ словомъ не упомянула о любопытныхъ наблюденіяхъ на Мурманскомъ берегу и о неожиданно-богатой найденной тамъ фаунѣ. Западныя же изслѣдованія на Сѣверѣ остаются неизвѣстными, даже по имени...

«Словомъ, и изъ тѣхъ данныхъ, которыя уже накоплены предъидущими изслѣдованіями и трудами—продолжаетъ комиссія, —далеко не извлечено той пользы для промышленности, которую можно было-бы извлечь. Фактическія данныя, представляемыя этими изслѣдованіями, не служатъ исходною точкой для выработки

въ обществѣ проектовъ необходимыхъ административныхъ реформъ. Мало того, они остаются обществу большею частью неизвѣстными...»

Все это, повторяемъ, было сказано 25 лѣтъ тому назадъ, но къ сожалѣнію и до сихъ поръ остается такой же истиной, какъ и въ то время, когда это было сказано, съ тою только разницею, что съ того времени не было *ни одного* сколько-нибудь серьезнаго изслѣдованія морскихъ промысловъ нашего сѣвера и, несмотря на громадную литературу журнальныхъ статей, посвященныхъ этому предмету, экономическое значеніе промысловъ остается почти въ такой-же мѣрѣ невыясненнымъ, какъ и 25 лѣтъ тому назадъ. Правда, въ самые послѣдніе годы производятся научныя наблюденія и на сѣверѣ, но онѣ ограничиваются исключительно гидрологическими и біологическими изслѣдованіями и совершаются въ очень незначительныхъ размѣрахъ при томъ. Промышленная и экономическая жизнь сѣвера, хотя и трактуется въ многочисленныхъ журнальныхъ и газетныхъ статьяхъ, но благодаря односторонности и мелочности матеріала, далеко еще не выяснена въ той мѣрѣ, которая такъ необходима для выработки «проектовъ административныхъ реформъ»... Отсюда и бесплодность нѣкоторыхъ, хотя и благожелательныхъ, попытокъ администраціи придти на помощь падающимъ промысламъ.

Восполнить этотъ недостатокъ въ изслѣдованіяхъ промышленной и вообще экономической жизни сѣвера можетъ, конечно, только обстоятельное научное и статистико-экономическое обслѣдованіе, котораго, повидимому, нашъ сѣверъ дождется очень еще не скоро. Въ виду этого, представляется безусловно необходимымъ сдѣлать общую сводку всего по возможности наличнаго литературнаго матеріала, характеризующаго экономическую жизнь сѣвера, матеріала въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ крайне неполнаго и односторонняго, но въ цѣломъ безусловно цѣннаго и могущаго дать болѣе или менѣе вѣрную картину народно-хозяйственной жизни нашего сѣвера.

Предполагая свести въ одно цѣлое весь литературный матеріалъ, касающійся экономической жизни сѣвера, по крайней мѣрѣ сѣвера Европейской Россіи, мы въ предѣлахъ этой задачи останавливаемся прежде всего на одномъ изъ самыхъ крупныхъ въ настоящее время пунктовъ нашего сѣвернаго побережья, въ кото-

ромъ промышленная жизнь бьетъ наиболѣе замѣтной струей. Такимъ, наиболѣе крупнымъ экономически пунктомъ является Мурманскій берегъ Кольскаго полуострова съ его промыслами трески, добыча которой составляетъ не только наиболѣе крупную статью дохода въ бюджетъ нашего сѣвера, но и даже одно изъ самыхъ важныхъ подспорій въ питаніи сѣвернаго крестьянина, благодаря суровости климата очень часто страдающаго отъ неурожаевъ. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи важность промысловъ на Мурманскомъ берегу настолько признана самимъ населеніемъ, что изъ устъ помора нерѣдко приходится слышать: море—наше поле... будешь съ рыбой—будешь съ хлѣбомъ.....

Дикой, угрюмой скалистой грядой тянется сѣверный берегъ русской Лапландіи отъ мыса Св. Носа вплоть до устья рѣки Ворьемы (Jacobs-elf), составляющей границу Норвегіи, т. е. отъ 0° до 30° восточной долготы *). Вся эта длинная, длиною до 1000 верстъ, береговая полоса дѣлится на двѣ неравныхъ части—восточный Мурманъ (отъ мыса Св. Носа до Рыбачьяго полуострова) и западный Мурманъ (отъ Рыбачьяго полуострова до Jacobs-elf (р. Ворьемы)).

По геологическому строенію вообще весь Кольскій полуостровъ представляетъ собою продолженіе горъ Скандинавіи и въ силу этого очень напоминаетъ эти горы. Прибрежныя части полуострова, именно то, что называется Мурманскимъ берегомъ носить альпійскій характеръ. Скалистые массивы берега совсѣмъ лишены растительности, а въ ущельяхъ его лежитъ не тающій никогда снѣгъ и находятся слѣды глетчеровъ. По свидѣтельству изслѣдователей западнаго Мурмана этой части Мурманскаго берега особенно присущъ весьма характерный ледниковый ландшафтъ. «Округленность всѣхъ очертаній, куполовидныя вершины, гладко сточенныя, съ ясно-замѣтными бороздами, стѣны крутыхъ скалъ, окружающихъ долины и образующихъ берегъ,—наконецъ баряныя лбы, roches moutonnées, которые можно наблюдать въ прибрежныхъ долинахъ, чаще всего составляющихъ на сушѣ продолженіе фіордовъ и массы валуновъ, усѣивающихъ всѣ вершины, склоны и долины горъ Мур-

*) Считаю отъ Пулковскаго меридіана.

мана—все служить, говорить одно изъ лучшихъ геологическихъ описаній Мурманскаго берега—яснымъ доказательствомъ, что еще въ недавнее время здѣсь было ледяное царство, господствовало ледниковый періодъ и вся страна находилась подъ толстымъ покровомъ льда, дававшимъ отъ себя мощные глетчеры по направлению къ океану...»

Въ силу такого характера горныхъ образований, береговая линия Мурмана чрезвычайно неправильна и представляется сплошь изрѣзанной болѣе или менѣе глубокими фіордами въ самыхъ разнообразныхъ стадіяхъ развитія. Последнее обстоятельство имѣетъ громадное значеніе въ промышленно-экономическомъ значеніи, т. е., благодаря такой изрѣзанности береговой линіи, по всему западному Мурману нерѣдки глубокія и прекрасно защищенныя отъ господствующихъ вѣтровъ гавани, вполне пригодныя для стоянки даже большихъ океаническихъ судовъ.

Впрочемъ, все, до сихъ поръ сказанное объ изобиліи фіордовъ, относится цѣликомъ къ западной части Мурманскаго берега и только частью къ восточной, т. е. уже верстъ за 200 до Св. Носа глубокія фіордовые образования уступаютъ мѣсто круглымъ открытымъ бухтамъ. Подобное явленіе объясняется характеромъ горнаго края, тянущагося вдоль Мурманскаго побережья—крайъ этотъ по мѣрѣ приближенія къ Св. Носу все понижается и съ 500 футовъ (средней высоты его на западномъ Мурманѣ) доходитъ до 300 и менѣе футовъ; въ соотвѣтствіи съ такимъ пониженіемъ горнаго массива уменьшается и ледниковый характеръ его, а слѣдовательно и глубокія фіордовые образования уступаютъ мѣсто открытымъ и неглубокимъ бухтамъ. Особенностью всего берега, какъ это установлено изслѣдованіями Кудрявцева, Фаусека и Подгаецкаго, является фактъ необыкновеннаго геологически-быстраго поднятія его, или вѣрнѣе, отступанія моря.

Не останавливаясь на подробностяхъ геологическаго строенія Мурманскаго берега, какъ не отвѣчающихъ нашей цѣли, мы добавимъ только еще нѣсколько чертъ, характеризующихъ ту обстановку, въ которой приходится жить часть года помору-промышленнику, гостю на Мурманскомъ берегу и колонисту—постоянному его обитателю.

Характеръ Мурманскаго берега крайне однообразенъ. Въ общемъ—это хаосъ нагроможденныхъ другъ на друга скалъ азой-

скаго типа, совершенно обнаженныхъ и подавляющихъ своей мертвенностью. Сравнительно новыя образованія встрѣчаются только по теченію рѣкъ и ручьевъ, но и эти образованія, состоя изъ песчано-глинистыхъ болѣею частью отложеній, даютъ очень малую возможность развитія сколько-нибудь пышнаго растительнаго покрова. И дѣйствительно, въ долинахъ рѣкъ и ручьевъ Мурманскаго берега развивается чрезвычайно жалкая растительность луговая и не менѣе жалкая растительность лѣсная. Последняя состоитъ исключительно почти изъ низкорослыхъ и уродливо развившихся ивовыхъ и коряваго, уродливаго березняка. Впрочемъ, и эти подобія лѣса встрѣчаются на Мурманѣ сравнительно очень рѣдко и только по мѣрѣ углубленія къ срединѣ Лапландскаго полуострова число древесныхъ породъ и ихъ развитіе увеличиваются и онѣ покрываютъ все большія и большія площади.

Рѣзко различаются въ гео-ботаническомъ отношеніи отъ кореннаго Мурманскаго побережья тѣ его части, которыя болѣе подвергались дѣйствію моря, а именно его полуострова и острова. Особенно выдается въ этомъ отношеніи полуостровъ Рыбачій, острова Кильдинъ и Айненскіе. Горныя породы, составляющія массу ихъ, какъ на всемъ побережьи, не представляютъ собою обнаженныхъ поверхностей, но покрыты образованіями новѣйшаго происхожденія и, благодаря этому, на нихъ развилась болѣе богатая растительность.

Кстати упомянемъ здѣсь, что въ настоящее время на Мурманѣ извѣстно до 30 рудныхъ мѣсторожденій, въ большинствѣ случаевъ серебро-свинцовыхъ рудъ (особенно близъ Базарной губы, въ 10 верстахъ отъ пограничной рѣки Ворьемы). Впрочемъ, по отзывамъ специалистовъ, разработка рудныхъ мѣсторожденій едва ли когда нибудь будетъ возможна, какъ вслѣдствіе малой толщины рудоносныхъ жилъ, большой твердости жильнаго вещества и окружающихъ горныхъ породъ, близкаго разстоянія отъ уровня водъ въ океанѣ, не позволяющаго рисковать проведеніемъ болѣе глубокихъ горныхъ выработокъ и т. д., такъ и вслѣдствіе малаго содержанія въ этихъ рудахъ свинца и серебра. Кромѣ рудоносныхъ залегацій близъ Базарной губы, остальные безусловно не заслуживаютъ никакого вниманія и не представляютъ другого интереса, по мнѣнію специалистовъ, кромѣ чисто научнаго. Несмотря на единогласныя отзывы специалистовъ, нельзя, однако, вполне оста-

влять безъ вниманія рудныя мѣсторожденія Мурмана, главнымъ образомъ потому, что надлежащаго изслѣдованія, обставленнаго вполне научно, до сихъ поръ на Мурманѣ еще не произведено и весьма вѣроятно въ послѣдствіи могутъ найтись руды съ большимъ содержаніемъ металла и въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ залеганія.

Бывшій уже опытъ разработки серебро-свинцовыхъ рудъ близъ бухты Базарной, на которая указывалъ еще г. Подгаецкій, показалъ, что довольно поверхностныя и плохо обставленныя въ научномъ отношеніи изслѣдованія дѣйствительно оказались ошибочными, т. к., по свидѣтельству Архангельскаго губернатора А. Ангельгардта ему удалось видѣть въ 1895 году добытыя въ этой мѣстности куски руды, содержашіе до 80% свинца. Кстати сказать, компанія, разрабатывавшая руды Базарной бухты, прекратила свое существованіе, но отнюдь не вслѣдствіе истощенія рудъ или недостатка содержанія въ нихъ металла, но исключительно по внутреннимъ причинамъ. Лишь будущее рѣшить во всемъ объемѣ вопросъ о цѣнности имѣющихся на Мурманскомъ берегу рудныхъ залеганій—главное же условіе для успѣшной разработки ихъ, т. е. хорошіе пути сообщенія имѣются на лицо, т. к. всѣ рудныя мѣсторожденія расположены не вдалекѣ отъ удобныхъ и весь годъ незамерзающихъ гаваней.

Климатъ Мурманскаго берега далеко не такъ суровъ, какимъ его себѣ представляютъ многіе. Внутри материка бываетъ несравненно холоднѣе, чѣмъ у береговъ, гдѣ теплое теченіе Гольфстрема въ значительной степени умѣряетъ холодъ, благодаря чему морозы въ 10—15° R. считаются на Мурманѣ рѣдкостью. Средняя температура зимы здѣсь достигаетъ едва—6°, а иногда зимою на Мурманѣ бываютъ даже оттепели и дожди. Но за то и лѣто на Мурманѣ не можетъ похвалиться высокой температурой—средняя его температура не превышаетъ +8° и иногда среди лѣта бываетъ снѣгъ (такъ напр., наблюдался въ 89 г. 29-го Іюня даже буранъ со снѣгомъ). Весна на Мурманѣ длится всего съ 1-го Апрѣля по 20-ое Мая, если, вообще говоря, это время можно назвать весной въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова. Весна на Мурманѣ совсѣмъ не поэтическое время—это время безпрестанныхъ дождей, тумановъ, прилета морскихъ птицъ и прибытія первыхъ, весеннихъ партій рыбопромышленниковъ-поморовъ. Лѣто чрезвычайно коротко—его считаютъ здѣсь по 10-е Іюля, т. е. въ теченіи 50 дней; но

зато все это время солнце не заходитъ совсѣмъ, и у новичка на Мурманскомъ берегу теряется всякое представленіе о днѣ и ночи. Лѣтняя погода отличается тихимъ и яснымъ характеромъ. Осень, продолжающаяся до 1-го Октября, въ срединѣ котораго устанавливается постоянный саяный путь, ничѣмъ почти по температурѣ не отличается отъ весны ($-12,5^{\circ}$ R.) и изобилуетъ бурями. Зима на Мурманѣ, начиная съ 13-го Ноября, представляетъ собою царство постоянной ночи вплоть до 9-го Января, но ночи не безпросвѣтной и нерѣдко освѣщаемой великолѣпными «сполохами», какъ называютъ здѣсь сѣверныя сіянія. Зимній холодъ настолько невеликъ, а влажность воздуха въ свою очередь настолько велика, что океанъ, какъ уже мы говорили, у береговъ никогда не замерзаетъ надолго, образуя около нихъ по временамъ, только на короткое время т. наз. «припой». Сама полярная ночь не такъ темна—отраженный снѣгомъ свѣтъ позволяетъ ясно различать контуры и детали даже довольно отдаленныхъ предметовъ, а «сполохи» нерѣдко позволяютъ даже читать при ихъ свѣтѣ. Вліяніе временъ года на растительность тамъ, гдѣ она есть, не такъ пагубно какъ это кажется съ перваго взгляда. Травяной покровъ луговъ, расположенныхъ въ глубокихъ долинахъ береговаго кряжа по теченію ручейковъ и рѣкъ, хотя и не отличается богатствомъ видовъ, но развивается вполне нормально, благодаря, конечно, продолжительному дѣйствію свѣта во время лѣта, когда солнце въ теченіи 50 дней вовсе не заходитъ. Въ этотъ періодъ не только успѣваютъ созрѣть травы, но поспѣваетъ также и большое количество сѣверныхъ ягодъ, какъ напр. классическая морошка, голубель, черника и т. п.

Не всѣ изслѣдователи Мурманскаго берега согласны относительно климата его. Объясняется это отсутствіемъ постоянныхъ и точныхъ метеорологическихъ наблюденій, но изъ имѣющихся данныхъ все-таки можно нарисовать болѣе или менѣе вѣрную его картину. Приведенныя выше цифры средней температуры временъ года именно представляютъ средній выводъ изъ различныхъ и въ разное время производившихся наблюденій. Остальные данныя, характеризующія общую картину Мурманскаго берега въ климатическомъ отношеніи въ различные времена года, чрезвычайно разнообразны и, повидимому, обуславливаются субъективными впечатлѣніями наблюдателей.

Вотъ что напр. пишетъ извѣстный знатокъ сѣвера, г. Максимовъ: «тоска хватаетъ, глядя на берегъ. Сѣренъеое небо, мрачные берега, темныя ущелья, *господствующіе восточные вѣтры*, нагоняющіе изъ Карскаго моря и отъ Новой Земли *постоянные туманы*: частые дожди весной, *лѣтомъ* и осенью; постоянный холодъ и недѣли безъ просвѣта, безъ солнца, луны и звѣздъ. Что за мрачный край! Какая скучная природа! Какъ тяжело жить на этомъ берегу!...» Между тѣмъ какъ другой изслѣдователь Мурмана, и притомъ очень компетентный, г. Гулевичъ, не только характеризуетъ климатъ Мурмана какъ умеренный, но и даетъ цѣлый рядъ метеорологическихъ данныхъ, добытыхъ наблюденіями на трехъ пунктахъ берега (становищахъ Цыпъ-Наволокъ, Териберкъ и Гавриловъ), изъ которыхъ видно, что въ теченіи года вообще и въ частности въ теченіи лѣта преобладаютъ далеко не восточные вѣтры, что туманы, не составляя рѣдкости, однако вовсе не характерны для лѣта и, наконецъ, что начиная съ середины Мая и въ особенности съ 20-хъ чиселъ Іюня преобладаетъ положительно тихая и ясная погода съ южнымъ и юго-восточнымъ вѣтрами вплоть до 1-го, а иногда и до 20-го Августа. Третій изслѣдователь (г. Верецагинъ) снова утверждаетъ, что на Мурманскомъ берегу «лѣто существуетъ только по имени, а на самомъ дѣлѣ это осень, сырая, дождливая и холодная...» и что, наоборотъ, «внутри Лапландіи лѣтомъ выдаются иногда такіе дни, которые будто по ошибкѣ природы, занесены сюда изъ далекихъ странъ теплаго пояса...» Между тѣмъ, четвертый (г. Дергачевъ) утверждаетъ, что лѣтомъ на Мурманѣ дуютъ «юго-восточные и южные съ ясною погодой и тепломъ вѣтра»... и что дождь и туманъ бываютъ только при сѣверномъ и сѣверо-восточномъ вѣтрѣ. Подобныя противурѣчивыя показанія разныхъ изслѣдователей Мурмана, число которыхъ мы могли бы продолжить до безконечности, обусловливаются, какъ мы уже отмѣтили, субъективизмомъ наблюдателей и отсутствіемъ точныхъ и постоянныхъ метеорологическихъ наблюденій по возможности въ большомъ количествѣ пунктовъ берега.

Однако, несмотря на крайнее разнообразіе взглядовъ на климатъ и вообще природу Мурманскаго берега, общее впечатлѣніе, производимое ими, рисуетъ картину далеко не такой мрачной, какъ это изображаютъ ходячія мнѣнія объ этой далекой окраинѣ. Безъ особенной натяжки можно сказать, что климатъ и природа болѣе

южных частей губерніи гораздо, въ общемъ, суровѣе, чѣмъ на Мурманѣ и. если Мурманъ, въ ходячихъ мнѣніяхъ о немъ, и кажется такимъ непривѣтливымъ и угрюмымъ, то, какъ кажется, главнымъ образомъ. потому что почти на всемъ протяженіи своемъ представляетъ гряду скалъ, не покрытыхъ въ большинствѣ случаевъ растительнымъ покровомъ. Впрочемъ и это обстоятельство не такъ ужъ удручающе дѣйствуетъ на наблюдателя уже потому, что въ глубокихъ долинахъ и ущельяхъ прибрежныхъ горъ, въ особенности по теченію рѣкъ и ручьевъ, число которыхъ по Мурманскому берегу очень значительно, имѣются луга, хотя и съ довольно однообразной по числу видовъ растительностью, но совершенно достаточныя при надлежащемъ уходѣ для пастбы скота. Это дѣйствительно подтверждается тѣми свѣдѣніями о колонизаціи Мурмана, которыя имѣются въ официальныхъ отчетахъ; такъ, оказывается, что около 400 колонистскихъ семей на этомъ берегу владѣютъ 431 голов. крупнаго скота и 980 гол. мелкаго, не считая 4310 шт. оленей, для которыхъ нужны моховыя болота, а не луга въ обычномъ смыслѣ этого слова. При этомъ нужно замѣтить, что добрая треть колонистовъ совсѣмъ не держитъ скота, хотя и имѣетъ къ тому полную возможность, по причинамъ, не имѣющимъ ничего общаго съ недостаткомъ или изобиліемъ луговъ. Эта треть, преимущественно и къ сожалѣнію изъ русскихъ колонистовъ, занимается исключительно торговлей, пьянствомъ, если только это послѣднее можно назвать занятіемъ, и, вообще, далеко не представляетъ собою подлинныхъ и исправныхъ колонистовъ. Такимъ образомъ, число колонистовъ, владѣющихъ скотомъ, уменьшается до 270 семей, слѣд. на каждую семью придется, въ среднемъ выводѣ, по 1½ штуки крупнаго скота и почти по 4 шт. мелкаго, что уже указываетъ на довольно обширную луговую площадь. Несомнѣнно, впрочемъ, что тундровыхъ пространствъ несравненно больше, чѣмъ луговыхъ, на что имѣются прямыя указанія многихъ изслѣдователей Мурмана.

Summa summarum, климатъ и природа Мурманскаго берега далеко не представляютъ чего-либо исключительнаго по своей суровости, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ отличаются даже въ выгодную сторону сравнительно съ мѣстностями, лежащими болѣе глубоко внутри страны, кстати сказать, населенными значительно гуще, чѣмъ Мурманскій берегъ.

Въ pendant къ приведеннымъ нами разнообразнымъ мнѣ-
ніямъ многочисленныхъ изслѣдователей нашего сѣвера, кстати
сказать чрезвычайно важныхъ для рѣшенія вопроса о возможности
колонизаціи Мурмана, мы приведемъ здѣсь изъ цѣлаго ряда мнѣ-
ній, сгруппированныхъ въ извѣстной, надѣлавшей въ свое время
много шума, книгѣ Сидорова, «Сѣверъ Россіи», нѣсколько отзы-
вовъ и мнѣній о климатѣ и природѣ Мурмана, какъ русскихъ, такъ
и норвежскихъ, представляющихся для насъ особенно интересными.
Такъ, Архангельскій генераль-губернаторъ маркизь де-Траверсэ на по-
данной ему въ 1842 г. архангельскимъ, вятскимъ и вологод-
скимъ купечествомъ просьбѣ о разрѣшеніи учредить въ Печенгской
губѣ (близъ границы Россіи съ Норвегіей) «Полярную Компанію» для
рыболовства, звѣроловства и мореходства, написалъ: «тамъ могутъ
жить только два пѣтуха, да три курицы...» Архангельскій вице-
губернаторъ А. Софроновъ въ засѣданіи Имп. В.-Э. Об-ва въ 67
году характеризовалъ природу и климатъ Мурмана, если и не столь
кратко, то и не менѣе мрачно. «Какимъ образомъ, говорилъ этотъ
знатокъ края,—мы заключимъ контрактъ съ природою, чтобы
почва, которая тамъ климатическими условіями осуждена на без-
дѣйствіе, сдѣлалась бы лучше, или климатъ измѣнился, чтобы зима
сдѣлалась короче, морозы легче, и наконецъ, чтобы тамъ возможно
было водворить какой-нибудь живой элементъ...» Бывшій лѣсничій
въ г. Колѣ, Малышевъ ничего не нашелъ прибавить къ этому
мнѣнію, какъ то, что онъ, проживъ 7 лѣтъ въ Колѣ, «вполнѣ со-
гласенъ съ г. Софроновымъ», и что тамъ, т. е. на Мурманѣ—
«устройство путей сообщенія невысказимо—колонизація невысказима...»
Нѣкто статскій совѣтникъ Клаузъ, говоря о значительномъ пони-
женіи температуры по всему Мурману, начиная съ XV вѣка, при-
бавляетъ: «возможна ли колонизація? Не нужно ли намъ радо-
ваться, что есть еще люди, которые охотно селятся на нашъ сѣ-
веръ—это шведы и норвежцы?» Очевидно, г. Клаузъ полагалъ,
что то, что шведу и норвежцу здорово, то русскому—смерть...

Слѣдующія два мнѣнія людей близко стоявшихъ къ народу и
испытавшихъ на себѣ дѣйствіе природы и климата Мурманскаго
берега, совершенно противоположны приведеннымъ. Такъ, судеб-
ный слѣдователь г. Колы и Мурманскаго берега, г. Комповскій,
проведшій много лѣтъ на этомъ берегу, говоритъ: «климатъ въ
Лапландіи менѣе суровъ, чѣмъ въ горной части Архангельской

губерніи, что происходит отъ вліянія Сѣвернаго океана и Бѣлаго море. Въ Колѣ обыкновенные морозы бываютъ въ 10—15° и только въ самую лютую зиму доходятъ до 23° не болѣе...» Мнѣніе промышленника г. Колы и Мурманскаго берега, г. Оскерко идетъ еще далѣе въ этомъ направленіи—онъ говоритъ, что «на всемъ протяженіи берега... природа ставя оплотъ вѣчно-плещущихъ волнъ, укрѣпила берегъ почти сплошнымъ крупнозернистымъ гранитомъ и образовала много значительныхъ защищенныхъ закрытыхъ отъ моря заливовъ, или загибомъ берега, или отдѣльными обломками скаль, дающихъ безопасный пріютъ, съ множествомъ ручьевъ, дающихъ прѣсную воду. Во всѣхъ этихъ заливахъ, или лучше сказать, по всему берегу, вдаваясь въ глубь материка, можно найти луговья мѣста, гдѣ съ успѣхомъ можетъ быть разведено скотоводство и въ извѣстномъ размѣрѣ огородничество... Близость моря и существованіе въ немъ внутренняго теченія теплой воды *) дѣлаютъ климатъ русскаго промысловаго берега болѣе умѣреннымъ, нежели въ другихъ мѣстностяхъ Архангельской губ.... Кольскій заливъ въ иную зиму покрывается льдомъ на 30 верстъ ниже Колы. Мурманскій же берегъ ни въ какую зиму не покрывается льдомъ и на 30 сажень. Да притомъ такіе морозы бываютъ недолго. Малѣйшая переменъ въ движеніи воздуха сейчасъ смягчаетъ суровость температуры... Самое состояніе крутыхъ береговъ материка имѣетъ большое гігіеническое значеніе, потому что при отливахъ морской воды только понижается ея уровень, но не открывается какъ въ другихъ мѣстностяхъ, на большое пространство дно моря. Это предохраняетъ Мурманскій берегъ отъ вредныхъ міазмовъ и, несмотря на необыкновенное неряшество и нечистоту, допускаемую промышленниками, воздухъ вообще остается здоровымъ и не бываетъ никогда проявленія какой либо особенной мѣстной болѣзни. Хотя и указываютъ, прибавляетъ г. Оскерко,—на скорбуть и цыгуну... но зародыши этой болѣзни приносятъ уже промышленники съ собою отъ чрезмѣрнаго напряженія и изнуренія трудовыхъ силъ и рѣзкаго затѣмъ перехода къ отдыху...»

*) Существованіе теплаго теченія вдоль *всего* Мурманскаго берега доказывается тѣмъ, что у самаго Св. Носа найдены запасныя части американскихъ деревьевъ, а также каштаны.

Совершенный контрастъ съ большинствомъ приведенныхъ нами русскихъ мнѣній о сѣверномъ побережьи Ледовитаго океана представляютъ мнѣнія норвежцевъ. Профессоръ Вульфсбергъ (въ 1867 г.) напр., утверждаетъ, что «на южныхъ сторонахъ Варангера (пріобрѣтеннаго отъ Россіи) лѣтомъ въ тѣни бываетъ отъ 22 до 23° R.; земли тамъ плодородны; на нихъ родится такой вкусный картофель, какого нѣтъ во всей Норвегіи; огородничество превосходно, травы самыя ароматичныя...» Другой норвежскій профессоръ, Килау (Keillan) говоритъ: «средняя температура цѣлаго года на Нордкапѣ $+0,1$ R, у мыса же Норкина, который *восточнѣе* Нордкапа, г. Килау видѣлъ пчѣлъ... тамъ не бываетъ никакихъ болѣзней, кромѣ цынги, которая вполнѣ излечима...» Промышленникъ мѣстечка Moose (подъ 71° с. ш.) пишетъ въ газетѣ Финмаркенской (1868 г.)... «съ 7-го Февраля наступила теплая погода, свѣтлые солнечные дни. Въ Финмаркенѣ въ прошедшую зиму морозы были необыкновенныя, которые считаются большою рѣдкостью: они доходили до 15°... и т. д.»

Ограничиваясь приведенными мнѣніями, можно съ нѣкоторой увѣренностью, несмотря на отсутствіе точныхъ и за длительный промежутокъ времени метеорологическихъ данныхъ, снова подтвердить, уже сдѣланный нами ранѣе, средній выводъ изъ многочисленныхъ, хотя и неполныхъ наблюденій надъ климатомъ и вообще природою Мурманскаго берега: берегъ этотъ, вообще, въ климатическомъ отношеніи не хуже, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже превосходить болѣе удаленныя отъ него въ глубь материка мѣстности Архангельской губ. и для колонизаціи вполнѣ пригоденъ. Если же эта колонизація развивается очень туго, то на это есть свои причины, о которыхъ мы скажемъ дальше.

II.

Прошлое Мурмана и его промысловъ.

Вообще берега Ледовитаго океана издавна уже посѣщались русскими промышленниками; тоже самое можно сказать и про Мурманскій берегъ, который, повидимому, въ XI вѣкѣ уже принадлежалъ русскимъ. Въ извѣстной книгѣ Эрика Бернъера, изданной въ Стокгольмѣ въ 1740 году, имѣются прямыя и точныя указанія на то, что въ XI вѣкѣ границею между древней Русью и Норвегіей считался, по договору Ярослава Мудраго съ норвежскимъ королемъ Олафомъ Трикесономъ, морской заливъ Люгенъфіордъ. Эта граница, установленная путемъ мирнаго договора, закрѣпленнаго въ свою очередь женитьбой Ярослава на дочери Олафа, конечно, не была фактически гранью, раздѣлявшей владѣнія двухъ сосѣднихъ государствъ, ибо постоянные переходы черезъ нее съ разными цѣлями были въ то время самымъ обычнымъ явленіемъ. По смерти Олафа между Русью и Скандинавіей начались непрерывныя войны, закончившіяся мирнымъ договоромъ между шведскимъ королемъ Магнусомъ въ 1323 г. и новгородскимъ княземъ Юріемъ Даніиловичемъ. По этому договору нашимъ рубежемъ на Мурманскомъ берегу сталъ считаться уже Варангерскій заливъ (въ настоящее время уступленный Норвегіи).

Минуя самый древній періодъ, т. е. періодъ до XI в., въ теченіи котораго также, повидимому, существовали поселенія, если не на самомъ Мурманскомъ берегу, то въ недалекомъ отъ него разстояніи, малоизвѣстнаго въ исторіи народа Чуди, мы находимъ первыя достовѣрныя свѣдѣнія о русскихъ поселенцахъ на Мурманѣ, относящіяся къ XIII вѣку. Подъ 1264 годомъ въ русскихъ лѣтописяхъ мы находимъ первое извѣстіе о русскомъ поселеніи на Мурманѣ, повидимому, однако существовавшемъ еще ранѣе, именно о Колѣ, но когда и кѣмъ основана Кола въ историческихъ матеріалахъ не имѣется никакихъ указаній. Кольское поселеніе въ то время было, повидимому, промысловымъ пунктомъ и только въ

1550 году приобретаетъ военно-стратегическое значеніе, благодаря тому, что Іоанну Грозному, ведшему войны со шведами, крайне необходимо было имѣть укрѣпленный пунктъ на сѣверѣ: съ этой цѣлью Кола превращается въ «острогъ» и туда посылается новый воевода. Но еще раньше, т. е., въ то время, когда Новгородъ жилъ своею независимой жизнью, и когда весь Двинскій край принадлежалъ этой республикѣ, всё побережья Сѣвернаго океана, въ томъ числѣ и Мурманское, были заселены или посѣщались промышленниками, промыслъ которыхъ, судя по нѣкоторымъ даннымъ, строго контролировался съ фискальными цѣлями. Въ XVI вѣкѣ, а именно въ 1581 году, въ нѣкоторыхъ пунктахъ Мурманскаго берега новгородскимъ правительствомъ была даже введена откупная система: сборы «десятой рыбы» отдавались за особую плату частнымъ лицамъ, а иногда и цѣлымъ обществамъ (какъ напр. въ Варзугѣ въ 1582 году сборы были уступлены крестьянамъ за 145 руб.). Нѣсколько позднѣе, въ 1590 году, исторія отмѣчаетъ фактъ отмѣны пощлины, уплачиваемой колянами новгородскому правительству, а вскорѣ затѣмъ и другой чрезвычайно важный фактъ отдачи всѣхъ промысловъ на откупъ иностраннымъ «гостямъ Петру Морсенесу и Еремею Фельцу», уплачивавшими за промышленниковъ ихъ пощлину. Это обстоятельство было крайне разорительно для края и надолго остановило развитіе промысловъ, т. к. промышленники обязаны были сдавать иностранной компаніи всю свою добычу по принудительной цѣнѣ. Лишь въ 1646 году иностранные «гости» должны были уступить свое привилегированное мѣсто самостоятельно дѣйствовавшимъ промышленникамъ и откупная система была уничтожена. Въ 1665 году въ Колѣ была открыта таможенная застава и поселены стрѣльцы и цѣловальники, которые періодически предпринимали обходы побережья съ цѣлью взиманія «десятой рыбы». Притѣсненія этихъ цѣловальниковъ и стрѣльцовъ были настолько крупны, что даже тогдашнее правительство узнало о нихъ и сборъ десятины поручило «гостямъ съ товарищами» (въ 1691 г.). Регламентация промысловъ, имѣвшая постоянно въ виду чисто фискальныя цѣли, доходитъ нѣсколько позднѣе до того, что (въ 1696 г.) промышленникамъ вмѣнено было въ обязанность привозить въ Архангельскъ рыбій жиръ въ опредѣленнаго объема бочкахъ, самый надзоръ за промыслами былъ усиленъ до крайней степени, а налогъ натурою былъ замѣненъ денежнымъ: съ

тысячи трески взималось по 16 гривенъ, а съ 10 пудовъ рыбьяго сала—15 алтынъ. Кромѣ того, если рыба предназначалась къ продажѣ внутри государства, то съ промышленниковъ брали по торговому уставу 1667 г. по 10 денегъ съ рубля, не считая извѣстной части улова, отдаваемого промышленниками въ пользу города Архангельска и поморскихъ монастырей. Хотя величина этого налога намъ и неизвѣстна, однако онъ, по всей вѣроятности, былъ не менѣ одной десятой части улова. Такимъ образомъ, съ 17-го вѣка сѣверные наши промыслы были обременены значительнымъ налоговымъ бременемъ, что, безъ сомнѣнія, едва-ли содѣйствовало ихъ развитію.

Второй періодъ въ исторіи развитія вообще морскихъ промысловъ всего побережья Сѣвернаго океана, въ частности Мурманскаго берега, наступаетъ въ царствованіе Петра Великаго, обратившаго особенное вниманіе на развитіе морскихъ промысловъ сѣвера. Первое, на что онъ обратилъ вниманіе—это была чисто техническая сторона промысловъ. Правда, промышленниковъ нечего было учить искусству ловли, но улучшить способы приготовленія улова къ продажѣ, повысить доброкачественность, а слѣдовательно и цѣнность продуктовъ промысла, представлялось безусловно необходимымъ, т. к. эти продукты не выдерживали никакого сравненія съ норвежскими, а потому и не находили себѣ такого широкаго сбыта, какой могли бы имѣть при другихъ условіяхъ. Съ этой цѣлью Петръ отдалъ промыслы на содержаніе особой компаніи, обладавшей большими средствами. Эта реформа состоялась въ 1704 г. и компанія, состоявшая изъ князя Меншикова, братьевъ Шафировыхъ, Григорьева и Копьева, стала функционировать «для большаго промысловъ размноженія и вспоможенія торговли».

Пошлина уплачивалась, конечно, компаніей, но уже уменьшенная на ту часть, которая шла въ пользу Архангельскихъ и поморскихъ монастырей. Однако, расчеты Петра и надежды, имъ возлагавшіяся на компанію бѣломорскихъ промысловъ, оказались очень ошибочными, какъ и слѣдовало ожидать. Монополистическій характеръ компаніи сдѣлалъ то, что компанія эта, вѣсколько не заботясь о «размноженіи» промысловъ, скупала у бѣдныхъ промышленниковъ по произвольнымъ цѣнамъ рыбу и заботилась исключительно о возможно скоромъ обогащеніи.

Отвлеченный государственными заботами въ другую сторону, Петръ Великій только черезъ 18 лѣтъ обратилъ свое вниманіе на состояніе морскихъ промысловъ и увидалъ, въ какомъ ужасномъ положеніи они находятся. Предполагая исправить свою ошибку и думая, что индифферентное отношеніе главарей компаніи къ судьбамъ самихъ промысловъ обуславливается ихъ незаинтересованностью въ торговлѣ, Петръ отнимаетъ монополію у дворянъ и отдаетъ ее въ руки купцу «гостиной сотни» Матвѣю Еврейнову на 20 лѣтъ (въ 1722 г.). Но на этотъ разъ императоръ уже съ недовѣріемъ относится къ способности отдѣльныхъ лицъ, движимыхъ исключительно своекорыстными побужденіями, содѣйствовать «умноженію промысловъ» и возлагаетъ выборъ и утвержденіе членовъ новой компаніи на Коммерцъ-Коллегію и, что важнѣе всего, ставитъ непремѣннымъ ей условіемъ, либо производить самой промыслы, либо скупать рыбу у промышленниковъ, но уже по вольной цѣнѣ, и вообще, обставляетъ дѣятельность компаніи различными ограниченіями, вродѣ обложенія ея пошлиной въ увеличенномъ размѣрѣ, строгаго контроля надъ ея дѣйствіями и т. д. Но и этотъ опытъ былъ неудаченъ, и Петръ уже черезъ годъ уничтожаетъ окончательно монополію и предоставляетъ промыслы ихъ естественному развитію. Однако, на этомъ не прекращаются заботы Великаго преобразователя Россіи—въ 1723 году онъ выписываетъ изъ заграницы мастера для соленія трески и разрѣшаетъ иностранцамъ свободную продажу на мѣстахъ промысловъ своей соли и даже устройство заводовъ для соленія рыбы.

Послѣднее распоряженіе Петра внушило иностранцамъ мысль хлопотать о дарованіи имъ на опредѣленный срокъ монопольнаго производства промысловъ, но Петръ ходатайства эти отклонилъ, и только въ 1726 году императрицей Екатериной была разрѣшена смѣшаннаго, полурусскаго, полуиностраннаго характера монопольная компанія, обязанная, однако, производить свои операціи на казенный счетъ, т. е., другими словами, была учреждена государственная монополія подъ управленіемъ опять Коммерцъ-Коллегіи.

Въ царствованіе Екатерины I заботы правительства о развитіи и улучшеніи морскихъ промысловъ съверху не прекращаются. Въ томъ-же, 1726 г., учреждается особая китобойная компанія въ Колѣ и посылается для организаціи ея президентъ Коммерцъ-Коллегіи Шафировъ, но, вмѣсто этой компаніи, Шафировъ отдаетъ

семужи ловы компаніи Архангельскихъ купцовъ на четыре года и возвращается, не исполнивъ возложеннаго на него порученія. Насколько сильно было желаніе правительства содѣйствовать развитію промысловъ, видно изъ того факта, что члены учрежденной Шафировымъ компаніи освобождались даже отъ отбыванія воинской повинности и отъ постоя.

Возвращаясь къ тресковому промыслу, сдѣлавшемуся собственностью государства, мы видимъ постепенный его упадокъ, низведшій всю добычу отъ этого промысла до 37 304 руб. (въ 1726 г.), тогда какъ ранѣе этотъ же промыселъ даже при крайне неблагоприятныхъ, частно-монопольныхъ условіяхъ существованія давалъ до нѣсколькихъ сотъ тысячъ валового дохода. Въ виду этого, въ 1730 году казенная монополія снова была отмѣнена и промыслы предоставлены поселенію въ вольное пользованіе. Но уже въ слѣдующемъ году протекціонныя симпатіи снова берутъ верхъ и промыслы снова отдаются въ монопольное пользованіе, на 30 уже лѣтъ, тому же Еврейнову, впрочемъ, за исключеніемъ самого главнаго, трескового, оставшагося въ вольномъ пользованіи народа. Компанія эта просуществовала только 4 года и затѣмъ дѣла перешли къ Шафирову, а отъ послѣдняго въ 1742 г. къ барону Шембергу и на этотъ разъ уже вмѣстѣ съ тресковымъ промысломъ. Наконецъ, промыслы, послѣ Шемберга, опять еще разъ попадаютъ въ руки казны и въ вѣдѣніе Архангельской губернской канцеляріи, а потомъ даже въ вѣдѣніе особой конторы въ Архангельскѣ, учрежденной въ 1744 г. Казенное управленіе промыслами ни на шагъ не подвинуло ихъ развитіе и они опять переходятъ въ частныя руки къ графу Шувалову и его наслѣдникамъ на 20 лѣтъ «для лучшаго тѣхъ промысловъ произведенія и приращенія государственнаго интереса». Эта послѣдняя монополія является уже субсидированной, т. к. Шувалову «въ пособіе» выдается изъ казны 6 т. рублей. Промыслы были переданы на тѣхъ же условіяхъ, какъ и купцу Еврейнову. Съ момента полученія монополіи Шуваловъ начинаетъ свою устроительную дѣятельность съ устройства въ Архангельскѣ особой промысловой конторы и затѣмъ приступаетъ къ устройству быта промышленниковъ, помогая имъ доставкой предметовъ первой необходимости и облегчая полученіе паспортовъ. Но этими полумѣрами собственно Шуваловъ и ограничился, ибо его указъ (1750 г.) о запрещеніи промышленникамъ продавать сало въ

постороннія руки, помимо компаніи и (1753 г.) приказаніе не только промышленникамъ, но и частнымъ лицамъ добытую треску продавать исключительно приказчикамъ Шувалова—не имѣли никакого отношенія къ «приращенію государственнаго интереса», а тѣмъ болѣе къ «лучшему произведенію» промысловъ. Конечно, не одними указанными мѣрами ограничивалось управленіе Шувалова по отношенію къ промысламъ, но по приведеннымъ уже можно судить, какой характеръ онѣ носили. Естественно, что польза всѣхъ этихъ мѣръ была болѣе чѣмъ проблематична.

Въ 1762 г. снова послѣдовалъ указъ, которымъ всѣ монополіи были уничтожены и промыслы оставлены были въ управленіи Шувалова только до истеченія 20-лѣтняго срока. Указомъ 1768 г. всѣ промыслы были предоставлены жителямъ Архангельской губерніи, «могущимъ имѣть отъ того свое пропитаніе», кромѣ торговли саломъ, составившей монополію архангельскихъ купцовъ на 10 лѣтъ. Хотя эта послѣдняя монополія по существу не отличалась отъ Шуваловской, но, повидимому, управленіе Шувалова было просто губительно для промысловъ, насколько объ этомъ позволяютъ судить цифры. Такъ, управленіе Шувалова въ теченіи 20 лѣтъ отправляло сала отъ 1800 до 8800 бочекъ въ годъ, между тѣмъ, какъ архангельскіе купцы отправляли его за границу ежегодно отъ 5680 до 14080 бочекъ... На этомъ основаніи монополія была за архангельскими купцами оставлена еще на 10 лѣтъ.

Слѣдующій періодъ въ исторіи нашихъ морскихъ промысловъ по Мурману и Бѣлому морю вплоть до 1803 года, т. е. въ теченіи 35 лѣтъ, характеризуется полной ихъ свободой отъ всякой монополіи. Къ сожалѣнію, въ историческихъ документахъ относящихся къ тому времени, нѣтъ никакихъ указаній относительно развитія промысловъ въ этотъ 35-лѣтній промежутокъ, чтобы съ достаточной наглядностью оцѣнить послѣдствія предшествующаго монопольнаго ихъ существованія.

Каковы были причины, понудившія правительство въ 1803 году отдать промыслы частной «Бѣломорской компаніи», намъ неизвѣстно, но тогдашнее купечество и промышленники встрѣтили эту мѣру съ большимъ неудовольствіемъ. И эта новая компанія не обошлась безъ правительственныхъ субсидій, и на этотъ разъ субсидія простиралась уже до 263 т. рублей. Въ видъ особой льготы этой компаніи была уступлена Екатерининская гавань на

Мурманскомъ берегу и компанія устроила по берегамъ ея пристани, склады и магазины. Но уже въ 1809 г. компанія перестала существовать, благодаря разграбленію ея имущества и захвата судовъ англичанами; впрочемъ, компанія не совсѣмъ прекратила свое существованіе и кое-какъ влачила его до 1813 г. Съ этого года мурманскіе промыслы, повидимому, навсегда дѣлаются вольными....

Этотъ скорбный листъ нашей промышленности на крайнемъ сѣверѣ далеко еще не полонъ—мы привели въ бѣгломъ очеркѣ только крупнѣйшіе моменты изъ исторіи ея, но совершенно не касались внутренней жизни, въ свою очередь чреватой всевозможными «воздѣйствіями» со стороны отечески опекавшей ее администраціи. Ниже мы еще не разъ остановимся на интимной, т. ск., исторіи Мурмана и покажемъ съ достаточной ясностью результаты его почти четырехвѣковой исторіи. Но уже изъ сдѣланнаго нами бѣглого очерка, видно, что промыслы на Мурманѣ, строго говоря, никогда не были свободны, даже въ періодъ владычества Новгородской республики, а начиная съ Петра положительно пріобрѣтають характеръ какой-то игрушки, перебрасываемой изъ рукъ одной монополярной компаніи въ руки другой, отъ нея въ руки казны и обратно... Что пережила за все это время многострадальная промышленность сѣвера, мы не можемъ съ полною достовѣрностью сказать, потому что она не имѣетъ еще своего исторіографа, который бы документально воспроизвелъ исторію ея внутренняго развитія. Изъ грубо набросанныхъ чертъ ея историческаго прошлаго, однако, съ достаточной ясностью видно, что никакихъ существенныхъ перемѣнъ въ сторону большаго развитія промысловъ, улучшенія ихъ техники, усиленія ихъ экономическаго значенія и т. д., не произошло и даже совершалось нѣчто обратное. Памятники 18-го вѣка рисуютъ техническую сторону промысловъ совершенно въ такомъ-же видѣ, какъ это наблюдается въ настоящее время, т. е., спустя болѣе ста лѣтъ. Экономическое же значеніе промысловъ умалилось въ нѣсколько разъ: если во времена Ломоносова, оставившаго, кстати сказать, превосходную монографію народно-хозяйственной жизни на сѣверѣ, Мурманскіе промыслы привлекали до 10.000 человѣкъ промышленниковъ, то въ настоящее время число этихъ послѣднихъ колеблется около 3000 чел. Аналогичныхъ фактовъ такъ много, несмотря на неполноту

историческихъ данныхъ, что мы затрудняемся даже сдѣлать хотя бы простой ихъ перечень, тѣмъ болѣе, что въ послѣдствіи коснуться этихъ фактовъ придется не разъ.

Въ краткомъ перечнѣ фактовъ, составляющихъ формальную исторію Мурманскихъ промысловъ, мы не коснулись еще нѣкоторыхъ ея подробностей, касающихся исторіи китоловства, акульяго промысла и вообще промысла морскихъ звѣрей. Не сдѣлали мы этого, главнымъ образомъ, въ виду того, чтобы не повторяться, ибо эти эпизоды въ общей исторіи Мурманскихъ промысловъ, только повторяютъ собою то, что характеризуетъ почти 4-хъ вѣковое существованіе всего Мурманскаго промысла: тѣ-же непрерывные и плохо мотивированные переходы отъ полной свободы къ монополюной зависимости, та-же эксплуатація ихъ монополюными компаниями, то-же, въ концѣ концовъ, разореніе промышленниковъ. Другая, хотя и менѣе важная причина, по которой мы не останавливались на исторіи этихъ двухъ промысловъ, заключается еще въ томъ, что эти промыслы никогда не играли крупной роли въ исторіи Мурманска.

Любопытной исторической параллелью рисуется исторія сосѣдняго съ Мурманскимъ, норвежскаго берега, непосредственнаго продолженія Мурманскаго берега къ западу, именно той части, которая извѣстна подъ именемъ Финмаркена. Такъ, положительно извѣстно, что въ XV и XVI вѣкахъ поморы посѣщали, кромѣ Мурманска, и берегъ Финмаркена, занимаясь тамъ рыбными промыслами и доходя съ этой цѣлью до м. Нордкапа и далѣе, зимовали на этомъ берегу и устраивали тамъ склады. Такъ шло дѣло до XVIII вѣка и все это время русскіе промышленники доминировали на всемъ побережьи и даже основывали на Финмаркенскомъ берегу города, какъ напр. Васинъ и Варгаевъ, обратившіеся впоследствии въ Вадзэ и Вардэ. Подобное положеніе вещей объяснялось тѣмъ, что Финмаркенъ былъ бѣдной, забитой стороной, страдавшей отъ тяжелаго гнета «*монополии*, дарованной норвежскимъ правительствомъ нѣсколькимъ бергенскимъ купцамъ» — какъ характеризуетъ одинъ изъ историковъ положеніе вещей на Финмаркенѣ. Установившаяся было мѣншая торговля поморовъ съ обитателями Финмаркена, была постояннымъ предметомъ жалобъ со стороны бергенскихъ купцовъ, ревниво оберегавшихъ свои привилегіи и вызвала даже указъ императрицы Екатерины II, которымъ предписывалось

«русскимъ въ Финмаркенѣ заниматься промысломъ не въ притѣсненіе или вредъ Его Датскаго Величества...»

Но вотъ, въ срединѣ 18-го и въ первой половинѣ 19-го вѣка въ Норвегіи происходитъ цѣлый рядъ политическихъ и общественныхъ перемѣнъ, и Норвегія вмѣстѣ со Швеціей сходятъ съ арены политической жизни, перестаютъ играть сколько-нибудь замѣтную политическую роль и главное свое вниманіе обращаютъ на внутреннее свое устроительство. Какъ и слѣдовало ожидать, первымъ предметомъ, привлекшимъ вниманіе норвежскаго правительства, былъ морской промыселъ на берегахъ Финмаркена. «Началось тщательное изслѣдованіе и изученіе причинъ упадка рыбныхъ промысловъ въ Финмаркенѣ, и для устраненія главной изъ нихъ, т. е. монополіи, сосавшей Финмаркенъ, была объявлена въ этой провинціи полная свобода торговли и были учреждены три портовыхъ города. Съ этихъ поръ русско-норвежская мѣновая торговля стала официально признаннымъ фактомъ. Русскимъ поморамъ были даны многія льготы для облегченія и развитія мѣновыхъ сношеній, но зато послѣдовали ограниченія ихъ правъ промысловъ у норвежскихъ береговъ...»

Послѣдствія такого образа дѣйствій не замедлили себя показать: поморы жадно устремились за выгодами легкой и быстрой наживы путемъ мѣновой торговли и все болѣе и болѣе забрасывали свои промыслы, предпочитая ввозить въ Россію вымѣненную у норвежцевъ рыбу, обходившуюся имъ дешевле, чѣмъ у себя дома. Норвежскіе же промыслы все болѣе и болѣе разцвѣтали, Финмаркенъ быстро сталъ заселяться и уловы рыбы достигли громаднхъ размѣровъ. Интересно то обстоятельство, что норвежцы не удовлетворились завоеваннымъ уже русскимъ рынкомъ и простирали свои виды и на другіе рынки, послѣдствиемъ чего было то, что норвежская рыба пріобрѣла себѣ сбытъ даже въ Испаніи. Во вновь основанныхъ городахъ, Вардэ, Вадзэ и Гамерфестѣ явились торговые дома, салотопенные и гуанные заводы, утилизовавшіе отбросы рыбныхъ и звѣриныхъ промысловъ. Организовались тутъ же склады соли, хлѣба и т. д. и Финмаркенъ менѣе чѣмъ въ сто лѣтъ сдѣлался цвѣтущимъ уголкомъ, привлекавшимъ къ себѣ не только торговые капиталы, но и туристовъ-иностранцевъ, пріѣзжавшихъ любоваться кипучей жизнью сѣвера и его промыслами.

Что было сдѣлано норвежскимъ правительствомъ для достиженія такихъ блестящихъ результатовъ?

Предоставляемъ отвѣтить на этотъ вопросъ фактамъ... А факты говорятъ слѣдующее: «норвежскимъ правительствомъ были предприняты обширныя гидрографическія изслѣдованія, разставлены маяки, устроены порты, проведены дороги и телеграфъ, учреждены и субсидированы срочные, не только магистральные, но и мѣстные пароходные рейсы, поддерживающіе сообщеніе въ теченіи всего года, построены церкви, открыты школы и метеорологическія станціи...»

Чтобы закончить эту любопытную историческую параллель, остается добавить только, что лишь послѣдніе 5—10 лѣтъ въ исторіи нашихъ Мурманскихъ промысловъ начинаютъ, и то лишь отчасти, напоминать факты изъ прошлаго Финмаркена. Теперь есть телеграфъ, есть очень еще немного гидрографическихъ работъ, срочные пароходные рейсы... но все это лишь въ очень микроскопическихъ по сравненію съ Финмаркеномъ размѣрахъ. Краснорѣчіе приведенныхъ фактовъ настолько убѣдительно, что бытописателю ничего не остается дѣлать отъ себя, чтобы отмѣтить выдающіяся черты въ приведенной параллели...

III.

Богатства Мурманскаго моря.

Тресковый промыселъ. Исторія акуляго и китобойнаго промысловъ.

Капитальнѣйшее и, строго говоря, единственное цѣльное и систематическое описаніе рыбныхъ богатствъ нашихъ сѣверныхъ водъ вообще, въ частности рыбныхъ богатствъ Баренцова (Мурманскаго) моря, принадлежащее перу извѣстнаго изслѣдователя жизни русскаго сѣвера, г. Данилевскаго, сначала категорически отрицаетъ установившееся мнѣніе относительно неисчерпаемости этихъ богатствъ и остерегаетъ «отъ преувеличенныхъ понятій» о рыбномъ богатствѣ нашихъ сѣверныхъ водъ. Вся аргументація этого солиднаго автора, главнымъ образомъ, основывается на результатахъ изысканій академика Бэра надъ условіями питанія и размноженія рыбъ—изысканій, по мнѣнію г. Данилевскаго, точно установившихъ законъ, опредѣляющій «количество рыбнаго запаса въ данномъ водоемѣ количествомъ заключающихся въ немъ питательныхъ веществъ, если только рыбамъ не противопоставляются преграды, препятствующія ходу ихъ въ мѣста, удобныя для выметыванія икры..» Приводя этотъ законъ, г. Данилевскій тотчасъ вспоминаетъ, что онъ «со всею строгостью примѣняется только къ замкнутымъ водоемамъ, каковы прѣсноводные озера или, напр., Каспійское море..» «Однако же, продолжаетъ г. Данилевскій, нельзя не признать, что имъ же обусловливается, если не совершенно исключительно, то по крайней мѣрѣ преимущественно, количество рыбнаго запаса и въ такихъ водоемахъ, которые, подобно Бѣлому морю, находятся въ непосредственномъ соединеніи съ открытымъ океаномъ. Теорія миграцій, допускающая, что рыбы, по какому-то необходимому инстинкту, періодически совершаютъ, подобно птицамъ, огромныя путешествія, нынѣ оставлена всѣми авторитетами ихтиологіи..»

Любопытно, что тотъ-же г. Данилевскій, подбирая фактъ за фактомъ, аргументъ за аргументомъ въ пользу своего основного положенія, кстати сказать, основаннаго, какъ это выяснилось въ послѣднее время, на неполныхъ и не вполне точныхъ наблюде-

нiяхъ, отводить Мурману совершенно исключительное мѣсто и, хотя съ видимой неохотой, но признаеть рыбныя богатства этого побережья неисчерпаемыми. Задавая самому себѣ вопросъ, какимъ образомъ можно объяснить «выловъ огромнаго количества трески, въ теченiи многихъ вѣковъ и безъ замѣтнаго уменьшенiя, у береговъ Норвегiи и у нашего Лапландскаго берега?»—г. Данилевскiй не находитъ другого объясненiя, какъ указанiе на Гольфстремъ, приносящiй отъ береговъ Мексиканскаго залива массу воды съ болѣе высокой температурой и насыщенной большимъ количествомъ органическихъ веществъ, попавшихъ въ это теплое теченiе изъ рѣкъ сѣверной и южной Америки, болѣе богатыхъ органической жизнью. Насколько это объясненiе вѣрно, мы не станемъ останавливаться на этомъ вопросѣ,—замѣтимъ только, что грубо наблюдаемые факты относительно области распространенiя трески, на первый взглядъ, оправдываютъ это соображенiе. Дѣйствительно, еще болѣе богатая треской, чѣмъ побережье Норвегiи. Ньюфаундлендская отмель лежитъ, какъ извѣстно, на пути Гольфстрема; затѣмъ слѣдуетъ побережье Норвегiи немного менѣе богатое треской и, наконецъ, Мурманскiй берегъ, еще менѣе богатый, благодаря тому, что лежитъ все ближе и ближе къ концу теплаго теченiя, пропадающаго въ неизмѣримыхъ пространствахъ Ледовитаго океана, къ востоку отъ Колгуева. Но въ тоже время замѣчено, что густые стаи трески у Ньюфаундленда и Лофоденскихъ острововъ, а также и по всему побережью Норвегiи, не только мечуть икру (процессъ, во время котораго рыба почти ничего не ѣстъ и слѣд. обилiе или недостатокъ органическихъ веществъ въ водахъ для нея не имѣетъ существеннаго значенiя), но и остается круглый годъ, опускаясь по выметанiи икры на большую глубину, т. е., въ сущности, выходя изъ условiй, по мнѣнiю г. Данилевскаго, благоприятствующихъ жизни и размноженiю этихъ рыбъ. Кромѣ того, г. Данилевскому, повидимому, совершенно неизвѣстнымъ былъ фактъ нахожденiя трески большими массами въ теченiи всего года, только на разной глубинѣ, на большей части почти 1000 верстнаго протяженiя Мурманскаго побережья, что уже никакъ нельзя объяснить однимъ существованiемъ Гольфстрема, въ восточныхъ частяхъ Баренцова моря теряющаго свои специфическiя особенности, т. е. болѣе высокую температуру и (по мнѣнiю г. Данилевскаго) большую степень насыщенности органическими веществами.

Какъ бы то ни было, неисчерпаемость рыбныхъ богатствъ Баренцова моря даже такимъ скептикомъ, вооруженнымъ тяжело-вѣсной научной аргументаціей, какъ г. Данилевскій, безусловно не отрицается. Длинный рядъ именъ ученыхъ и неученыхъ наблюдателей надъ жизнью нашихъ сѣверныхъ морей безусловно подтверждаетъ мнѣніе о неисчерпаемости рыбныхъ богатствъ Мурманскаго моря. Обстоятельство это чрезвычайно важно, т. к. для развитія промысловъ, повидимому, вѣтъ никакихъ существенныхъ препятствій, могущихъ при maximum'ѣ напряженія производительныхъ силъ привести къ ихъ истощенію. Прямые же наблюденія, производимыя въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ, хотя и не обставленные научно, все единогласно говорятъ, что размѣры улова, хотя и колеблются въ разные годы, но колебанія эти зависятъ отъ причинъ, ничего общаго не имѣющихъ съ уменьшеніемъ и увеличеніемъ рыбныхъ массъ, держащихся у береговъ, вслѣдствіе вылавливанія ихъ. Причинъ этихъ много, но главнѣйшія изъ нихъ сводятся или къ недостатку наживки, употребляемой для ловли главнаго предмета Мурманскихъ промысловъ—трески, или длительнымъ бурямъ, мѣшающимъ промышленникамъ выѣзжать въ открытое море на промыселъ, или, наконецъ, большимъ количествамъ «кожи», какъ называютъ промышленники гренландскаго тюленя (*phoca groenlandica*), иногда массами появляющагося у Мурманскихъ береговъ и разгоняющаго стада трески, которая жадно преслѣдуется этимъ тюленемъ. Отчасти еще удаленіе Гольфстрема отъ береговъ, случающееся въ иные годы, можетъ быть причиной дурныхъ улововъ трески, но, во всякомъ случаѣ, главнѣйшими остаются указанная выше причины.

Треска, какъ мы уже отмѣтили, составляетъ главный предметъ Мурманскихъ промысловъ,—вѣрнѣе сказать, почти единственную цѣль лова, къ которому приспособлены и все рыболовные орудія, употребляемыя на Мурманскомъ побережьи. Остальные виды, какъ напр. пикшуй (*Gadus aeglefinus*), палтусъ (*Hippoglossus maximus*), камбала (*Hippoglossoides limandoides*), сайда (*Gadus saida*), зубатка (*Anarrhichas lupus*) и др. попадаютъ какъ бы случайно, между треской.

Образъ жизни трески еще мало изученъ.—извѣстно только, что живетъ она на большой глубинѣ, начиная отъ 50—60 сажень и кончая 100—150 саженьми и чѣмъ глубже, тѣмъ рыба эта

крупнѣе. Въ зависимости отъ глубины, на которой находится треска, рыбопромышленники выметываютъ и свои снасти. Изученіе Мурманскаго берега въ гидрографическомъ отношеніи показало, что большія глубины, на которыхъ преимущественно держится треска, начинаются очень недалеко отъ берега, особенно по западному Мурману. Это обстоятельство чрезвычайно важно для промысла, т. к. въ значительной мѣрѣ уменьшаетъ сумму труда и времени, затрачиваемыхъ на выѣздъ въ море, выбрасываніе снасти и т. п. операци (въ Норвегіи въ этомъ смыслѣ промыселъ находится въ еще болѣе благопріятныхъ условіяхъ). Очень выгоднымъ обстоятельствомъ является еще одна особенность въ образѣ жизни трески, замѣченная хорошо промышленниками, а именно та, что молодые, а слѣд. и болѣе мелкія особи трески держатся отдѣльно отъ старыхъ и притомъ на меньшей глубинѣ, благодаря чему является легкая возможность выметывать снасти съ расчетомъ на уловъ крупной трески.

«Обширность, можно сказать даже безграничность пространства, на которомъ живетъ треска, необыкновенное множество заключающихся въ ней икрынокъ, въ чемъ она едва-ли не превосходитъ всѣхъ прочихъ рыбъ, и, наконецъ, самая мѣста метанія ею икры — что все еще происходитъ на довольно значительной глубинѣ, хотя рыбы и приближаются для этого къ берегамъ, такъ что выметанная икра находится въ безопасности отъ волненія и не можетъ быть выкидываема на берега,—обуславливаютъ безграничный ловъ этой рыбы на вѣчныя времена»... Въ такихъ словахъ характеризуетъ богатства тресковаго промысла на Мурманѣ одинъ изъ компетентнѣйшихъ его знатоковъ. И дѣйствительно, нѣсколько вѣковъ опыта у Ньюфаундленда и у Лофоденскихъ острововъ съ достаточной ясностью показали все богатство тресковаго промысла; въ 60-хъ годахъ, напр., у однихъ Лофоденскихъ острововъ ежегодно собиралось болѣе 20000 ловцовъ трески и самыя древнія хроники не помнятъ неудачныхъ лововъ...

Нѣсколько въ иномъ положеніи находятся промыслы собственно Мурманскаго берега уже въ силу того, что они не такъ богаты рыбой, какъ промыслы Лофоденскихъ острововъ и другихъ мѣстъ тресковаго лова, находящихся къ западу. Строго говоря, количество трески у Мурманскаго берега остается въ разные годы одинаковымъ и измѣняющейся величиной бываютъ только условія

елова въ зависимости отъ указанныхъ выше причинъ. Впрочемъ, говоря объ этихъ причинахъ, мы не отмѣтили еще одного и притомъ чрезвычайно важнаго обстоятельства, могущаго имѣть въ будущихъ судьбахъ промысла громадное значеніе. Дѣло въ томъ, что ловъ трески *всегда* можетъ быть удаченъ и обилень, при условіи не ожидать ее съ рыболовными снарядами на опредѣленномъ мѣстѣ берега, отъ котораго она можетъ временами подъ вліяніемъ разныхъ причинъ удаляться, но идти ей, такъ сказать, на встрѣчу, отыскивать стаи ея въ морѣ, какъ это дѣлаютъ норвежцы на своихъ прекрасной конструкторціи и обладающихъ превосходными морскими качествами ёлахъ и листерботахъ.

Время появленія трески у Мурманскихъ береговъ—есть время метанія ею икры и происходитъ это обыкновенно въ концѣ Ноября и началѣ Декабря, т. е. въ самое суровое время года, но самый актъ метанія икры происходитъ въ Февралѣ и Мартѣ, что дѣлаютъ безусловно возможнымъ ловъ въ продолженіи всей зимы. Однако, вообще говоря, зимняго лова на Мурманскомъ берегу не бываетъ. Мы уже говорили, что промыслы Мурманскаго берега нельзя по степени изобилія улововъ считать постоянными, какъ напр. промыслы на Лофоденскихъ банкахъ; измѣнчивость ихъ находится въ зависимости отъ многихъ причинъ, и замѣчено въ теченіи длиннаго ряда лѣтъ, что хорошіе уловы, чередуясь съ плохими, далеко не становятся рѣже, и такимъ образомъ исключаютъ всякую мысль объ истощеніи промысловъ. Относительно этого мы имѣемъ очень любопытныя данныя, собранныя г. Данилевскимъ на мѣстѣ у самыхъ опытныхъ промышленниковъ,—данныя эти, хотя и не цифровыя, но очень вѣрно характеризуютъ качество улововъ въ теченіи 30 лѣтъ, начиная съ 1828 г. Такъ, по показаніямъ этихъ промышленниковъ, «1828 годъ былъ хорошій; 1829 похуже, но еще порядочный; 1830 худой у насъ, а въ Норвегіи хорошъ; 1831 у насъ очень дурень, и наши промышленныя у норвежскихъ береговъ, близъ острова Магерое, на которомъ лежитъ Нордкапъ. Годы 32, 33, 34, 35 и 36 были не промышленные, такъ что почти ничего не ловили; 1837 г. былъ порядочный, и весною снова показались у береговъ стаи мойвы *), за которой

*) Рыбѣ служащей наживкой для снастей и жадно пожираемой стаей трески, постоянно вслѣдствіе этого, слѣдующей за мойвой.

всегда гонится треска; въ 1839, въ Вайдѣ-губѣ и вообще въ западной части Лапландскаго берега—вѣроятно также и въ Норвегіи—было мало рыбы; но, на собственно такъ наз. русскомъ берегу, т. е. восточнѣе Колы, ловъ былъ довольно хорошъ. 1840 г. былъ очень хорошъ.... 1841 посредственный.... 1842 и 43 были опять хорошіе годы; 1844 плохъ; въ 1845 палтусъ ловился хорошо, а треска плохо; 1846 г. былъ хорошъ въ западной части берега,.. въ 1847 и 48 г. г. уловы были посредственны; въ 1849 плохіе... 1850 г. былъ столь же плохъ; 1851 очень хорошъ, и хорошіе годы продолжаютъ вплоть до 1860 г....» «Изъ этого перечисленія,—продолжаетъ Данилевскій, видно, что дурные и хорошіе уловы распределены весьма неравномѣрно не только во времени, но и въ пространствѣ; но все же оказывается, что послѣ самыхъ дурныхъ годовъ всегда возвращаются хорошіе и на такую перемену можно рассчитывать каждое десятилѣтіе...»

Оставляя подъ сомнѣніемъ этотъ выводъ, какъ основанный на грубыхъ слишкомъ доказательствахъ, можно допустить только приблизительную, и относительную его вѣрность, и то лишь при непремѣнномъ условіи, что *техническая сторона промысловъ все указанное время оставалась безъ всякой перемѣны*. Чтобы понять важность этого замѣчанія, достаточно обратить вниманіе на такую напр. чисто техническую подробность, какъ сохраненіе наживки. т. е. рыбы мойвы и, нѣсколько позднѣе ея появляющейся, рыбы песчанки въ замороженномъ видѣ, что, кстати сказать, издавна практикуется на Финмаркенскомъ берегу и, повидимому, начинаетъ примѣняться у насъ. «Малое» количество мойвы и песчанки, обуславливающее, по мнѣнію промышленниковъ, дурной ловъ, въ дѣйствительности означаетъ только «короткое» пребываніе стай этихъ рыбокъ у береговъ, благодаря чему промышленники едва успѣваютъ воспользоваться ею. При умѣнши сохранять наживку въ замороженномъ видѣ на все время лова, очевидно, ловъ будетъ удаченъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда онъ обуславливался недостаткомъ наживки, ибо, повторяемъ, достаточно выловить въ данномъ мѣстѣ одну стаю мойвы или песчанки, чтобы обезпечить не только данный пунктъ берега наживкой, но даже нерѣдко и сосѣдніе—настолько громадное количество особей заключаютъ въ себѣ эти стаи. Очевидно также, что во всѣхъ другихъ случаяхъ, когда неудачный ловъ обуславливался бурями, мѣшавшими выѣзжать на

промыселъ, или большимъ разстояніемъ отъ берега стай трески, благодаря перемѣщенію русла Гольфстрема—достаточно имѣть въ своемъ распоряженіи не допотопныя суда нашихъ поморовъ, а что-нибудь вродѣ норвежскихъ ёль, листерботовъ и шкунъ, чтобы сдѣлать ловъ удачнымъ и т. д.

Такимъ образомъ, выведенный г. Данилевскимъ какъ-бы законъ періодическаго повторенія удачныхъ улововъ, имѣетъ очень и очень относительную цѣну.

Все, до сихъ поръ сказанное о трескѣ, въ общемъ позволяетъ думать, что сущность всѣхъ мѣръ, направляемыхъ къ развитію рыбныхъ промысловъ на Мурманѣ, преобладающая ихъ тенденція должна заключаться не въ стремленіи охранять рыбу отъ безпощаднаго и нерациональнаго истребленія, но, наоборотъ, содѣйствовать всѣми мѣрами увеличенію улововъ, т. е. практиковать не интенсивную систему рыбнаго хозяйства, а скорѣе экстенсивную, направленную на возможно болѣе широкую эксплуатацію возможно большаго пространства воды.

О другихъ видахъ рыбъ, служащихъ предметомъ Мурманскихъ промысловъ, мы скажемъ нѣсколько словъ въ виду ихъ второстепеннаго значенія въ промысловомъ отношеніи.

Наиболѣе напоминаетъ треску т. наз. *пикшуй* или *тикшуй* (*Gadus Aeglefinus*, Lin.); онъ гораздо меньше трески и потому меньше цѣнится. Пикшуя специально на Мурманскомъ берегу не промышляютъ, но ловятъ его вмѣстѣ съ треской на тѣже снасти. Въ общемъ, однако, пикшуй составляетъ обыкновенно около $\frac{1}{10}$ улова трески. *Сайда* (*Gadus virens*, Lin.) изъ рода трески-же и отличается отъ нея одной особенностью, заключающейся въ томъ, что она берется на мертвую наживку и потому для ея лова практикуются другіе приемы, чѣмъ для ловли трески. Есть еще особенность сайды, заключающаяся въ томъ, что громадныя стаи ея время отъ времени поднимаются на поверхность моря, причемъ отдѣльныя особи непрерывно выпрыгиваютъ изъ воды. Этими пользуются промышленники въ тѣхъ случаяхъ, когда занимаются специально ея ловомъ, что бываетъ сравнительно рѣдко, вообще говоря, кромѣ исключительныхъ лѣтъ, когда огромныя стаи ея появляются то у береговъ Финмаркена, то у береговъ Мурмана. Вотъ, что пишетъ о громадности стай сайды такой добросовѣстный наблюдатель, какъ Данилевскій: «въ первый разъ случилось намъ

видѣть это (т. е. огромныя стаи сайды) въ Гавриловомъ становищѣ, гдѣ стая молодой сайды совершенно окружила наше судно. Обыкновенной удочкой, наживленной длинной полоской рыбьяго мяса, которую быстро дергали, чтобы наживка скользила по поверхности, наловили въ какой-нибудь часъ болѣе 50 штукъ... «Въ несравненно большихъ размѣрахъ случилось намъ видѣть это-же чрезвычайно интересное зрѣлище въ проливѣ, отдѣляющемъ островъ Магерое, отъ норвежскаго материка. Мы въѣхали здѣсь судномъ въ стаю взрослой сайды столь густую, что непрерывно выскакивало, почти во весь ростъ, по крайней мѣрѣ по рыбѣ на каждой квадратной сажени, и это на значительномъ пространствѣ по обѣ стороны нашего судна...»

Палтусъ—этотъ гигантъ промысловыхъ рыбъ, достигающій до 15 пудовъ вѣса (обыкновенно отъ 1—2 пуд.)—принадлежитъ къ семейству камбалъ (*Hypoglossus maximus*) и живетъ, какъ всѣ эти рыбы, на днѣ и попадаетъ такимъ образомъ на крючки, наживленные для трески. Остальные виды промысловыхъ рыбъ, какъ *морская камбала* (*Pleuronectes Platessa. L.*), *морской ершъ* (*Pleuronectes Limonda. L.*), *морской налимъ* (*Brosmius vulgaris*), *морской окунь* (*Sebastes Norvegicus. Cuv.*) и др.—занимаютъ слишкомъ ничтожное мѣсто въ промыслахъ и потому о нихъ мы здѣсь не будемъ говорить.

Изъ этой массы, имѣющихъ небольшое хозяйственное значеніе, промысловыхъ рыбъ, безусловно нужно выдѣлить *акулу*, промыселъ которой довольно значителенъ теперь, еще значительнѣе былъ въ прошломъ и, повидимому, можетъ имѣть будущее.

Акула (*Scymnus borealis, Scoresby*), а иногда и другая ея разновидность (*Selache maxima. Gunner.*)—наичаще всего встрѣчаются у береговъ Мурмана, но главный предметъ промысла составляетъ только первая разновидность. Ловъ акулы производится съ исключительной цѣлью добычи изъ нея печени, изъ которой въ свою очередь вытапливаютъ жиръ. Судя по многочисленнымъ свидѣтельствамъ промышленниковъ и изслѣдователей жизни сѣвера, акула преимущественно держится у русскихъ береговъ и при томъ въ значительныхъ количествахъ. Если принять во вниманіе большую цѣнность акульяго жира въ сравненіи съ тресковымъ, то при обиліи акулъ у нашихъ береговъ промыселъ ихъ можетъ сдѣлаться очень доходной статьей и сыграть крупную роль въ хо-

зйствѣ сѣвернаго промышленника. Особенно много акулъ, иногда цѣлыя скопленія ихъ наблюдаются въ Кольской губѣ, гдѣ преимущественно ихъ и промышляютъ; богаты акулами также Мотовская губа и губа—Ура, не рѣдкость составляютъ акулы и въ Кандалакскомъ заливѣ.

Изъ имѣющихся историческихъ данныхъ видно, что впервые стали промышлять акулъ въ 1834 году. Мѣщанинъ Папинъ по ходатайству графа Канкрина, бывшаго министромъ финансовъ въ 1835 году, получилъ даже отъ казны пособіе въ нѣсколько тысячъ рублей для организаціи акульаго промысла. Въ извѣстномъ описаніи русской Лапландіи, принадлежащемъ г. Дергачеву, есть довольно любопытныя, хотя и очень краткія, историческія данныя объ акульемъ промыслѣ. Такъ, о судьбѣ промышленника Пашина, перваго занявшагося акульимъ промысломъ, извѣстно, что получивъ правительственную субсидію, онъ очень энергично принялся за дѣло и, повидимому, находилъ сбытъ не только акульей печени и акульаго жира, но и цѣлыхъ акулъ въ соленомъ и замороженномъ видѣ въ Петербургѣ. По смерти Пашина промыселъ акулъ прекратился и, строго говоря, съ тѣхъ поръ не возобновлялся, какъ самостоятельный промыселъ, вплоть до 1855 г., когда норвежець Андерсъ Ульсенъ, переселившійся исключительно для промысла акулъ на Мурманскій берегъ, уже въ первый годъ получилъ отъ него 500 р. дохода; за Ульсеномъ послѣдовали и другіе, какъ норвежцы, такъ и русскіе, и съ тѣхъ поръ промыселъ этотъ существуетъ и не прекращается, но развитія особеннаго никогда не достигалъ. Такъ, въ 1893 г. промыселъ этотъ, какъ самостоятельная отрасль рыбныхъ промысловъ на Мурманѣ, велся 12 хозяевами *) (число промышленниковъ у нихъ неизвѣстно), добывшими до 1.100 пуд. акульаго сала на 550 рублей всего стоимостью.

Профессоръ Даниленскій, изслѣдовавшій промыслы нашего сѣвера, желая поощрить акулій промыселъ, въ 1857 г. исходатайствовалъ правительственную субсидію одному смышленому колонисту, нѣкому Сулю, Этотъ колонистъ старался по возможности приучить поморовъ къ промыслу акулъ, но особеннаго успѣха не имѣлъ и, затѣмъ, когда онъ въ 1870 г. переселился въ Колу, самый промыселъ акулъ сосредоточился въ этомъ городѣ. Промы-

*) Въ г. Колѣ.

сель акулъ въ настоящее время, повидимому, получили на Мурманскомъ берегу право гражданства и, если не развивается, то благодаря тѣмъ общимъ причинамъ, которыя тормозятъ дѣло развитія всѣхъ вообще промысловъ не только на Мурманѣ, но и на всемъ русскомъ сѣверѣ. Въ свое время мы детально изслѣдуемъ экономикѣ промысловъ и, конечно, укажемъ на эти причины, а пока обратимся къ общей характеристикѣ Мурманскихъ промысловъ.

Другимъ крупнымъ промысломъ Мурманскаго побережья, о которомъ мы еще не говорили, безспорно слѣдуетъ считать промыселъ китовъ, болѣе богатый нѣ своемъ прощломъ, чѣмъ въ настоящее время, когда онъ почти совершенно прекратился какъ нѣчто самостоятельное.

Лучшія изслѣдованія о китахъ, населяющихъ наши сѣверныя воды, къ сожалѣнію, мы находимъ только въ иностранныхъ источникахъ—въ русскихъ же, болшею частью встрѣчаемъ эпизодическія подробности, болѣе или менѣе цѣнные анекдоты и больше ничего. Даже въ такихъ солидныхъ изслѣдованіяхъ, какъ въ своемъ родѣ классическій трудъ проф. Данилевскаго, китоловству отводится очень незначительное мѣсто и допускается даже слегка ироническій тонъ по отношенію къ «ревнителямъ развитія нашей сѣверной морской промышленности», которые «желали бы видѣть предметомъ лова» китовъ... Такое отношеніе къ «ревнителямъ развитія нашей сѣверной морской промышленности» не мѣшаетъ, однако, тому же г. Данилевскому тотчасъ же констатировать, что «дѣйствительно, число китовъ, у нашихъ береговъ встрѣчаемое, довольно значительно», и далѣе... «съ самого вѣзда нашего въ океанъ не проходило почти дня, чтобы мы не видѣли *по нѣскольку этихъ огромныхъ животныхъ*, пускающихъ фонтаны брызгъ и парасъ особливимъ звукомъ, который нельзя смѣшать ни съ какими другимъ и который невольно привлекаетъ на себя вниманіе. Не одинъ разъ возставали они изъ глубины *въ немногихъ саженьяхъ отъ нашего судна....*» «На глазомѣръ—продолжаетъ г. Данилевскій, —нѣкоторымъ изъ нихъ нельзя было дать менѣе 15 саж. длины. Надъ входомъ въ Кольскую и Большую Мотовскую губы, между островомъ Кильдинымъ и полуостровомъ Рыбачьимъ, видѣли мы ихъ нѣсколько десятковъ, и они показывались намъ далеко внутри самой Кольской губы, гдѣ она уже значительно сужена...»

Проф. Данилевскій исполнѣ соглашается съ мнѣніемъ академика Бэра, полагавшаго, что наичаще встрѣчаемый въ сѣверныхъ водахъ видъ кита—*Balaenoptera longimana* (Rudolphi), принадлежитъ къ видамъ наименѣе богатымъ жиромъ, обладающимъ малоцѣнными короткими усами и вдобавокъ громадной быстротой бѣга и силой, дѣлающими бой ихъ занятіемъ чрезвычайно опаснымъ. Все это въ полной мѣрѣ подтверждается, по мнѣнію г. Данилевскаго, неудачей всѣхъ попытокъ завести у насъ китоловный промыселъ со временъ Петра Великаго.

Однако, имѣющіяся историческія данныя говорятъ нѣсколько иное... Новгородцы издавна промышляли китовъ и, повидимому, не безъ успѣха; начиная съ присоединенія Двинскаго края къ Москвѣ, китовый промыселъ существовалъ издавна въ Колѣ, что доказывается существованіемъ, часто упоминаемой въ историческихъ актахъ, особой пошлины съ китоваго сала. Изъ позднѣйшихъ указаній есть чрезвычайно любопытное указаніе русскаго шкипера Кононова, видѣвшаго на одномъ изъ утесовъ мыса Цыпъ-Наволока вырѣзанныя на немъ надписи, «между которыми есть одна датскаго капитана изъ Фленсберга, вырѣзанная въ 1510 году», и свидѣтельствующая о томъ, «что онъ здѣсь былъ 20 разъ» въ качествѣ шкипера китоловнаго судна. Со времени открытія англичанами устьевъ Двины въ 1553 году, англичане уже въ 1554 году организовали китоловную компанію.

Правда, учрежденное указомъ Петра Великаго, китоловство (въ 1723 г.), окончилось неудачей, но неудача эта имѣла причиной крушеніе китоловныхъ кораблей у Шницбергена въ первый же разъ по выходѣ ихъ въ море; съ 1726 по 1729 г. однако русскіе китоловы убили 5 китовъ. Все-таки дѣло окончилось неудачей—китовъ было слишкомъ мало... Опять таки, это вовсе не значило, чтобы видъ кита, водящагося преимущественно въ сѣверныхъ водахъ, былъ, въ промысловомъ отношеніи, невъѣдомъ. Наряженное Коммерцъ-Коллегіей слѣдствіе надъ первой, организованной Петромъ В., компаніей, открыло, что 6 чел. иностранныхъ китобоевъ, приглашенныхъ Петромъ на службу этой компаніи, были на жалованьи голландскихъ китобоевъ, видѣвшихъ въ новомъ русскомъ промыслѣ опасность для своего доминирующаго положенія, которое они занимали въ китоловствѣ. Указомъ Анны Ивановны (1731 г.) китоловные промыслы были отданы въ монополь-

ное пользованіе купцу Еврейнову съ довольно солидной казенной субсидіей... Черезъ три года китовый промыселъ опять монополизуется Шафировымъ, который, въ свою очередь, сдаетъ его въ руки двухъ гамбургскихъ купцовъ, не безъ успѣха эксплуатировавшихъ его съ 35 по 42 г. Послѣ короткаго промежутка, съ 1742 г. по 1748 г., когда промыселъ китовъ былъ въ казенной собственности, онъ снова попадаетъ въ частныя руки, именно къ графу Шувалову, «на его усмотрѣніе», какъ явно невыгодный...

При императрицѣ Екатеринѣ II (1764 г.) промыселъ опять былъ возобновленъ, но принесъ одни убытки и былъ отмѣненъ. Между прочимъ, академикъ Озерецковскій приводитъ фактъ, что въ 1772 г. 5 китовъ зашли зимой въ Кольскую губу подъ ледъ, гдѣ и были найдены Лопарями и, что, якобы послѣ этого случая жители Колы стали ловить сами китовъ крайне оригинальнымъ способомъ. Способъ этотъ заключался въ томъ, что они обметывали кита громадными неводами, сдѣланными изъ толстыхъ веревокъ и затѣмъ убивали его «рогатиной»... Такой примитивный способъ ловли китовъ не замедлилъ дать соотвѣтствующіе результаты: послѣ нѣсколькихъ удачныхъ опытовъ, одинъ изъ китовъ «побойчѣ» вырвался изъ рукъ Колянъ и уплылъ въ море съ дорого стоящимъ неводомъ. «Послѣ этого, добавляетъ историкъ,— промыселъ не возобновлялся..»

Но должно быть было что-нибудь въ китобойномъ промыслѣ привлекательное, ибо, какъ только наши сѣверные промыслы освободились отъ монопольныхъ захватовъ ихъ то казной, то частными лицами, тотчасъ организовались двѣ частныхъ китоловныхъ компаніи: онежская, въ 1786 г. и компанія «Заонежскаго старообрядческаго общества», въ 1783 г. Насколько умѣло вели эти компаніи дѣло, видно изъ того, что обѣ они закололи 11 китовъ, но ни однимъ изъ нихъ не воспользовались, а пробавлялись все время китами, раздавленными льдами, ранеными иностранными промышленниками, или, наконецъ, выброшенными на берегъ!.. «Сначала у нихъ ломались гарпуны—пишетъ г. Дергачевъ, давшій наиболѣе полный историческій очеркъ развитія китовыхъ промысловъ,—вслѣдствіе неумѣнья кузнецовъ выковывать и закаливать желѣзо, потомъ эти орудія стали лучше; но они иногда при боѣ выскакивали, какъ скоро китъ поворачивался, устремляясь на дно... а иногда рвались лини..»

Въ 1803 г. китовый промыселъ былъ свободенъ отъ монополій, но въ этомъ же году онъ снова попадаетъ въ руки Бѣломорской компаніи, которая терпитъ неудачу и оказывается несостоятельной, вслѣдствіе того, что какой-то иностранный крейсеръ подъ французскимъ флагомъ захватываетъ китобоя этой компаніи и сжигаетъ его (въ русскихъ водахъ).

Приведенные факты изъ исторіи китоваго промысла очень всѣ характерны и типичны именно въ томъ отношеніи, что рисуютъ тѣ приемы, съ которыми у насъ приступаютъ къ какому-нибудь дѣлу, но вовсе не указываютъ на «невыгодность промысла», какъ это утверждаютъ разные лица со словъ академика Бэра и повторяющаго его, профессора Данилевскаго.

Чтобы еще убѣдительнѣе доказать многочисленность китовъ, плавающихъ только вдоль побережья Мурмана, мы можемъ привести такіе факты, какъ напр. тотъ, что по всему этому побережью то и дѣло выбрасываетъ китовъ на берегъ во всѣхъ мелкихъ бухтахъ. Особенно много выбрасывается китовъ въ Мотовской губѣ; въ теченіи лѣта ихъ выбрасывается иногда по нѣскольку штукъ..., «всѣ берега покрыты костями или неистлѣвшими остатками этихъ животныхъ...» Въ 1856 г. въ Мотовской губѣ нашли выброшенными на берегъ 18 китовъ, въ числѣ которыхъ одинъ далъ 2000 пуд. жиру; въ 57 г. снова былъ пойманъ однимъ мѣщаниномъ г. Кеми въ морѣ мертвый китъ, въ 62 г. въ Мотовскую губу выбросило кита въ 14 саж. длины и изъ него было добыто 2000 пуд. сала. Чиновникъ Амонъ, надзиравшій за рыбными промыслами на Мурманѣ, сообщалъ, что въ 1865 г. было найдено на берегу 13 китовъ... И такихъ фактовъ десятки.

Совсѣмъ иначе, по крайней мѣрѣ въ ближайшее къ намъ время, обстояло дѣло китоловства въ Норвегіи и на сосѣднемъ съ нами берегу Финмархіи...

Въ 1860 г. норвежець Свендъ Фойенъ изобрѣлъ особую пушку, дававшую возможность убивать кита и не позволять ему затонуть, какъ это всегда бываетъ съ тѣми видами китовъ, которые водятся у нашихъ береговъ. Пушка Фойена не велика, приблизительно въ одинъ метръ, калибръ 8—10 сантиметровъ. Пушка эта устанавливается на носовой части небольшого парохода особой конструкціи, обыкновенно быстроходнаго, очень сильнаго и низко сидящаго въ водѣ (вмѣстимость этихъ пароходовъ не превышаетъ

35 тоннъ). Пушка Фойена заряжается гарпуномъ, къ острому концу котораго привинчивается разрывная граната. Къ гарпуну привязанъ толстый канатъ, не позволяющій раненому киту уплыть. Эффектъ выстрѣла изъ такой пушки бываетъ поразительный; попадая въ тѣло кита, граната дѣлаетъ громадную рану и отъ сотрясенія освобождаетъ лапки гарпуна: онѣ распрямляются, ломаютъ небольшую стеклянную трубку, наполненную сѣрной кислотой, которая, обливая находящуюся вблизи бертолетову соль, производитъ взрывъ гранаты, вслѣдствіе чего рана увеличивается до громадныхъ размѣровъ. Китъ, вслѣдствіе потери огромнаго количества крови, быстро ослабѣваетъ и даетъ себя подтащить къ пароходу посредствомъ шпиза, на который наворачивается канатъ, привязанный къ концу гарпуна.

Изъ убитаго кита въ Норвегіи извлекаютъ не однѣ жиры, но и китовые усы и мясо, изъ котораго въ Христіаніи готовятъ консервы. Кромѣ того, на нѣкоторыхъ норвежскихъ китовыхъ заводахъ устроены еще и клейныя, бульонныя и гуанныя фабрики. Интересно, что китовый бульонъ употребляется даже въ больницахъ и, по отзыву компететныхъ судей, не уступаетъ знаменитому Либиховскому бульону.

Обращаясь къ исторіи китоловства у береговъ Финмаркена, мы видимъ, что Свендъ Фойенъ въ 1864 г. уже получаетъ право на постройку въ сѣверной Финмархіи китоловнаго завода. Дѣло его пошло бойко и онъ въ скоромъ времени обогатился. Примѣръ Фойена далъ толчокъ развитію китоловства—съ 1882 г. стали открываться одинъ за другимъ китоловные заводы и киты стали безпощадно преслѣдоваться, что повело къ удаленію ихъ къ берегамъ Мурмана. Но это не остановило предпримчивыхъ норвежцевъ—они продолжали бой китовъ и въ нашихъ водахъ. Вотъ нѣсколько цифръ, иллюстрирующихъ развитіе китобойнаго промысла въ Норвегіи—съ 1882 г., когда кончилась монополія Фойена, было китобойныхъ пароходовъ и убивалось китовъ:

	парох.	китовъ.	на одинъ парох. въ средн. выводѣ.
въ 1882 г.	12	383	32 кита
83 »	26	543	21 —
84 »	26	450	17 —
85 »	35	1398	40 —

86 »	39	954	25	—
87 »	32	854	27	—
88 »	34	696	20	—
89 »	32	496	15	—

т. е. 25 китовъ на пароходъ въ среднемъ выводѣ за восемь лѣтъ! Повидимому, дѣло было не безвыгодное, что навело на мысль и русскихъ воспользоваться этими выгодами. Въ 1870 г. извѣстный радѣтель интересовъ сѣвера, промышленникъ и купецъ Сидоровъ вступаетъ въ компанію съ норвежцемъ Сандебергомъ съ цѣлью устройства на Мурманскомъ берегу китоловного завода. Но разладъ между ними повелъ къ тому, что Сидоровъ выступилъ противъ Сандеберга съ докладами въ ученыхъ обществахъ, со статьями въ періодической печати и, наконецъ, цѣлой книгой, въ которыхъ доказывалъ весь вредъ для интересовъ сѣверной промышленности безпощаднаго боя китовъ. Аргументы его сводились къ тому, что киты, особенно та ихъ разновидность, которая питается мойвой, служащей наживкой для рыболовныхъ снастей Мурманскихъ промышленниковъ, гонятъ передъ собою безчисленныя стаи мойвы къ берегамъ и слѣд. даютъ возможность вести промыселъ трески; съ уничтоженіемъ же китовъ, мойва, по мнѣнію Сидорова, должна будетъ перестать приходить къ берегамъ. Въ подкрѣпленіе своихъ доводовъ Сидоровъ приводитъ мнѣнія ученыхъ авторитетовъ и вообще массу отзывовъ компетентныхъ лицъ. Довольно авторитетный, въ свою очередь, г. Гулевичъ говоритъ въ своей книгѣ «Русская Лопландія», что теорія Сидорова не выдерживаетъ критики, ибо «доказано, что мойва идетъ въ свое время къ берегамъ для метанія икры» независимо отъ китовъ, дѣйствительно питающихся ею. Гулевичъ объясняетъ поэтому страстную пропаганду Сидорова боязнью отдачи китоваго промысла въ руки иностранцевъ и водворенія ихъ на всемъ Мурманѣ. Однако, вопросъ этотъ, несмотря на завѣреніе Гулевича, и до сихъ поръ теменъ, т. к. до сихъ поръ не произведено сколько-нибудь новыхъ и систематическихъ научныхъ наблюденій надъ образомъ жизни всѣхъ *шести* видовъ китовъ, населяющихъ наши сѣверныя воды.

Однако, невыясненность вопроса не помѣшала правительству въ 1883 г. разрѣшить Петербургскому акціонерному обществу открыть китоловный заводъ въ становищѣ Еретикахъ на Мурманскомъ берегу, а черезъ годъ повторить разрѣшеніе и для открытія

другого завода въ Ара-губѣ на разныхъ льготныхъ условіяхъ. Въ общей сложности эти заводы убили до 1890 г. 300 китовъ, имѣя въ своемъ распоряженіи только четыре парохода. Не нужно забывать, что все это время норвежскіе китобои не прерывали своего промысла въ нашихъ водахъ; только въ послѣдніе три года русское правительство приняло мѣры къ охраненію русскихъ интересовъ и стало посылать своихъ крейсеровъ въ сѣверныя воды. Тѣмъ не менѣе, несмотря на громадную добычу китовъ, заводы наши по какимъ-то мало понятнымъ причинамъ прекратили свою дѣятельность и китоловство *de facto* перестало существовать какъ самостоятельный промыселъ. Киты въ настоящее время приближаются къ Мурманскому побережью только зимой или осенью, ибо чрезвычайно напуганы непрерывной канонадой ихъ норвежскими и русскими китобоями.

Нашъ общій очеркъ промысловъ на Мурманѣ былъ бы неполонъ, если бы мы не остановили своего вниманія на двухъ маленькихъ рыбахъ, хотя и не приносящихъ непосредственной пользы промышленникамъ въ качествѣ доходной статьи, но тѣмъ не менѣе чрезвычайно важныхъ для самыхъ промысловъ въ качествѣ наживки для лова трески и др. рыбъ.

Первая изъ этихъ рыбокъ—мойва (*Mallotus arcticus*, Cuv.) появляется громадными скопленіями по всему побережью Лапландіи для метанія икры и, въ свою очередь, привлекаетъ за собою стаи трески, питающейся мойвой. Видомъ мойва напоминаетъ корюшку и отличается отъ нея только чрезвычайно сильнымъ огуречнымъ запахомъ, характернымъ, но только въ болѣе слабой степени, и для корюшки. Мойва совсѣмъ не употребляется въ пищу ни у насъ, ни въ Норвегіи и даже камчадалы и алеуты ѣдятъ ее только въ крайнихъ случаяхъ, обыкновенно же ловятъ для корма собакамъ. Какъ наживка, мойва стоитъ внѣ всякаго сравненія, что вѣроятно объясняется ея сильнымъ специфическимъ запахомъ. Треска жадно хватаетъ живую и мертвую мойву и это замѣчено издавна промышленниками. Что повело даже, по словамъ г. Данилевскаго, къ изданію въ 1786 г. въ Даніи чрезвычайно страннаго закона, запрещавашаго употреблять мойву для наживленія рыболовныхъ крючковъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что «такъ какъ не всѣ могутъ добыть для этой цѣли мойву, то шансы улова становятся черезъ это слишкомъ неравномѣрны...»

Выметавъ икру, мойва удаляется въ открытое море и уже не держится стаями. Періодъ пребыванія мойвы у береговъ очень коротокъ и не длится болѣе мѣсяца. Этимъ временемъ мурманскіе промышленники спѣшатъ пользоваться, чтобы имѣть возможность дѣлать самые богатые уловы, потому что, хотя, за удаленіемъ мойвы, къ берегамъ приближается другая рыба—*песчанка* (*Amodytes Lancea*, Cuv.), служащая въ свою очередь наживкой, но по сравненіи съ мойвой она гораздо худшаго качества. Песчанка живетъ исключительно съ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ дно песчаное и при приближеніи опасности зарывается въ песокъ. Для ловли, какъ ея, такъ и мойвы употребляются особые невода, описаніе которыхъ мы дадимъ ниже при описаніи способовъ лова, приготовленія и т. п. вообще всѣхъ промысловыхъ рыбъ Мурманскаго побережья.

IV.

Техническая организація промысловъ, ихъ обстановка, промысловыя суда и приготовленіе продуктовъ промысловъ.

Уже въ концѣ Феврала, когда перестаютъ въ небѣ играть *сполохи*, а вершины прибрежныхъ скалъ все чаще и чаще заволакиваются туманами, словомъ, когда ледяное дыханіе полярной зимы начинаетъ умѣрять свою жестокость, на всемъ Мурманскомъ побережьи начинаютъ появляться вмѣстѣ съ первыми перелетными птицами постоянные гости этого, на первый взглядъ негостепріимнаго, берега—промышленники... У береговъ еще держится хрупкій слой ледяного *припая*, а тамъ, дальше въ открытомъ морѣ носятся безобразныя кучи льда—*торосы* и *стамухи* по мѣстному названію. Снѣгъ на берегахъ еще лежитъ толстымъ слоемъ, но уже зима «сдала», «покровѣла», оттепели все чаще и чаще повторяются, на снѣжныхъ поляхъ появился настъ, ночи становятся короче и свѣтлѣе, не отличаясь почти по силѣ свѣта отъ дня и весна понемногу вступаетъ въ свои права. Но это не та весна, о которой мы составили себѣ обычное представленіе... Не слышно «трелей соловья», воздухъ не напоенъ ароматомъ распускающихся древесныхъ почекъ, не слышно гула «зеленаго шума», и только неумолчный говоръ, иногда въ теченіи всей зимы не замерзающей, воды въ прибрежныхъ порожистыхъ рѣчкахъ, да шумъ сталкивающихся въ морѣ ледяныхъ громадъ—нарушаютъ величаво-спокойную тишину скалистаго берега... Весенніе гости Мурмана—перелетныя птицы—только что еще стали появляться и воздухъ еще не наполненъ ихъ крикливымъ гомономъ, и только вороны—эти постоянные обитатели Мурмана, чувствуя наступленіе теплыхъ дней и богатой поживы, все чаще и чаще оглашаютъ воздухъ хриплымъ карканьемъ, кстати сказать, лишь отдаленно напоминающимъ карканье болѣе южныхъ ихъ собратьевъ—такъ много въ немъ подчасъ слышно чисто человѣческихъ звуковъ: какъ чахоточный ребенокъ плачетъ, прерывая свой плачъ хриплымъ больнымъ кашлемъ...

Но вотъ наступають еще болѣе теплые мартовскіе дни и число промышленниковъ на Мурманѣ замѣтно увеличивается; къ концу Марта весенній ловъ уже въ разгарѣ и все промышленники—весняки на своихъ мѣстахъ, разбрелись по становищамъ и дѣятельно готовятся къ самому обильному на этихъ берегахъ, весеннему лову.

Все мурманскіе промышленники по ихъ постоянному мѣстожительству принадлежать къ тремъ ближайшимъ къ берегу уѣздамъ: Архангельскому, Онежскому и Кемскому. Въ началѣ Марта большинство ихъ отправляется пѣшкомъ въ Кандалакшу и Разъ-Наволокъ, откуда уже идутъ въ Колу, а изъ послѣдней развозятся особымъ пароходомъ, зимующимъ въ Екатерининской гавани, по становищамъ западной и восточной половинѣ Мурманскаго побережья.

Труденъ путь промышленниковъ... Снѣгъ лежитъ глубокимъ слоемъ, толстымъ льдомъ подернуты озера и рѣки, а промышленникъ уже готовится въ дорогу, занасаетъ платье, хлѣбъ, котелокъ, небольшой запасъ соли и сушеной рыбы и укладываетъ все это скудное имущество въ такъ называемыя «кережки»—нѣчто вродѣ саней изъ сосновыхъ дранокъ, сшитыхъ между собою на подобіе небольшой лодочки. Въ эту лодочку иногда впрягаютъ промышленники собакъ, но чаще тащатъ кережки поочередно сами. Тяжелъ путь мурманскаго промышленника, нерѣдко надрывающагося на этомъ пути и, во всякомъ случаѣ, приходящаго на мѣсто назначенія совѣмъ разбитымъ, а иногда и съ предрасположеніемъ къ страшной болѣзни сѣвера—скорбуту, цынгѣ..... «Рады путники, какъ находкѣ, какъ особой наградѣ за свою рѣшимость и трудный дальній путь, когда морозъ прокуетъ рыхлый подвешенный снѣгъ крѣпкимъ настомъ, давая имъ возможность легче и удобнѣе бѣжать по немъ на лыжахъ. Картина странствія значительно оживляется и хотя не слышно разговоровъ, уступившихъ мѣсто серьезной работѣ, для того, чтобы по возможности скорѣе сократить разстояніе до мѣста привала, за то учащеннѣе слышатся и взвизги, и лай большихъ желтыхъ собакъ, запряженныхъ въ салазки съ необходимой поклажей и управляемыхъ ребятами, съ малолѣтства обреченными привыкать къ будущимъ труднымъ работамъ на океанѣ. Впереди несутся на лыжахъ и только отдуваются, быстро перемѣняя одну ногу другой и подкатывая себя все

дальше и дальше, большаки артельные. Сзади прыгаетъ и замѣтно отстаетъ весь поѣздъ съ собаками и ребятишками, а между тѣмъ вдали уже чернѣетъ одинокая промысловая изба, до половины закрытая снѣгомъ—мѣсто привала, если только бьетъ уже кровь въ ноги и подгибаются колѣни, и если далеко еще путникамъ до селеній, которыя не бываютъ ближе 40—50 верстъ одно отъ другого на всемъ пути по побережьямъ...» Не особенно удобный отдыхъ находятъ промышленники и въ этихъ рѣдко разбросанныхъ по пути избенкахъ.... Обычная обстановка отдыха промышленниковъ на этихъ станціяхъ, по описанію знатока нашего сѣвера, Максимова, которому принадлежатъ и вышеприведенныя строки, далеко не привлекательна. «Въ промысловой избенкѣ промышленники находятъ немного: четыре закоптѣлыхъ стѣны, замшонныя кое-какъ, съ щелями; въ одной стѣнѣ какимъ-то чудомъ уцѣлѣла еще рамка со стекломъ, играющимъ всѣми цвѣтами радуги; другое отверстіе просто уже заткнуто кускомъ армячины; сверху потолокъ изогнувшійся, покривившійся во многихъ мѣстахъ и глянцевиый отъ налетѣвшей сажи и выкипѣвшей сѣры. Въ углу печка кое-какъ смятая изъ глины съ пескомъ, потрескавшаяся и закоптѣлая; подлѣ нея полусгнившія нары; кругомъ—покривившіяся лавки, обезноженная скамеечка, двѣ доски, изъ которыхъ сооружается столъ. Въ другомъ углу тѣло съ почернѣвшимъ и полопавшимся образомъ, и тутъ-же двѣ самодѣлки—ложки деревянные, берестяная коробочка съ отсырѣвшею грязнаго вида солью, ведро для воды... ножикъ... мѣшочекъ съ мукой и сухарями... сачокъ для рыбы. Все, по обыкновенію издавна укоренившемуся въ безлюдномъ и безпріютномъ архангельскомъ краѣ, запасено для всякаго прохожаго, имѣющаго ежечасную возможность спутаться съ дороги, просидѣть въ пустой избѣ и умереть съ голоду, если на долго завяжется бойкая, порывистая погода съ сильными вѣтрами и истощится весь запасъ взятой съ собою провизіи. Горькое горе, только привычнымъ человѣкомъ выносимое—это тѣ мятели, по мѣстному *живуса*, когда снѣгъ носится цѣлыми тучами съ одного мѣста на другое, подрывая бѣгущихъ на лыжахъ и сбивая съ ногъ собаченокъ, ежеминутно грозя засыпать все это высокимъ снѣжнымъ курганомъ; тутъ одинъ исходъ, если нѣтъ подлѣ спасительной избышки и высокаго подвѣтреннаго бугра, обернувши сани вверхъ копыльями, ложиться подъ нихъ, предаваясь волѣ Божіей и пере-

ждать, пока вѣтеръ перестанетъ раскачивать чунку и нагребать на нее новые сугробы....»

Промышленники, идущіе на Мурманъ, какъ мы уже сказали выше, направляются преимущественно на Кандалакшу, оттуда на Колу и, наконецъ, развозятся по становищамъ на пароходѣ. Но иногда они идутъ изъ различныхъ уголковъ Кемскаго и Онежскаго уѣздовъ прямо почтовымъ трактомъ на Колу или даже черезъ весь Лапландскій полуостровъ прямо къ своимъ становищамъ, смотря по тому, въ какой части берега лежитъ становище. Конечно, самый трудный, вѣрнѣе, даже самый ужасный—это путь, непосредственно ведущій къ становищамъ и перерѣзывающій полуостровъ иногда на протяженіи болѣе 1000 верстъ. Лапландія—это, а vol d'oiseau, огромная тундра, покрытая озерами и прорѣзаемая порожистыми рѣками, а иногда и невысокими грядами гранитныхъ горъ. Избы, устроенныя по всему протяженію весенняго пути промышленниковъ, крайне рѣдки, а порожистые рѣки, никогда не замерзающія на порогахъ, представляютъ нерѣдко серьезныя опасности для путниковъ, идущихъ обыкновенно тѣмъ путемъ, «которымъ птицы летаютъ», т. е. по прямой линіи, т. к. никакихъ дорогъ въ Лапландіи нѣтъ.

Но вотъ, наконецъ, и цѣль труднаго и тяжелаго странствія... Промышленники спѣшатъ къ своимъ покинутымъ въ прошломъ еще году становищамъ. жадно стремясь дать отдыхъ разбитому долгимъ путемъ тѣлу. Становища эти расположены, какъ мы уже говорили, по всему протяженію побережья и именно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ извилины его образуютъ т. наз. *губы* или заливы. Эти губы обыкновенно очень хорошо защищены отъ вѣтровъ и наименѣе изобилуютъ коргами и мелями, такъ сильно мѣшающими правильному производству промысла. Представляя удобство для якорныхъ стоянокъ, куда не заходитъ прибой океанскихъ волнъ, эти губы служатъ самымъ любимымъ и надежнымъ пристанищемъ промышленниковъ, тѣмъ болѣе, что въ нихъ съ полной почти безопасностью могутъ располагаться мелкія бѣломорскія суда, отвозящія съ мѣста результаты промысла—треску во всѣхъ видахъ, палтусину, сайду и т. д.

Самые станы или становища промышленниковъ расположены обыкновенно въ ущельяхъ и притомъ такихъ, гдѣ есть ручеекъ прѣсной воды. Станы—это скверно построенныя избышки, на по-

ловину сгнившія отъ вліянія частыхъ дождей и постоянно влажной атмосферы... «Кое-какъ сплоченныя изъ тонкаго, дряблага, Лал-Ландскаго лѣса и обсыпанныя съ боковъ и сверху морскимъ пескомъ, съ щелями, запехнутыми мохомъ и служащими вмѣсто оконъ, избенки эти въ числѣ пяти-шести, составляютъ родъ небольшого временнаго селенія, оживленнаго только съ Апрѣля до половины Августа и пустыннаго во все остальное время года...»

Промысловая изба или станъ имѣетъ не больше 3—4 куб. сажень воздуха, а занять бываетъ 20—30 промышленниками. Можно себѣ представить, какой ужасный воздухъ бываетъ въ этихъ помѣщеніяхъ, тѣмъ болѣе, что спать промышленники не раздѣваясь, зачастую въ мокрой одеждѣ, которая такимъ образомъ высыхаетъ на тѣлѣ—тутъ-же нерѣдко сушатся и рыболовныя сѣти... На восточной половинѣ Мурманскаго побережья, впрочемъ, помѣщенія промышленниковъ нѣсколько лучше—это уже постоянные дома, принадлежащіе фактористамъ и колонистамъ и сдаваемые промышленникамъ на время лова (т. е. на два мѣсяца) за плату съ судна по 4 рубля или, слѣд., по рублю съ человѣка. Во всякомъ случаѣ, и эти станы только относительно лучше и гигиеническая ихъ обстановка заставляетъ желать очень многого. Немудрено, что при такой обстановкѣ цынга и ревматизмы, а также и тифы—постоянные гости на Мурманскомъ берегу. Конечно, сказаннымъ далеко не исчерпываются всѣ данныя о гигиенической обстановкѣ мурманскихъ промысловъ, но мы еще вернемся къ ней при описаніи самихъ промысловъ.

Всѣхъ становищъ по восточному Мурману въ настоящее время 19, а по западному 22. Но, хотя становища эти и представляютъ собою излюбленныя мѣста промышленниковъ, однако населеніе въ нихъ не остается постояннымъ и не только потому, что ежегодный приливъ промышленниковъ бываетъ не одинаковый, но и потому, что они часто перекочевываютъ изъ одного становища въ другое, въ зависимости отъ миграцій рыбы, т. е. она въ разное время избираетъ разныя мѣста своимъ любимымъ мѣстопробываніемъ. Иногда эти передвиженія промышленниковъ принимаютъ большіе размѣры, какъ напр., нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда изъ становища Цыпъ-Наволока на западномъ Мурманѣ ушло все его временное населеніе, достигавшее до 1000 чел., при чемъ всѣ станы, также какъ и церковь, больница были

брошены на произволъ судьбы, а сами промышленники разбрелись по другимъ становищамъ, вслѣдствіе полного прекращенія лова трески въ Цынъ-Наволокской губѣ.

Кромѣ становищъ рыбопромышленниковъ—пришельцевъ изъ Онежскаго, Кемскаго и Архангельскаго уѣздовъ, по всему побережью Мурмана раскидано еще до 57 колоній и нѣсколько факторій, но о нихъ мы будемъ говорить, и подробно, далѣе, а пока возвращаемся къ становищамъ временныхъ рыбопромышленниковъ.

Не всегда въ прошломъ Мурманскій берегъ представлялъ такую картину, какая рисуется изъ предшествовавшаго описанія. Первоначально ловъ трески производился только въ Кольской губѣ новгородскими выходцами. Къ концу XIII в. жители Кольскаго поселка перешли для промысла въ болѣе обширные заливы западной части Мурманскаго побережья, преимущественно Урскій, Мотовской, Печенгскій и Варангерскій. Т. к. западная часть Мурмана никѣмъ не защищалась, ибо аборигены края—Лопари совсѣмъ не были заинтересованы въ рыбныхъ промыслахъ, то по всему этому побережью существовали самовольныя поселенія нормановъ или нордфаровъ, т. е., въ большинствѣ случаевъ, шведскихъ и датскихъ подданныхъ, изгнанныхъ изъ отечества и бѣглецовъ, главнымъ образомъ занимавшихся разбоями и грабежемъ. Богатства западныхъ заливовъ Мурмана заставляли первыхъ поселенцевъ этой части берега упорно отстаивать свое право на промыслы, вслѣдствіе чего между кольскими выходцами и нордфарами происходили ожесточенныя стычки, и не всегда русскіе оказывались побѣдителями въ этой борьбѣ. Въ виду такого положенія вещей, на западной части Мурмана издавна не строились сколько-нибудь прочныя дома и не основывались постоянныя поселенія. Отправляясь небольшими партіями изъ Кольскаго острога, промышленники избирали себѣ атамана, сосредоточивавшаго въ своемъ лицѣ власть судебную и исполнительную, а иногда и законодательную. Ватаги промышленниковъ, по прибытіи на мѣсто, распадались на небольшія артели, какъ и теперь, изъ четырехъ человѣкъ подъ управленіемъ кормщика или *коршика*, какъ говорятъ поморы.

Въ историческихъ данныхъ, къ сожалѣнію, нѣтъ точныхъ указаній на мѣста, гдѣ обыкновенно располагались становища, а существуютъ указанія только на то, что ихъ было не мало. Въ первый разъ, по свидѣтельству Гулевича, названія русскихъ

становившѣ упоминаются въ писцовыхъ книгахъ 1608, 1609 и 1610 г.г. Алая Михалкова и дьяка Василья Мартемьянова. Изъ этихъ книгъ видно, говоритъ Гулевичъ, что въ то время на западномъ Мурманѣ было 21 становище съ 121 промысловой избой, а на восточномъ—29 становищъ съ 75 избами. Просматривая ихъ списокъ, мы видимъ, что многія изъ нихъ теперь оставлены, но объяснить это только неудобствами заливовъ, въ глубинѣ которыхъ расположены были эти становища, едва-ли возможно—быть можетъ, и въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ переселеніемъ массъ трески въ другіе губы и заливы, хотя, въ концѣ концовъ, за недостаткомъ данныхъ вопросъ этотъ слѣдуетъ оставить открытымъ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ число становищъ по Мурману было (въ 39 г.) не болѣе 37 *), изъ которыхъ 18 было на западномъ Мурманѣ. Между тѣмъ, въ 57 году, т. е. въ годъ изслѣдованія мурманскихъ промысловъ проф. Данилевскимъ, ихъ было 41, т. е. столько-же, сколько въ настоящее время. Впрочемъ, едва-ли можно придавать значеніе этимъ цифрамъ, такъ какъ гораздо важнѣе знать подлинную цифру промышленниковъ, посѣщавшихъ ежегодно Мурманъ, но цифра эта можетъ быть указана только по отношенію къ послѣднимъ 25 годамъ—относительно-же предшествовавшихъ лѣтъ имѣются отрывочныя данныя, изъ которыхъ между прочимъ видно, что во времена Ломоносова число промышленниковъ на Мурманѣ достигало 10.000, въ 50-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія число это упало до 5.000, а въ настоящее время даже до 3.000 человекъ, если не считать въ числѣ ихъ колонистовъ.

Но о различныхъ цифрахъ и фактахъ, иллюстрирующихъ состояніе Мурманскихъ промысловъ за все то время, относительно котораго имѣются данныя, мы будемъ говорить въ своемъ мѣстѣ, а теперь возвращаемся къ тому, какъ организуется самый промыселъ.

Съ незапамятныхъ временъ мурманскіе промыслы велись почти исключительно при помощи небольшого судна, называемаго на языкѣ поморовъ «пнякой». И до сихъ поръ это судно, ни на юту не измѣнявшее своей конструкціи со временъ новгородскихъ, служить почти единственнымъ у русскихъ промышленниковъ промысловымъ судномъ.

*) Болѣе чѣмъ съ 1000 домовъ.

Изъ многочисленныхъ описаній этого оригинальнаго и нигдѣ, кромѣ сѣвернаго русскаго побережья, не встрѣчающагося судна, мы приведемъ наиболѣе точное, заимствуя его у разныхъ авторовъ, обращающихъ особенное вниманіе на морскія качества этого судна. По одному изъ такихъ описаній, шняка — «это старинная промысловая безпалубная лодка, тяжелая, неуклюжая, питая веревками, длиною отъ 32—36 футъ и поднимающая грузу отъ 250—300 пуд. Вооружена шняка однимъ прямымъ парусомъ, къ лавировкѣ неудобна и, кромѣ того, во время непогоды, дождя она не даетъ людямъ никакого прикрытія». Болѣе сжатого и превосходно характеризующаго нелѣпую конструкцію шняки описанія трудно себѣ представить. Въ оцѣнкѣ достоинствъ шняки согласны, повидимому, всѣ тѣ десятки авторовъ, трудами которыхъ мы до сихъ поръ пользовались. Такъ, наиболѣе компетентный изслѣдователь технической стороны мурманскихъ промысловъ г. Данилевскій, съ чисто профессорскою добросовѣстностью описавшій главное наше промысловое судно, прибавляетъ въ концѣ этого описанія: «къ сожалѣнію, шняки никакъ нельзя назвать хорошими морскими судами,—онѣ и медленны на ходу и тяжелы на веслахъ, а главное дурно выносятъ волненіе океана....» Не дѣлая другихъ выписокъ, одинаково характеризующихъ шняку, какъ никуда негодное морское судно, мы приведемъ здѣсь описаніе ея устройства.

Все внутреннее устройство шняки съ перваго взгляда довольно хорошо приспособлено къ ея назначенію, т. е. къ помѣщенію въ ней рыболовной снасти и наловленной рыбы. Для этой цѣли вся шняка дѣлится нѣсколькими дощатыми перегородками на нѣсколько отдѣленій, причемъ каждое такое отдѣленіе имѣетъ свое спеціальное назначеніе. Корма шняки на нѣкоторомъ разстояніи сплошь забрана досками, подъ которыми, такимъ образомъ, образуется нѣчто вродѣ каюты—здѣсь помѣщается кормщикъ. Конечно, каютой этой кормщикъ можетъ пользоваться только въ то время, когда шняка стоитъ неподвижно, выметавъ рыболовную снасть—остальное время кормщикъ долженъ находиться на своемъ посту или помогать артели при выметываніи и выниманіи изъ воды снасти. За каютой кормщика непосредственно идетъ отдѣленіе, въ которомъ помѣщается такъ наз. *наживодчикъ*, т. е. промышленникъ, наживляющій рыболовную снасть наживкой; за отдѣленіемъ наживодчика, ближе къ носу слѣдуютъ два *чердака* или *кормовая*

кладъ и, наконецъ, по срединѣ, вдоль длины шняки имѣется особый отдѣлъ, называемый *карой*, въ которомъ и производится наживка удъ, составляющихъ главную принадлежность всей рыболовной снасти. Въ виду этого, вдоль борта шняки, параллельно съ срединнымъ узкимъ отдѣленіемъ, имѣется небольшое отдѣленіе, гдѣ хранится самая наживка. Въ «карѣ» помѣщаются тюки снасти по наживленіи ея, т. е. во все время выметыванія снасти и послѣ вытягиванія ея. За «карой» идетъ отдѣленіе, называемое *гребнемъ*, гдѣ сначала находится снасть, передаваемая послѣ въ «кару» для наживленія; послѣ «гребня» слѣдуютъ 2, иногда 3 отдѣленія, называемыя *носовой кладью*. Пойманная рыба укладывается сначала въ кормовой кладѣ, затѣмъ въ носовой, а въ случаѣ необыкновенно-хорошаго улова и во всѣ остальные отдѣленія.

Хотя въ настоящее время на шнякахъ иногда выѣзжаютъ и за 30 верстъ отъ берега, однако это дѣлается съ большимъ рискомъ. Несчастья со шняками очень нерѣдки; почти ежегодно ихъ опрокидываетъ и потопляетъ въ то время, когда онѣ возвращаются слишкомъ переполненныя добычей. Не трудно судить о важномъ значеніи для успѣшности самаго промысла того или другого устройства рыболовныхъ судовъ—естественно, что неуклюжая, неповоротливая шняка, неспособная лавировать, построенная по шаблону, существующему уже 4 вѣка, въ значительной мѣрѣ мѣшаетъ наиболѣе производительному употребленію того короткаго промежутка времени, въ теченіи котораго промышленниками производится ловъ трески. Шняка позволяетъ выѣзжать на промыселъ, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ производится за 10 и болѣе верстъ отъ берега, только въ сравнительно тихую погоду и совсѣмъ не позволяетъ производить промысла въ открытомъ морѣ, отыскивая наиболѣе густыя стаи трески, какъ то дѣлаютъ наши соперники въ тресковомъ промыслѣ—норвежцы. Благодаря такимъ качествамъ шняки, та погода, которая на Мурманѣ считается бурей, и благодаря которой поморы въ океанъ не идутъ, на норвежскомъ берегу считается «хорошей погодой» и нисколько не останавливаетъ рыбаковъ. Это обстоятельство чрезвычайно важно, такъ какъ въ самое благопріятное для ловли время, т. е. весною, штилевые дни очень рѣдки, и чаще дуютъ NO и NW, приносящіе съ собою нерѣдко даже мятели, а качку килевую постоянно. Норвежцы совсѣмъ не знаютъ шняки и употребляютъ судно, несрав-

ненно болѣе приспособленное во всѣхъ отношеніяхъ, такъ назыв. «ёлу». Ёла больше шняки и ходитъ подъ кливеромъ, фокомъ и бизавью, т. е. несеть, во-первыхъ, парусность несравненно большую, чѣмъ шняка, и, во-вторыхъ, такую, которая ей позволяетъ лавировать, чего безусловно не можетъ дѣлать шняка со своимъ прямымъ четырехугольнымъ парусомъ, носящимъ живописное названіе «благодати». Вслѣдствіе этого, при малѣйшемъ не попутномъ вѣтрѣ шняка выгребается на веслахъ, а это при неуклюжести судна представляетъ очень и очень трудную работу. Нечего и говорить о томъ, что норвежская ёла имѣетъ и теплую каюту съ печью, гдѣ можно обогрѣться и обсушиться, и вообще предоставляетъ своимъ пассажирамъ сравнительно со шнякой массу удобствъ, съ точки зрѣнія притерпѣвагося къ стужѣ и мокротѣ помора, представляющихъ недоступную для него роскошь. Г. Максимовъ, самъ на себѣ испытавшій всѣ удобства промысла на русскомъ суднѣ, посвящаетъ довольно много мѣстъ сравнительному описанію норвежскаго и русскаго типа промысловыхъ судовъ, и это описаніе даже на не посвященнаго въ тайны морского искусства человека производитъ очень сильное впечатлѣніе. Кстати сказать, до Максимова никто изъ изслѣдователей нашихъ сѣверныхъ промысловъ такъ тщательно, путемъ *личнаго опыта*, не изучалъ условий, при какихъ производится промыселъ. Въ виду этого, наблюденія этого знатока сѣвера по-истинѣ драгоценны для всѣхъ, интересующихся судьбами нашихъ сѣверныхъ морскихъ промысловъ.

Описанія г. Максимова, касающіяся конструкціи нашихъ и норвежскихъ промысловыхъ судовъ, безусловно заслуживаютъ того, чтобы ихъ здѣсь привести. Оцѣнивая достоинства норвежскихъ судовъ, онъ говоритъ: «ёла идетъ круто къ вѣтру, прекрасно слушаетъ руля, не погружается сильно въ воду, устойчива, и ея паруса имѣютъ рифы, взявши которые, можно выдерживать въ океанѣ сильныя непогоды. Шняка наша тяжела, неуклюжа, неоворотлива и, вооруженная парусомъ «благодатью», т. е. однимъ только прямымъ парусомъ, рѣшительно не способна къ лавировкѣ. На шнякѣ нѣтъ каюты, гдѣ люди могли-бы обогрѣться и просушиться. Она сильно погружается въ воду и ходитъ тихо подъ веслами. Волненіе легко заливаешь ее, когда она въ грузу. Несмотря на то, что парусъ имѣетъ рифъ, шняка не можетъ выходить въ море

въ непогоду и держаться, когда въ такую-же непогоду выходить и держится норвежская ёла.....»

Другимъ промысловымъ судномъ, хотя и менѣе распространеннымъ, на Мурманскомъ берегу служитъ *карбасъ*. Онъ меньше шняки и конструкціи еще болѣе примитивной, и представляетъ собою «до такой степени жалкую коробку, что совѣсто и страшно становится за помора, выѣзжающаго на немъ...» Единственное его достоинство въ томъ, что онъ очень дешевъ, но такъ какъ онъ плаваетъ исключительно почти подъ веслами, то дешевизна его въ дѣйствительности очень дорого обходится промышленнику, могущему выйти въ океанъ только при безусловно спокойномъ состояніи воды или спускаться по вѣтру подъ маленькимъ парусомъ. Чуть поднимется въ морѣ непогода, карбасъ и шняка, если вѣтеръ непопутный, бѣгутъ по вѣтру, не думая отстаиваться, бросаютъ снасть рыболовную, гдѣ приведется, и стараются только о томъ, чтобы попасть какъ-нибудь къ берегу и уже не къ своему становищу, если не позволяетъ вѣтеръ, а куда-нибудь: лишь бы не погибнуть въ морѣ. Вдобавокъ, сшитый веревками изъ древесной коры, карбасъ течетъ по всѣмъ швамъ и при поднятіи на него тяжелой снасти, осѣдая въ воду, требуетъ постоянной отливки воды—иначе онъ затонетъ....

Совсѣмъ иначе обстоятъ дѣло у норвежцевъ.... Они уже не удовлетворяются типомъ ёлы. По свидѣтельству новѣйшихъ наблюдателей промысловой жизни на Финмаркенскомъ берегу, ёлу начинаютъ вытѣснять «листерботы»,—судно еще болѣе совершенное, чѣмъ ёла. Листерботъ—по размѣрамъ своимъ и конструкціи представляетъ собою небольшую яхту въ 30—40 тоннъ вмѣстимостью. Судно это оснащено двумя кливерами, фокомъ, топселемъ и бизанью. Практика показала, что зарифленный листерботъ способенъ вынести какую угодно бурю, благодаря еще тому обстоятельству, что онъ имѣетъ палубу и трюмъ, герметически закрывающійся люками. На кормѣ листербота имѣется каюта (съ печью), въ которой находятся койки экипажа (5—6 человѣкъ); груза беретъ листерботъ больше ёлы и крѣпче ея построенъ—это очень важно для промышленниковъ, такъ какъ позволяетъ судну оставаться въ океанѣ нѣсколько дней, пока трюмъ не будетъ наполненъ рыбой. и, слѣдоват., дѣлаетъ излишними безпрестанныя поѣздки къ берегу для выгрузки улова рыбы и въ концѣ концовъ позволяетъ выби-

ратъ въ океанѣ любое мѣсто, смотря по тому, гдѣ гуще стаи рыбы (ранѣе, говоря объ образѣ жизни трески, мы уже указывали на то, что рыба эта держится на громадномъ пространствѣ моря разсѣянными стаями большей или меньшей густоты). Найдя подходящее мѣсто, листерботъ становится на якорь, ложится въ дрейфъ, уходитъ отъ большой непогоды, куда ему угодно, въ любую бухту и возвращается въ гавань, какъ только нагрузится рыбой.

О другихъ судахъ поморовъ, какъ не имѣющихъ прямого, непосредственнаго отношенія къ самому промыслу, мы не станемъ говорить; роль ихъ служебная—отвозить наловленную рыбу въ Архангельскъ, ходить въ Норвегію для промѣна муки и другого сырья на норвежскую рыбу и т. д. Суда эти исчерпываются двумя типами, очень немного разнящимися, съ морской точки зрѣнія, другъ отъ друга—типами *лоды* и *шкун*. Оба эти типа слишкомъ устарѣли и далеко не выполняютъ своего назначенія, какъ по своему медленному ходу, такъ и по своей оснасткѣ и малой приспособленности для храненія груза, состоящаго изъ соленой и сушеной рыбы и, въ особенности, для плаванія вдоль бурнаго Мурманскаго моря. Пароходное-же сообщеніе существуетъ пока въ зародышѣ и отвѣчаетъ другимъ цѣлямъ,—у частныхъ-же лицъ—промышленниковъ до сихъ поръ нѣтъ ни одного парохода.

Нечего и говорить, что у финмаркенцевъ эта сторона дѣла стоитъ неизмѣримо выше. Конструкція ихъ судовъ, предназначенныхъ для перевозки рыбы и другихъ служебныхъ цѣлей, очень красива и удобна, удовлетворяя всѣмъ требованіямъ корабельной архитектуры. Обыкновенно норвежцы передѣлываютъ старыя парусныя суда на пароходы съ небольшою паровою машиною, а внутренность судна приспособляютъ къ перевозкѣ грузовъ, состоящихъ изъ рыбы и жира. Вообще всѣ суда, включительно до большихъ морскихъ пароходовъ, норвежцы строятъ на своихъ верфяхъ и по всѣмъ правиламъ морской науки; благодаря этому, у нихъ созданъ постепенно очень хорошій флотъ, какъ судовъ дальняго плаванія, такъ и береговаго, а также и промысловыхъ. Правда, для этого норвежцы по всему берегу завели школы, верфи, субсидируютъ всякія улучшенія въ кораблестроеніи, готовятъ моряковъ, изучаютъ берега и море и т. д., словомъ, продѣлываютъ цѣлый рядъ вещей, стоящихъ, въ концѣ концовъ, не дешево. Но и результаты всей этой дѣятельности таковы, что

заставляют забывать о всѣхъ дорогахъ издержкахъ.... Ничего этого пока у насъ еще нѣтъ, или есть въ зародышѣ, и печальная дѣйствительность рѣжетъ глаза всякому, даже некомпетентному наблюдателю—достаточно указать на такой фактъ, какъ тотъ, что наши поморскія суда не берутся на страхъ ни однимъ страховымъ обществомъ: такъ онѣ плохи. Лучшей иллюстраціи, пожалуй, и не надо.

И такъ, возвращаемся къ организаціи технической стороны мурманскихъ промысловъ, именно, къ самому способу ловли, что, между прочимъ, еще разъ дать возможность показать наглядно, въ какой зависимости отъ употребленія тѣхъ или другихъ промысловыхъ судовъ находится успѣшность и богатство улововъ.

Ранней весной, какъ мы говорили, къ берегамъ Мурмана приплываютъ несмѣтныя стаи мойвы—рыбки, жадно пожираемой трескою и потому служащей лучшей наживкой для ловли ея. Въ виду этого, первой заботой промышленниковъ бываетъ забота о приготовленіи этой наживки въ достаточномъ количествѣ. Къ берегамъ мойва подходитъ уже съ 1-го Марта и держится до 1-го Мая, а иногда и нѣсколько дольше. За мойвой идутъ, кромѣ трески, и киты, которые ею питаются (особый видъ—такъ наз. *мойвенный китъ*). На этомъ основаніи въ Норвегіи китобойный промыселъ запрещается весной, ибо киты, якобы гонятъ мойву передъ собою, исполняя должность своеобразныхъ пастуховъ. Однако, замѣтимъ между прочимъ, вопросъ этотъ далеко еще не выясненъ.

Присутствіе мойвы узнаютъ по массѣ чаекъ, питающихся этой маленькой рыбкой и потому массами наполняющихъ воздухъ. Болѣе точныя наблюденія показали, что время приближенія мойвы къ берегамъ обусловливается температурой воды, и потому, чѣмъ ранѣе наступаетъ весна, тѣмъ скорѣе мойва появляется у нашихъ береговъ. Промышленники зорко слѣдятъ за ходомъ мойвы и для этого предпринимаютъ иногда цѣлыя путешествія вдоль берега въ поискахъ за нею. Иногда, хотя и очень рѣдко, бываетъ, что мойва совсѣмъ не подходитъ къ нашимъ берегамъ и держится въ открытомъ морѣ. Положеніе промышленниковъ, ловящихъ эту рыбку особыми (мойвенными) неводами, въ такихъ случаяхъ становится критическимъ, и промышленники принуждены бываютъ обращаться къ другимъ сортамъ наживки, которой, кромѣ рыбки—песчанки, встрѣчаемой на песчаныхъ отмеляхъ послѣ вскрытія рѣкъ, слу-

жать такъ наз. морскіе черви, содержимое различныхъ морскихъ ракушекъ, мелкая сайда (*rattis*), а иногда даже сельди, куски трески, семги и мелкій пикшуй. Но рыба идетъ плохо на всѣ эти сорта наживки, и промышленники терпятъ большіе убытки. Между тѣмъ, американцы изобрѣли прекрасный способъ ловли мойвы въ открытомъ морѣ особыми неводами—*кошельковыми*. Самое названіе этихъ неводовъ указываетъ на ихъ устройство, и потому нѣтъ надобности останавливаться на ихъ описаніи. Гулевичъ (въ кн. «Русская Ламландія») говоритъ, что этотъ способъ ловли мойвы нашелъ и у насъ примѣненіе по инициативѣ шкипера И. Зебекъ, а затѣмъ промышленника А. Савина. Но за разореніемъ г. Зебекъ, его предпріятіе, состоявшее въ доставкѣ весной на особомъ пароходѣ въ становища мойвы для продажи промышленникамъ, въ настоящее время рухнуло; о другомъ-же предпріятіи, г. Савина у насъ, къ сожалѣнію, нѣтъ никакихъ свѣдѣній подъ руками.

Въ началѣ Іюня мойва, выметавъ икру, удаляется отъ береговъ и исчезаетъ въ неизмѣримыхъ глубинахъ открытаго океана.

Въ послѣднее время норвежецъ Кнюценъ въ становищѣ «Столбовомъ» воспользовался бухточкой, куда заходитъ мойва, перегородилъ эту бухточку до дна сѣтью и держитъ такимъ образомъ мойву все лѣто и осень въ затонѣ, временами ее вылавливая и развозя на своемъ пароходикѣ вдоль всего побережья Мурмана за хорошую, конечно, цѣну. Слѣдуетъ замѣтить, что мойва держится далеко не по всему побережью Мурмана, а только по западному, и далѣе Териберки, средняго становища на Мурманскомъ берегу, не заходитъ. Насколько въ виду этого важно имѣть запасы мойвы, видно изъ того огромнаго успѣха, который имѣло предпріятіе Кнюцена, прибытіе котораго съ мойвой на его маленькомъ, приспособленномъ для этой цѣли пароходикѣ, производило среди промышленниковъ цѣлую сенсацию. Пароходикъ этотъ, говоритъ Максимовъ,—«буквально берутъ на бордажъ и платятъ за наживку какую угодно цѣну. Однажды, простоявъ въ становищѣ Гавриловѣ полчаса, пароходъ выручилъ 700 руб....»

Между тѣмъ, несмотря на рѣшающее значеніе въ промыслѣ мойвы, запасовъ ея въ мороженомъ или какомъ другомъ видѣ не дѣлается, что, очевидно, не только возможно у насъ, въ виду неизмѣримаго количества мойвы, но и практикуется уже норвежцами и амери-

канцами. Мойвы бываетъ весною такъ много, что чайки ходятъ по движущейся стаѣ мойвы, какъ по землѣ, а на лодкѣ бываетъ очень трудно пробраться черезъ эту груду живыхъ тѣлъ.....

Ловъ мойвы обыкновеннымъ способомъ производится слѣдующимъ образомъ. Въ нѣкоторыхъ становищахъ, гдѣ скопляется въ данное время мойва, собираются промышленники съ ближайшихъ становищъ, и каждая партія ихъ изъ 4-хъ человекъ, представляющая промысловую единицу, пускаетъ свой маленькій мелкоячейный неводъ, пока не наловитъ достаточнаго количества наживки. Въ большихъ становищахъ этотъ ловъ представляетъ чрезвычайно оживленную картину: въ небольшой губѣ толпятся десятки лодокъ; сотни промышленниковъ закидываютъ невода, тянутъ ихъ, опоражниваютъ мотню, высыпая содержимое ея въ особые ушаты. Порядка при этомъ никакого не наблюдается—одинъ неводъ тянутъ черезъ другой, веревки отъ неводовъ перекрещиваются во всѣхъ направленіяхъ, путаются неводами, поднимаются крики, ссоры, переходящія иногда въ драку.

Наловленной мойвой пользуются тотчасъ-же, отправляясь въ ночной ловъ; возвращаясь на другой день съ наловленной рыбой, снова ловятъ мойву и т. д., дѣлая исключеніе только для праздниковъ. Иногда промышленники налавливаютъ мойвы такъ много, что излишекъ выбрасываютъ на берегъ, гдѣ рыба быстро загниваетъ.

Самый неводъ для ловли мойвы бываетъ длиною отъ 50 до 75 саж. и 3—3¹/₂ саж. въ ширину. Такой неводъ, по словамъ опытныхъ промышленниковъ, служить не болѣе 3 лѣтъ, и потому имѣютъ его далеко не всѣ и устраиваютъ, въ виду дороговизны обзаведенія неводомъ, особенныя артели (мойвенныя или *себріи*) со спеціальной цѣлью уменьшить издержки.

Въ такую артель входитъ обыкновенно 4 шняки въ качествѣ единицы, на которую полагается одинъ неводъ. Если владѣтель невода не имѣетъ 4-хъ шнякъ, то онъ зоветъ въ свою артель другихъ промышленниковъ, не имѣющихъ неводовъ, и тогда составляется нахъ назыв. *малая мойвенная ромша* (изъ 4-хъ шнякъ). Чтобы составить *большую* мойвенную ромшу, нужно три малыхъ, т. е. 12 шнякъ съ тремя неводами. Условія, на которыхъ вступаютъ въ мойвенную артель, довольно разнообразны, но чаще всего неимѣющій невода платитъ отъ 3 до 8 руб. Мойвен-

ныя артели существуют все то время, когда мойва держится у береговъ, т. е. до 1-го Іюня—уловъ мойвы дѣлится всегда поровну, а передъ выѣздомъ на ловлю бросаютъ жребій съ цѣлью рѣшить, какой неводъ пойдетъ первый, затѣмъ второй и т. д. Такая-же жеребьевка происходитъ и для опредѣленія, кому изъ кормщиковъ идти первымъ, вторымъ и т. д. Такимъ образомъ, въ первый разъ за наживкой отправляется кормщикъ первой малой ромши съ наживляльщикомъ и неводомъ и беретъ съ собою по два человѣка съ остальныхъ двухъ малыхъ ромшей. Иногда отсутствіе ловцовъ длится дней по 5—6, пока не найдутъ наживки. За первой малой ромшей слѣдуетъ вторая, затѣмъ третья.

Американцы, какъ мы уже указывали, ловятъ мойву кошельковыми неводами. Кромѣ того, избытокъ мойвы они сохраняютъ въ замороженномъ видѣ, въ ледникахъ.¹ Попытки завести этотъ обычай на Мурманѣ имѣли мѣсто еще въ концѣ 70-хъ годовъ, но особеннаго успѣха не имѣли, отчасти вслѣдствіе дороговизны замороженной мойвы (3 пуда мойвы стоили въ то время до 5 руб.), отчасти вслѣдствіе косности самихъ промышленниковъ, ссылавшихся на то, что ихъ «отцы этого не дѣлали».

За недостаткомъ мойвы употребляютъ всякую рыбу кусками, иногда даже не брезгаютъ соленой селедкой, но, естественно, надлежащихъ улововъ не получаютъ.

Съ 1-го Іюня, когда мойва уже удалится въ открытое море, начинается лѣтній промыселъ (по 1-е Августа). Наживкой въ это время служитъ *песчанка*, рыбка похожая на снѣтка; ловятъ ее неводами въ 50—60 саж. длиной и въ 2—2¹/₂ саж. шириной, Неводъ этотъ значительно дороже мойвеннаго и служитъ не болѣе одного года, но эти обстоятельства, противъ всякаго ожиданія, вовсе не заставляютъ промышленниковъ соединяться въ артели, и каждый хозяинъ швяки имѣетъ свой неводъ. При массѣ участниковъ въ ловѣ песчанки происходитъ постоянная путаница неводовъ, отсюда споры и драки, и, однако, ни дороговизна песчаночныхъ неводовъ, ни недолговѣчность ихъ, ни, наконецъ, отсутствіе всякаго порядка при ловѣ песчанки не заставляютъ промышленниковъ соединяться въ артели. Фактъ положительно не понятный.

Выгоды, которыя промышленники имѣли-бы отъ сохраненія песчанки про запасъ, очевидны сами собою, если принять во вниманіе, что ловъ песчанки происходитъ только въ опредѣленныхъ

и притомъ рѣдкихъ пунктахъ берега, такъ что изъ нѣкоторыхъ становищъ приходится ѣздить за песчанкой верстъ за десять, а иногда даже за 20, 30 и 35 верстъ. При противныхъ вѣтрахъ одинъ рейсъ за песчанкой длится до двухъ и трехъ сутокъ.... Въ концѣ концовъ, если вычестъ время, которое тратится на поиски и ловъ наживки, затѣмъ бурные дни, когда промыселъ, на шнякахъ особенно, немислимъ, да прибавить сюда праздники, то *настоящаго лова выпадаетъ дня два, не больше трехъ въ недѣлю*.... Одно это обстоятельство заставляетъ обратить особенное вниманіе на такія, повидимому, мелкія подробности, какъ та или другая организація лова наживки, способы ея сохраненія и т. д., тѣмъ болѣе, что за отсутствіемъ мойвы *вовсе не бываетъ* весенняго лова трески, т. е. не бываетъ самаго богатаго лова.

Такъ какъ безъ наживки треску совсѣмъ нельзя ловить тѣмъ способомъ, который исключительно употребляется на Мурманѣ, и къ описанію котораго мы сейчасъ перейдемъ, то за полнымъ отсутствіемъ ея, наживляютъ снасти чѣмъ попало, какъ мы уже отмѣтили. Лучшей, однако, наживкой послѣ мойвы и песчанки считается морской червь (*Arenicola piscatorum*), котораго находятъ на примелыхъ песчаныхъ побережьяхъ, глубоко зарывшимся въ песокъ, выкапывая его особымъ инструментомъ, вродѣ 5—6 зубыхъ вилъ, называемымъ *червяницей*. Такъ какъ черви сидятъ глубоко въ пескѣ, и ихъ оттуда не легко выкапывать, то промышленники дѣлаютъ это крайне неохотно, предпочитая наживлять снасти худшими сортами наживки, лишь бы не тратить столько труда на добываніе червя. Кромѣ того, никогда нельзя накопать такое количество червей, котораго бы хватило на наживленіе всей снасти. поэтому приходится укорачивать снасть и вообще нѣсколько ломать тотъ обиходъ, къ которому промышленники привыкали въѣка....

Вылавливаніе со дна моря драгами *ракушекъ* для наживленія снасти представляетъ такую утомительную операцію, что промышленники прибѣгаютъ къ ней лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ, тѣмъ болѣе, что добыча этихъ ракушекъ даетъ возможность наживлять только часть снасти—настолько она ничтожна.

Когда, такимъ образомъ, окончена довольно сложная процедура заготовленія для лова наживки, промышленники выѣзжаютъ въ море на промыселъ.

Способы ловли, практикуемые мурманскими промышленниками, очень несложны—ихъ два: ловъ при помощи снасти, называемой *ярусомъ*, и ловъ *удебный*, т. е. удочкой. Самый распространенный способъ; ловли на Мурманскомъ побережьѣ—это ярусный способъ; хотя параллельно съ нимъ существуетъ и удебный, но въ гораздо меньшихъ размѣрахъ.

Самый древній способъ ловли трески, однако, былъ удебный: первые промышленники на Мурманскомъ берегу, насколько объ этомъ можно судить по имѣющимся историческимъ даннымъ, употребляли удочку очень примитивной конструкціи. Это былъ простой крючокъ, привязанный къ бичевкѣ сажень 100—150. Нѣсколько выше крючка привязывалось тяжелое грузило, и весь этотъ немудрый снарядъ опускался въ море съ какою-нибудь наживкой, причемъ ловецъ безпрестанно подергивалъ леску съ цѣлю придать наживкѣ (обыкновенно какой-нибудь рыbkѣ) живой видъ. Такой способъ ловли требовалъ большой затраты физической силы, и потому съ развитіемъ промысловъ былъ замѣненъ яруснымъ.

Для яруснаго лова требуется, по издавна установившемуся на Мурманѣ обычаю, четыре человѣка, составляющіе, такъ сказать, промысловую единицу. Впрочемъ, это число, сообразно различнымъ условіямъ лова, доходить и до двухъ человѣкъ на каждое судно. Все-таки, постояннымъ и правильнымъ способомъ лова считается шнячная артель изъ четырехъ человѣкъ. Эти четыре человѣка, составляющіе экипажъ шняки и продѣлывающіе всѣ операціи при выметываніи снасти, вытягиваніи ея и т. д., имѣютъ каждый свою строго опредѣленную обязанность и носятъ поэтому соответствующія названія; первый изъ нихъ—*кормщикъ*, на обязанности котораго, главнымъ образомъ, лежитъ нахожденіе наиболѣе, по его мнѣнію, богатыхъ скопленій трески, опредѣленіе времени выметыванія яруса, уборка его и т. д., словомъ, онъ представляетъ собою нѣчто вродѣ капитана шняки. Остальные трое—*тягалецъ*, *весельщикъ* и *наживодчикъ*—выполняютъ функціи обыкновенныхъ рабочихъ.

Самая снасть, которою управляютъ эти четыре человѣка,—ярусъ, представляетъ длинный рядъ связанныхъ между собою тонкихъ (толщиною въ мизинецъ) веревокъ, къ которымъ прикрѣплены на извѣстномъ разстояніи другъ отъ друга болѣе тонкія и короткія (длиной четвертей пяти) веревочки, или подлески, къ концамъ

которыхъ прикрѣплены желѣзные крючки, наживляемые, какъ мы уже сказали, мойвой, песчанкой, морскимъ червемъ или даже ку-сочками какой-бы то ни было рыбы и ракушками. Къ срединѣ яруса и его обоемъ концамъ прикрѣплены якоря, благодаря кото-рымъ вся снасть лежитъ на днѣ; отъ этихъ якорей идутъ веревки, длина которыхъ какъ разъ соотвѣтствуетъ глубинѣ моря въ томъ мѣстѣ, гдѣ производится ловъ. Дѣлается это для того, чтобы къ концамъ веревокъ, выходящимъ на поверхность моря, привязать особые значки, обозначающіе мѣстонахождение всей снасти. Значки эти состоятъ изъ деревянной чурки—*кубаса*, въ которую вставлена палка толщиною въ руку, оканчивающаяся такъ назыв. *махавкой*, т. е. пучками мочалы или вѣтокъ; назначеніе махавки и кубаса состоятъ въ томъ, чтобы издалека можно было видѣть мѣсто, гдѣ выметана снасть. При волненіи, кубасъ, постоянно подбрасываемый волнами, какъ-бы размахиваетъ махавкой и тѣмъ указываетъ мѣсто, гдѣ залегаеъ снасть, но въ тихую погоду, при зеркальной поверхности моря махавка лежитъ на водѣ и потому не выпол-няетъ своего назначенія.

Ярусъ достигаетъ длины 6, 9 и даже 12 верстъ (по Гуле-вичу), но средней его длиной слѣдуетъ считать верстъ 6—7. Весь ярусъ состоитъ изъ *стоянокъ* или *стеклинъ*, т. е. веревокъ въ 35—45 саж. длиною, связанныхъ между собою. Коротенькія вере-вочки (подлески), привязанныя по всей длинѣ яруса, такъ назыв. *оростегъ*, находятся другъ отъ друга на разстояніи аршинъ 4-хъ, а въ послѣднее время даже 3 и 2¹/₂ аршинъ. Еще ранѣе, оростегъ прикрѣплялись гораздо рѣже, иногда на 2 саж. другъ отъ друга. Каждая три стоянки называются *тюкомъ* и никогда не развязываются, тогда какъ каждый тюкъ по вынутіи снасти непременно отвязывается отъ слѣдующаго тюка—и сматывается каждый отдѣльно. Только при наживленіи крючковъ тюки снова связываются. Что касается крючковъ на концахъ оростегъ, то они всегда приблизительно одинаковы и отличаются только по качеству и происхожденію. Англійскіе крючки считаются гораздо лучшаго качества, такъ какъ подвергаются лучшей закалкѣ, имѣютъ на концѣ зазубрину и искривлены такъ, что остріе крючка находится въ другой плоско-сти, чѣмъ та часть его, которая привязывается къ оростегѣ; рус-скій-же крючокъ не имѣетъ этихъ достоинствъ, и потому промыш-ленники предпочитаютъ употребленіе англійскихъ, несмотря на

ихъ сравнительную дороговизну. По свидѣтельству рыбаковъ, уловы на ярусахъ, снабженныхъ англійскими крючками, превосходятъ уловы ярусовъ съ русскими въ полтора и даже болѣе разъ. Однако и до сихъ поръ употребленіе крючковъ русской фабрикаціи довольно распространено среди мурманскихъ промышленниковъ, отчасти въ силу ихъ рутинности, отчасти вслѣдствіе бѣдности, особенно тѣхъ изъ нихъ, которые занимаются промысломъ самостоятельно, что очень понятно, если принять во вниманіе огромное количество крючковъ, потребныхъ для одного яруса—число это въ среднемъ случаѣ не менѣе 3.000. А такъ какъ крючки часто отрываются, то для ремонта яруса въ теченіе рыболовнаго сезона нужно еще не менѣе 2.000 крючковъ, что будетъ стоить не менѣе 15—20 рублей, при заведеніи яруса, да при ежегодномъ его ремонтѣ не менѣе 10—15 рублей. Съ 1862 года дозволенъ безпошлинный ввозъ заграничныхъ крючковъ, благодаря чему цѣны ихъ упали до 5—7 рублей за тысячу, а раньше онѣ были гораздо выше.

И такъ, изготовивши снасть, т. е. нажививши ее на берегу и связавши тюки между собою, промышленники кладутъ ее въ шнягу или карбасъ и выплываютъ въ море, приноравливая время отправленія такъ, чтобы ярусъ пришлось выметывать при самомъ низшемъ стояніи воды въ морѣ—по выраженію поморовъ, въ *хайпуу*. Вотъ какъ описываетъ ловлю ярусомъ проф. Данилевскій, наблюдавшій эту операцію не одинъ разъ.... «Прибывъ на мѣсто, которое кормщикъ—распорядитель всего лова—считаетъ удобнымъ для выметки яруса, выбрасываютъ сначала кубасъ, а затѣмъ якорь съ ярусомъ, прикрѣпленнымъ къ веревкѣ, идущей отъ него къ кубасу. Весельщикъ и тяглецъ гребутъ, а кормщикъ продолжаетъ выметывать снасть, стараясь, по возможности, сохранить одно направленіе. Выметавъ половину снасти, бросаютъ второй якорь съ кубасомъ, а при концѣ всего яруса третій. Кормщикъ долженъ быть хорошо знакомъ съ глубиною моря, ибо, если веревка, соединяющая якорь съ кубасомъ, слишкомъ коротка по глубинѣ мѣста, то кубасъ потонетъ. Также долженъ кормщикъ замѣчать по берегу положеніе каждаго изъ кубасовъ, чтобы всегда быть въ состояніи ихъ отыскать, если, напр., погода принудитъ шнягу оставить снасть въ морѣ, чтобы самой укрыться въ становищѣ. Выметавъ ярусъ, привязываютъ шнягу къ кубасу и стоятъ на якорѣ, пока не придетъ время вытягивать снасть. Обыкновенно оставляется ярусъ

въ морѣ цѣлую воду, т. е. шесть часовъ, если-же рыбы мало ловится, то двѣ воды, а иногда даже цѣлыя сутки; въ этомъ послѣднемъ случаѣ, выметавъ ярусъ, всегда возвращаются въ становища....»

«Тянуть ярусъ тяглецъ. Работа эта требуетъ чрезвычайно продолжительныхъ усилій, такъ какъ ярусъ бываетъ длиною до 6 верстъ и болѣе. Кормщикъ помогаетъ ему, снимаетъ рыбу съ уды, при этомъ онъ зацѣпляетъ ее въ водѣ особливимъ крючкомъ на короткой рукояткѣ, называемой *ляпомъ*, вытаскиваетъ въ лодку, упираетъ въ уду узкой дощечкой, вырѣзанною на одномъ концѣ угломъ и называемой *трещеткой*, и такимъ образомъ освобождаетъ уду изъ рта рыбы. Въ это время наживодчикъ глушитъ уды, т. е. завязываетъ оростеги петлями, чтобы онѣ не путались и не цѣплялись; весельщикъ гребетъ. Вытанувъ весь ярусъ, возвращаются въ становище. Но случается, что берутъ съ собою запасъ наживки на двѣ «тряски», по здѣшнему выраженію. Въ этомъ случаѣ наживодчикъ не глушитъ подаваемую ему снасть, а перенаживляетъ ее. Эта работа особенно трудна въ весеннее время, когда еще стоятъ сильные морозы. Наживка опускается тогда въ мѣшкѣ въ море, чтобы она не закопѣла отъ мороза, а оставалась гибкою. Не легко, конечно, въ это время тяглицу и кормщику, обливаемымъ текущей со снасти водой, температура которой ниже точки замерзанія; но они имѣютъ на рукахъ рукавицы, и самыя усилія ихъ согрѣваютъ. Между тѣмъ наживодчикъ, обыкновенно мальчикъ отъ 15 до 18 лѣтъ, долженъ голыми руками, копѣющими отъ холода, надѣвать мерзнущую въ рукахъ рыбу на уду. Уколы и царапины при этомъ неизбежны, а соленая морская вода разъѣдаетъ ихъ. Руки наживодчиковъ всегда покрыты ранами и болячками. На возвратномъ пути тяглецъ развязываетъ тюкъ отъ тюка и мотаетъ ихъ въ кучи. По приѣздѣ на берегъ, весельщикъ ихъ вынимаетъ и несетъ сушить на палтухи *). Но наскоро смотанная и заглушенная снасть не остается въ такомъ видѣ. На берегу переглушаютъ ее и разматываютъ замотавшіяся оростеги *зун*—мальчики лѣтъ около 10—12, которыхъ бываетъ по одному на нѣсколько шнякъ....»

Въ силу своего устройства ярусъ лежитъ прямо на днѣ, и оростеги, не поддерживаемыя поплавками, лежатъ тоже на днѣ,

*) Горизонтальныя жерди, укрѣпленные на стойкахъ.

вслѣдствіе чего на крючки попадаетъ, кромѣ рыбы, много различныхъ морскихъ животныхъ: коралловъ, губокъ, морскихъ звѣздъ и др. болѣе мелкихъ животныхъ, извѣстныхъ у промышленниковъ подъ общимъ названіемъ *копшаковъ*. Эти «копшаки» сильно вредятъ промыслу, особенно въ концѣ лѣта, когда приходится оставлять яруса на ночь въ морѣ—они сѣдаютъ не только наживку, но и выѣдаютъ внутри мясо у пойманной уже рыбы....

Большинство промышленниковъ, какъ мы уже сказали, ловить треску ярусомъ, но въ послѣднее время, по примѣру норвежцевъ, и у насъ начинается практиковаться учебный способъ ловли. Въ Финмаркенѣ ловятъ треску не только удами, но и сѣтями; послѣдній способъ у насъ не примѣнимъ, потому что треска держится вдали отъ берега, и, кромѣ того, у береговъ нѣтъ удобныхъ для вытаскиванія сѣтей мѣстъ—у береговъ-же Норвегіи есть масса небольшихъ острововъ съ пологими берегами и мелами въблизи ихъ. По отзывамъ поморовъ, и учебный способъ ловли у насъ мало можетъ быть примѣнимъ уже по одному тому, что на ловъ приходится выѣзжать на 10—20 и даже 30 верстъ отъ берега, а въ Норвегіи ловъ ведется почти у самыхъ береговъ, много въ 5 верстахъ отъ берега. Но факты послѣдняго времени опровергаютъ этотъ аргументъ—по восточному Мурману въ настоящее время учебный способъ ловли уже не составляетъ рѣдкости, особенно при промыслѣ карбасами. Такъ, въ 1881 г. уже въ становищахъ: Семиостровскомъ, Лопскомъ, Юканскомъ, Большихъ и Малыхъ Клетнахъ, Савихинскомъ, Ивана—Взглавая и Лодыгинскомъ ловили треску учебнымъ способомъ. Что же касается колонистовъ Мурманскаго побережья, сгруппировавшихся по преимуществу на западномъ Мурманѣ, промышляющихъ треску на норвежскихъ ѡлахъ, то ими почти сплошь практикуется учебный способъ ловли.

Относительно преимуществъ учебнаго способа ловли существуетъ разногласіе—одни находятъ его болѣе выгоднымъ, чѣмъ ярусный, другіе менѣе. Такъ, одинъ изъ знатоковъ Мурманскаго побережья, г. Гулевичъ, говоритъ, что учебный способъ ловли трески въ сравненіи съ яруснымъ имѣетъ то преимущество, что не нужно дѣлать затраты на покупку дорого стоящихъ яруса и неводовъ для ловли мойвы и песчанки. Промышленникъ удочкой—продолжаетъ г. Гулевичъ—не тратитъ времени на розыски наживки и, слѣдов., чаще выѣзжаетъ въ море. Онъ также не теря-

есть времени на выметывание и вытаскивание яруса—операции, на которые, при огромной длине яруса, тратится очень много времени; при этом промышленник не рискует потерять дорого стоящий ярусъ, какъ это нередко бываетъ во время бурь; не рискуетъ онъ и жизнью въ такой мѣрѣ, какъ при ярусномъ способѣ ловли: при первыхъ-же признакахъ непогоды онъ, не тратя времени на собираніе снасти, направляется къ берегу. Наконецъ, по наблюденіямъ промышленниковъ, ярусомъ за каждый разъ вылавливаютъ отъ 40 до 200 пуд. трески, а удочкой отъ 40—60 пуд. не болѣе за каждый выѣздъ на ловлю. Однако, по увѣренію сторонниковъ удобнаго способа ловли, въ концѣ промысла промышленники, употребляющіе удобный способъ, налавливаютъ больше....

Къ этому мнѣнію присоединяются и другіе изслѣдователи промысловъ Мурманскаго побережья. Такъ, г. Подгаецкій, перечисливъ тѣ-же недостатки ярусного лова, на которые указываетъ и г. Гулевичъ, прибавляетъ, что широко примѣняемый въ Норвегіи удобный способъ ловли имѣетъ всѣ преимущества передъ яруснымъ: онъ дешевле, экономизируетъ время, даетъ лучшіе результаты... Но, по словамъ Подгаецкаго, этотъ способъ туго прививается на Мурманѣ среди промышленниковъ (колонисты западнаго Мурмана довольно часто пользуются именно удобнымъ способомъ лова). Причины этого г. Подгаецкій видитъ въ вѣковой рутинѣ и въ системѣ покрута *).... «Удрученный нравственно покрутной кабалой промышленникъ начинаетъ относиться съ равнодушіемъ къ интересамъ хозяина. Онъ понимаетъ, что будь уловъ меньше или больше—ему все равно нѣтъ исхода, и все равно хозяинъ въ видахъ своей прибыли прокормитъ зимою его и его семью, и онъ предпочитаетъ пользоваться тѣми нѣсколькими часами отдыха въ морѣ, которыя даетъ ярусный способъ, чѣмъ употреблять для лова удочку и слѣдить неустанно за ходомъ ловли....»

Повидимому, соображенія г. Подгаецкаго имѣютъ основаніе, такъ какъ почти то-же говоритъ и Максимовъ, изучившій лично оба способа ловли и видѣвшій результаты попытокъ ввести у насъ повсемѣстно удобный способъ ловли.

*) *Покрутъ*—это та форма отношеній, которая существуетъ между хозяиномъ предпріятія и остальными членами артели. Система покрута ведетъ къ закабаленію несамостоятельныхъ промышленниковъ.

Дѣйствительно, чтобы выметать 6—7 верстный ярусъ, нужно не менѣе 3—4 часовъ времени, затѣмъ въ теченіи 6 часовъ (на хорошій конецъ) ждутъ момента вытаскиванія яруса (въ это время всѣ на шнякѣ спятъ); на тягу яруса изъ воды требуется не менѣе 6 часовъ; въ общемъ, слѣдоват., затрачивается не менѣе 15—16 часовъ, въ теченіе которыхъ только 6 часовъ абсолютнаго отдыха, а остальные 9—10 наполнены очень тяжелой работой. Такимъ образомъ, одинъ изъ главныхъ аргументовъ противниковъ учебнаго способа, имѣющій въ виду большую затрату физической силы на подергиваніе уды, теряетъ свое значеніе, ибо трудно сказать, гдѣ больше затрачивается труда—при наживленіи и вытягиваніи яруса, или при учебномъ способѣ ловли?

При обычныхъ условіяхъ шняка требуетъ не менѣе сутокъ на одинъ выѣздъ въ море, не считая того времени, которое затрачивается на возвратный путь, причемъ нерѣдко шнякѣ приходится бѣжать отъ бури, куда глаза глядятъ. Погода на Мурманѣ, особенно въ весеннее время, не отличается постоянствомъ и весьма вѣроятно, что въ теченіи сутокъ она хоть разъ переизмѣнится къ худшему. Промышленникъ, застигнутый непогодой, бросаетъ ярусъ на произволъ судьбы, иногда въ 20 верстахъ отъ берега и возвращается домой, *если вѣтеръ попутный*, но въ противномъ случаѣ попадаетъ, на хорошій конецъ, въ сосѣднее становище и тамъ ждетъ переизмѣны погоды, а потомъ выгребаетъ на веслахъ огромное разстояніе до мѣста, гдѣ ярусъ былъ брошенъ, и нерѣдко его не находятъ—потому-ли, что другіе промышленники набрали на него и вынули или потому, что просто его обрѣзали, запутавъ свой ярусъ въ крючьяхъ оставленнаго. Последнее случается настолько нерѣдко, что входитъ какъ постоянный элементъ въ расчеты любого промышленника, вычисляющаго свои расходы и доходы отъ промысла; обыкновенно, вытаскивъ на крючьяхъ своего чужой ярусъ, промышленники, не желая тратить времени на распутываніе, просто обрѣзаютъ чужой, и тогда для владѣльца его пропадаетъ болѣе или менѣе значительная его часть; иногда все это дѣлается даже съ умысломъ и съ цѣлью снять съ чужого яруса рыбу.

Норвежцы, въ тѣхъ случаяхъ, когда практикуютъ не учебный способъ ловли, употребляютъ не одинъ ярусъ, а *четыре*, но короткихъ. Максимовъ, видѣвшій этотъ способъ, описываетъ его такъ: «Выйдя на листерботѣ въ море, бросаютъ якорь или ложатся въ

дрейфъ, спускаютъ шлюпку и слѣдятъ за погодой. Если вѣтеръ стихаетъ, и волненіе уменьшается, они завозятъ сначала два яруса и выбираютъ ихъ, не выжидая 6 часовъ, т. е. переменны теченія. И трехъ часовъ времени достаточно, чтобы рыба попала на каждый крюкъ, если она находится на мѣстѣ завоза.....» Наши промышленники ожидаютъ 6 часовъ только для того, чтобы переменялось теченіе, и ярусъ было легче выбирать, спуская шнягу по теченію—иначе у нихъ не хватило-бы силъ выбрать 6—7 верстный ярусъ. Очевидно, что при коротенькомъ ярусѣ нѣтъ надобности ждать теченія, а можно выбирать ярусъ и черезъ 3 и даже 2 часа, если стаи трески густы. Норвежцы такъ и дѣлаютъ—завезя два яруса, они черезъ 2—3 часа выбираютъ ихъ, а потомъ заводятъ и выбираютъ другіе два. Это бываетъ въ случаѣ хорошей погоды, но чуть погода переменялась, они уже завозятъ только одинъ ярусъ и затѣмъ, при наступленіи опасности, быстро его выбираютъ и идутъ къ берегу.

Однако и въ Норвегіи весною практикуется исключительно удобный способъ ловли, ибо рыба густыми, плотными стаями подходитъ почти къ самымъ берегамъ. Стаи эти такъ плотны, что при опусканіи удочки чувствуется, какъ грузило проходить черезъ массу рыбы. Самая удочка по норвежскому способу устроена изъ лески длиной въ 60—120 саж., грузила въ 15 фун., крюка съ металлической рыбкой и шкива, по которому вытягиваютъ леску, такъ что затрата силы бываетъ очень незначительная. При ловлѣ стараются, чтобы крючокъ не доходилъ до два сажени на три, и начинаютъ его дергать. Какъ только рыбакъ почувствуетъ, что рыба тронула крючокъ, онъ его тащитъ къ себѣ; замѣчено, что при такомъ способѣ ловли, большая часть рыбы ловится не ртомъ, а за хвостъ, за бокъ, животомъ и т. д. Между прочимъ, до 10⁰/о рыбы срывается съ удочки—однако, въ бурную и вѣтреную погоду ловъ бываетъ настолько обиленъ, что рыбу приходится таскать поминутно, и трюмъ листербота можно наполнить въ трое сутокъ.

Однако, тотъ-же Максимовъ, у котораго мы заимствовали вышеприведенныя подробности относительно удобнаго способа ловли трески, находитъ, что вопросъ о томъ, какой способъ выгоднѣе, далеко еще не разрѣшенъ, и приходитъ къ заключенію, что *«ярусный способъ былъ-бы гораздо выгоднѣе, если-бы усовершенствовать ярусъ и примѣнить новый способъ его погружки въ воду....»*

Очень любопытную, хотя и грустную исторію одной попытки поставить на Мурманскомъ побережьѣ дѣло на болѣе твердую почву, именно, при помощи болѣе усовершенствованныхъ приемовъ ловли,—находимъ мы въ недавней работѣ Максимова, посвященной описанію мурманскихъ промысловъ. Конечно, этотъ фактъ самъ по себѣ ничего еще не доказываетъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ отчасти подтверждаетъ приведенное выше соображеніе Подгаецкаго относительно «вѣковой рутины» и покрута, какъ системы мѣшающей улучшить и сдѣлать производительнѣе наши промыслы.

.... «Изъ Цыпъ-Наволока,—пишетъ Максимовъ,—идемъ мы въ Корабельную бухту. Здѣсь мы находимъ прекрасную факторію, которой управлялъ когда-то г. Зебекъ. Это былъ, говорятъ, энергичный человѣкъ, новаторъ, инициаторъ, типъ американскаго дѣльца. Затрачены были большія деньги. Изъ Америки приведена была шкуна; были заведены пароходъ съ холодильниками для мойвы и лучшія снасти. Былъ выписанъ американецъ, назначенный шкиперомъ новенькой шкуны, которая должна была выходить въ море на вѣсколько дней, становиться на якорь или держаться въ дрейфѣ и промысливать, пока не наберетъ достаточнаго количества рыбы. Словомъ, пробовали примѣнить американскій способъ ловли трески. Ничто не помогло. Несмотря на энергію г. Зебека и на всѣ усовершенствованія, предпріятіе лопнуло и отошло частію въ собственность вновь образовавшагося въ Петербургѣ товарищества «Рыбакъ». Но и это товарищество должно было ликвидировать вскорѣ свои дѣла. Въ настоящее время отъ имущества этихъ двухъ предпринимателей не осталось ни слѣда, а зданія стоятъ на берегу бухты съ наглухо заколоченными окнами, не находя покупателя....»

....«Когда я, прибавляетъ Максимовъ, обращался съ вопросами о причинахъ паденія этихъ предпріятій къ мѣстнымъ старожиламъ, то иные не умѣли объяснить эти причины, другіе говорили, что главная причина заключалась въ томъ, что никакая новая инициатива г. Зебека не могла быть проведена въ промышленную жизнь при отрицаніи новшествъ русскими промышленниками. Послѣдніе оказывались необыкновенными рутинерами. Они не признавали нововведеній.... Такъ объясняли норвежцы, приводя примѣръ: однажды шкуна не возвращается съ моря. Люди посланные на ней, должны были промысливать по новому способу,

принятому норвежцами, но отвергаемому русскими промышленниками, которые предпочитали всегда яруса.... Наконецъ, съ моря приближала ёла съ норвежскими промышленниками. Они сказали, что видѣли шкуну въ морѣ, но не видали никого на палубѣ. Послали парохоть. Посланный нашёлъ шкуну на морѣ. Поднявшись на палубу, онъ убѣдился, что люди спали. «Что это значить?»—спросилъ онъ капитана.—«Они не хотятъ удить»,—отвѣтилъ капитанъ. Въ правдивости разсказа, прибавляетъ Максимовъ, я не сомнѣваюсь.... но полагаю, что причиной русскаго холодно-кровія къ норвежскому способу ловли не была исключительно одна только лѣнь. Причину слѣдовало искать въ экономическихъ отношеніяхъ хозяина къ промышленнику....» Дѣло было въ томъ, какъ явствуется изъ дальнѣйшаго объясненія, что промышленники были на жалованьи, наймитами, и, слѣдоват., не хлопотали объ интересахъ хозяина, зная, что сами они получаютъ опредѣленную по-мѣсячно плату... При системѣ покрута, о сущности которой мы скажемъ ниже, хотя промышленникъ номинально и является заинтересованнымъ въ размѣрахъ улова, такъ какъ участвуетъ въ немъ какъ пайщикъ, но фактически, зная прекрасно, что ему не выйти изъ кабалы у хозяина, ведетъ себя совершенно такъ, какъ и наемный рабочій. Объ этомъ, впрочемъ, мы много и гораздо подробнѣе будемъ говорить дальше при обрисовкѣ экономической организаціи мурманскихъ промысловъ. Въ настоящее-же время остановимся пока еще на краткомъ описаніи орудій акуляго лова (о способѣ боя китовъ у Мурманскаго берега мы уже достаточно говорили), и этимъ закончимъ описаніе технической стороны промысловъ, касающееся собственно орудій и способовъ лова, и перейдемъ затѣмъ къ описанію приготовленія продуктовъ рыболовства.

Акулій промыселъ, какъ это мы неоднократно уже говорили, существуетъ въ очень небольшихъ размѣрахъ и только собственно въ Кольской губѣ, хотя нерѣдко при ловѣ трески ярусами акулы, пожирающія пойманную рыбу, и преслѣдуются промышленниками, но, конечно, не съ цѣлью промысла. Вообще акулъ по всему Мурманскому побережью огромное число. Еще Рейнеке, оставившій превосходное гидрографическое описаніе нашихъ сѣверныхъ береговъ, отмѣчаетъ удивившій его фактъ, что однажды въ Кольскую губу зашло такое множество акулъ, что «устрашенные

промышленники молили Бога избавить ихъ отъ опасности....» Такихъ фактовъ слишкомъ много для того, чтобы стоило ихъ приводить здѣсь всѣ—достаточно указать на такіе, какъ, напр., имѣвшій мѣсто въ 1867 г., когда промышленники Бергштрамъ и Фредериксонъ увидѣли между Кольскимъ заливомъ и островомъ Кильдинымъ «такое множество и такихъ громадныхъ акулъ, какихъ еще не встрѣчали въ другихъ моряхъ» и «не осмѣлились производить охоты....» Въ 1893 г., по словамъ Таратина, «вся Кольская губа буквально была набита акулами, рыбой и китами....» Дѣло дошло до того, что акулы само, добытое въ количествѣ 2000 пуд., кольскіе купцы, единственные покупатели въ это время (въ январѣ), стали помѣщать прямо въ шняки, стоявшіе на берегу.... и т. д.

Промыселъ акулъ начинается въ январѣ и продолжается до апрѣля, производится на шнякахъ, какъ и тресковый, съ экипажемъ въ 4 человѣка. Выѣхавъ на мѣсто лова, промышленники становятся на якорь и затѣмъ выбрасываютъ особую посудину со стѣнками изъ дерева съ просверленными дырами. Въ этой посудинѣ находится испорченная ворвань или кусокъ немного поджареннаго тюленьяго мяса. Ворвань понемногу вымывается изъ посуды водою и привлекаетъ акулъ. (Эта струя ворвани называется «лайно» или «лайво»). Убѣдившись въ томъ, что акулы запримѣтили «лайно», промышленники выбрасываютъ въ море лесу толщиной въ дюймъ и длиною до 150 сажень; на концѣ этой лесы привязана другая, длиною отъ 7 до 12 сажень, во вдвое толще (такъ назыв. «сукунборокъ»); уже къ этой послѣдней веревкѣ прикрѣпляется грузило вѣсомъ въ 10 фунтовъ («пунда») и цѣпь въ 2 саж. длиною, на концѣ которой прикованъ крюкъ длиною до 1 фута. Особенность этого крюка состоитъ въ томъ, что онъ вращается на особой гайкѣ въ какую угодно сторону для того, чтобы акула не могла перекрутить снасти. Наживкой служитъ жареное тюленье мясо, издающее очень сильный запахъ, издаека привлекающій акулъ. Орудія лова, кромѣ описаннаго, крайне немногосложны и заключаются въ такъ назыв. *лмнѣ*. т. е. желѣзномъ крюкѣ въ аршинъ длиною, безъ зазубринъ; къ этому крюку черезъ кольцо на концѣ его продѣвается хорошій тростъ съ узлами на каждыхъ 2-хъ четвертяхъ; затѣмъ употребляется *кленикъ*—ножь съ рукояткой въ 1½—2 аршина, *кромѣ*л-

ка—деревянный молотокъ до $1\frac{1}{2}$ пуда вѣсомъ и *дудка*, или *чубукъ*, длиной въ 2—3 четверти.

Орудія эти употребляются слѣдующимъ образомъ. Выждавъ около сутокъ и зная, что акулы сплылись въ «лайно», промышленники забрасываютъ въ это «лайно» снасть, и акулы одна за другой берутся на наживку. Поймавъ акулу, подтаскиваютъ ее къ борту судна и бьютъ кротилкой по головѣ—акула перестаетъ биться и нѣкоторое время остается безъ движенія. Тогда ее переворачиваютъ на спину, взрѣзываютъ брюхо клепикомъ и вынимаютъ печень (*воюксу*) и плавательный пузырь; послѣдній не отдѣляютъ совсѣмъ отъ внутренностей и, надувъ его посредствомъ дудки воздухомъ, снова вкладываютъ въ брюхо акулы для того, чтобы трупъ акулы не затонулъ и не достался въ пищу другимъ акуламъ, а свободно плавалъ-бы на поверхности моря. Такимъ образомъ, промышленники пользуются только печенью акулы, изъ которой вытапливаютъ акулье сало, очень цѣнное заграницей.

При наступленіи прилива или отлива «лайно» поднимается со дна моря на поверхность, и, конечно, вмѣстѣ съ нимъ поднимаются и акулы. Такимъ образомъ шняка оказывается какъ-бы въ центрѣ стаи акулъ, окружающихъ ее. На языкѣ поморовъ это называется «оплывъ». Кстати сказать, оплывъ этотъ иногда бываетъ настолько большой, что промышленники бросаютъ ловъ, боясь, чтобы акулы не изломали зубами судна. Иногда нападаютъ въ лайно огромныя акулы до 5 и 6 саж. длиной (*selache maxima*), и ихъ уже не ловятъ крюкомъ, а бьютъ острогой, но наши промышленники обыкновенно этого не дѣлаютъ изъ боязни. Лѣтомъ, по свидѣтельству проф. Данилевскаго, во время свѣтлыхъ полярныхъ ночей, акулы держатся далеко отъ береговъ на большой глубинѣ, и на промыселъ ихъ отправляются уже не на шнякахъ, а на судахъ гораздо большаго размѣра, напр., на шлюпахъ или, какъ это дѣлаютъ въ Норвегіи, на ёлахъ, только нѣсколько большаго размѣра. Осенью, въ темныя ночи акулы приближаются къ берегамъ, и тогда ихъ гораздо легче ловить. Между прочимъ, въ Кольской губѣ ихъ ловятъ зимою, прямо со льда, но это бываетъ въ самыя холодныя зимы, когда губа замерзаетъ на большое пространство.

Промыселъ акулъ чрезвычайно выгоденъ—по словамъ нѣкоторыхъ изслѣдователей сѣвера, онъ приноситъ даже двойную выгоду, во-первыхъ, благодаря цѣнности добываемаго изъ акулей воюксы

сала и, во-вторыхъ, благодаря тому, что убивая акулъ, промышленники убиваютъ одного изъ самыхъ своихъ ожесточенныхъ враговъ, пожирающихъ пойманную рыбу прямо со снасти и производящихъ, кромѣ того, громадное опустошеніе среди рыбъ, населяющихъ наши воды. Конечно, убыль рыбы, производимая акулами въ безчисленныхъ стаяхъ трески, слишкомъ ничтожна, чтобы о ней стоило говорить, но опустошенія, производимыя акулами среди стай семги и др. цѣнныхъ рыбъ, идущихъ къ нашимъ берегамъ метать икру, очень замѣтны.

Между тѣмъ, акулій промыселъ, какъ мы уже отмѣчали, производится въ незначительныхъ размѣрахъ, по крайней мѣрѣ на Мурманѣ, ибо на Финмаркенскомъ берегу смотрятъ на акулій промыселъ совсѣмъ иначе, чѣмъ русскіе промышленники, которые, напуганные неудачами первыхъ опытовъ и относительной опасностью самаго промысла, даже водрузили на берегу Екатерининской гавани Кольской губы крестъ съ надписью: «нѣтъ счастья и благословенія тому изъ дѣтей, кто отважится на ловлю акулъ...» Норвежцы въ доброе старое время, когда русскія власти не обращали особеннаго вниманія на хозяйничанье ихъ въ русскихъ водахъ, по словамъ г. Комповскаго, командированнаго въ 60-хъ годахъ на сѣверъ для изслѣдованія нашихъ морскихъ звѣриныхъ промысловъ, били вдоль Мурманскаго побережья акулъ массаами.... Онъ приводитъ такой фактъ. «Пять человѣкъ норвежцевъ въ продолженіи 10 дней получили 10.000 пудовъ акуляго жира, стоящаго, по меньшей мѣрѣ, на мѣстѣ 15.000 рублей!...»

Результаты промысла, т. е. треска, пикшуй, камбала и т. д., главнымъ образомъ, конечно, треска—съ незапамятныхъ временъ готовятся по одному и тому-же образцу. По крайней мѣрѣ, самые древніе литературные источники, относящіеся къ началу 18 и концу 17 вѣка, указываютъ на то, что главный предметъ промысла—треска—приготавлилась совершенно такъ-же, какъ и въ настоящее время. Традиціонный же способъ ея приготовленія заключается въ слѣдующемъ.

Немедленно по прибытіи съ уловомъ на берегъ, промышленники приступаютъ къ «раздѣлкѣ» рыбы, т. е. отрубаютъ ей голову, разрѣзаютъ ее по спинѣ съ такимъ расчетомъ, чтобы позвоночникъ

оставался на одной половинѣ, затѣмъ распарываютъ рыбѣ брюхо, вынимаютъ внутренности и промываютъ ее. Всѣ эти операціи продѣлываются со строгимъ раздѣленіемъ труда. Такъ, *тягаль* отрубаютъ голову, *кормицки* распластываетъ рыбу и вынимаетъ внутренности, *наживодчик* выбираетъ изъ внутренностей маюксу, или максу, какъ называютъ промышленники рыбу печень, и складываютъ эту маюксу въ особыя кадки, а *весельщик* сноситъ рыбу въ амбаръ для соленія. Рыбу, предназначенную для соленія, кладутъ въ амбарахъ рядами, пересыпаютъ эти ряды солью, и вся операція приготовленія трески можетъ считаться законченной. Такимъ образомъ готовится большая часть вылавливаемой на Мурманѣ трески....

Мы описали сейчасъ, такъ сказать классическій, способъ ея приготовленія, но она не всегда такъ готовится, въ соотвѣтствіи съ временемъ лова мѣняется и способъ приготовленія ея. Промыслы по времени ихъ производства дѣлятся на весенній, лѣтній и осенній. Въ періодъ весенней ловли, т. е. въ Апрѣлѣ и Маѣ мѣсяцахъ, промышленники почти совсѣмъ не солятъ трески и всю почти массу ея продаютъ въ свѣжемъ видѣ въ Петербургъ. Специально за треской весенняго улова на Мурманскій берегъ приходятъ суда; на этихъ судахъ, число которыхъ, кстати сказать, временами доходитъ до 15 и 20, привозилась ранѣе обыкновенно соль изъ-за-границы и другіе товары, большею частію предметы первой необходимости. Въ настоящее время привозъ заграничной соли замѣтно уменьшился, благодаря устройству складовъ казенной соли въ нѣкоторыхъ пунктахъ побережья, и на судахъ, приходящихъ за весеннимъ уловомъ, привозятся самые разнообразные товары, включительно до спиртныхъ напитковъ и притомъ въ громадномъ количествѣ. Суда, отвозящія свѣжую треску въ Петербургъ, большею частью принадлежатъ фактористамъ и богатымъ купцамъ Кемскаго уѣзда. Прибытіе этихъ судовъ—настоящій праздникъ для промышленниковъ, ибо съ этого момента начинаютъ выясняться цѣны на треску, а вмѣстѣ съ этимъ и доля каждого промышленника въ общемъ уловѣ. Обыкновенно по прибытіи корабля всѣ сколько-нибудь знакомые капитану судна промышленники отправляются къ нему на обѣдъ, «на привальное», какъ говорятъ поморы, и во все пребываніе судовъ у берега, время отъ времени капитаны ихъ устраиваютъ для промышленниковъ угощеніе съ порядочной вы-

ливкой (норвежскій ромъ очень низкаго качества составляетъ главную приманку этихъ пирушекъ). Вообще въ это время дикій и непривѣтливый Мурманскій берегъ представляетъ очень оживленную картину, но нельзя сказать, чтобы это оживленіе относилось къ самому промыслу; наоборотъ—крѣпкій норвежскій ромъ нерѣдко содѣйствуетъ продленію, иногда вынужденныхъ дурной погодой, перерывовъ въ промыслѣ и невольнаго отдыха.

Какъ интересную подробность при продажѣ весенняго улова, слѣдуетъ отмѣтить издавна практикуемый поморами способъ сдачи рыбы на корабли. Дѣло въ томъ, что сдаютъ ее вѣсомъ, причемъ теряютъ не менѣе 10 пуд. на 100 пуд., благодаря способу взвѣшиванія. Рыба взвѣшивается на особомъ балансѣ, на которомъ за одинъ разъ взвѣшивается не болѣе 2 пудовъ; взвѣшивая 45 разъ 100 пудовъ, промышленникъ теряетъ каждый разъ по нѣскольку фунтовъ такъ назыв. «поката», такъ какъ треску никакъ нельзя взвѣсить безошибочно точно, т. е. ровно 2 пуда, а всегда приходится вѣшать нѣсколькими фунтами болѣе. Несмотря на явную невыгодность употребленія такого баланса, промышленники не хотятъ мѣнять его на другой, теряя, кромѣ рыбы, еще въ нѣсколько разъ болѣе, чѣмъ надо времени на взвѣшиваніе ея.

Сдаваемая на корабли рыба бываетъ очищена, т. е. безъ головы и внутренностей; по приѣмкѣ рыбы экипажъ корабля спускаетъ ее въ трюмъ, укладывая правильными рядами—*ярусам* или *чердаками*, какъ говорятъ поморы. На каждые 100 пуд. уложенной рыбы высыпается отъ 20 до 25 пудовъ соли, и въ такомъ видѣ треска идетъ въ Петербургъ, гдѣ на рынкахъ продается подъ названіемъ «односольной».

Часть трески весенняго улова, хотя сравнительно и небольшая, однако не идетъ непосредственно въ Петербургъ, а готовится на мѣстѣ въ трехъ видахъ—*лабардана*, *рунтовики* и *рошкерки*. Всѣ эти сорта трески въ сущности представляютъ одно и то-же, т. е. вяленую и сушеную треску, но только приготовленную различными способами, и потому не одинаковаго качества.

Лабардана готовится очень мало на Мурманскомъ берегу, потому что онъ требуетъ болѣе тщательной «раздѣлки» рыбы. У трески отрѣзывается сначала голова, вынимаются внутренности и затѣмъ дѣлается второй разрѣзъ вдоль позвоночнаго столба до

самого хвоста. Позвоночникъ вынимается весь, рыбу тщательно промываютъ и, посоливши немного, раскладываютъ сушить на камняхъ; на ночь, приготовляемую такимъ образомъ, рыбу никогда не оставляютъ и собираютъ небольшими кучками, а утромъ опять разстилаютъ на камняхъ. Когда рыба окончательно провялится, ее прессуютъ довольно примитивнымъ способомъ посредствомъ бревенъ и камней и, наконецъ, связавъ особаго вида бунтами, укладываютъ на суда для отправки исключительно за границу, преимущественно въ Испанію.

Другіе два вида вяленой трески готовятся почти такъ же, съ тою только разницею, что для приготовления рунтовки двѣ трески связываются вмѣстѣ хвостами и въ такомъ видѣ сушатся на особыхъ жердяхъ, называемыхъ палтухами. Жерди эти утверждены на особыхъ подставкахъ рядами; на каждой жерди вѣшается до 120 рыбъ. *Рошкерка* готовится такъ же, какъ и рунтовка, но у нея вынимается часть позвоночника, и дѣлается разрѣзъ у хвоста распластанной рыбы для того, чтобы надѣть ее для просушки на палтухъ. Какъ рошкерка, такъ и рунтовка, представляя собою продукты болѣе совершенные и требующіе для производства большой затраты времени и средствъ, готовятся на Мурманѣ въ небольшомъ количествѣ—большая же часть вылавливаемой на Мурманѣ рыбы, какъ мы уже сказали выше, заготавливается въ соленомъ видѣ. Въ этомъ отношеніи Мурманскій промыселъ представляетъ прямую противоположность тому, что мы видимъ на берегу Финмаркена. Не говоря уже о томъ, что лабардана тамъ заготавливаютъ гораздо большее количество, чѣмъ у насъ, рошкерка и рунтовка составляютъ тамъ обычный продуктъ промысла, благодаря чему норвежская рыба находитъ себѣ болѣе широкій сбытъ не только на европейскихъ рынкахъ, но даже въ Бразиліи и на Антильскихъ островахъ.

Лѣто на Мурманѣ не настолько тепло, чтобы можно было сушить треску лѣтняго улова, особенно крупную, и потому, если позволяетъ погода, то сушатъ исключительно мелкую треску и то только до половины Іюля, а крупную исключительно солятъ. Сушеная треска къ тому же еще, хотя прессуется и примитивнымъ способомъ, болѣе удобна для дальней перевозки, и потому она идетъ изъ Архангельска сухимъ путемъ въ губерніи Олонецкую, Вологодскую, отчасти Новгородскую. Вят-

скую и Пермскую и въ довольно значительномъ количествѣ въ Петербургъ. Почти вся соленая треска расходуется въ Архангельской губерніи.

Побочный продуктъ при обработкѣ трески—тресковые головы—частію бросаются, какъ совершенно негодная вещь, отчасти собираются промышленниками, представляя ихъ личную собственность (весь уловъ рыбы—собственность артели). Собранныя головы сушатся и складываются большими кучами, а затѣмъ, осенью возутся въ Архангельскъ, гдѣ онѣ покупаются для Никольской ярмарки въ Пинегу. Населеніе Пинежскаго уѣзда, очень бѣдное и не въ состояніи покупать соленую треску, довольствуется поэтому гораздо болѣе дешевымъ продуктомъ—сушеными тресковыми головами. Другого употребленія изъ тресковыхъ головъ не дѣлаютъ у насъ или дѣлаютъ, но въ очень малыхъ размѣрахъ, а внутренности рыбы даже просто выбрасываются и гниютъ, заражая воздухъ. Этихъ внутренностей въ каждомъ становищѣ выбрасывается громадное количество, и несомнѣнно, эти гниющія груды были-бы источникомъ всевозможныхъ заразныхъ заболѣваній, если бы не уничтожались чайками, которыхъ за это промышленники называютъ «полицейскими надзирателями». Между тѣмъ, въ Норвегіи и на Лофоденскихъ островахъ головы и внутренности рыбы сушатъ, а потомъ перемалываютъ на специально приспособленныхъ мельницахъ въ порошокъ, который подъ названіемъ «искусственнаго гуано» служитъ превосходнымъ удобреніемъ и находитъ себѣ широкій сбытъ въ Германіи, въ особенности въ Саксоніи.

Печень трески (и другихъ рыбъ) отдѣляется для вытапливанія изъ нея жира. Самый высшій сортъ жира получается изъ печени, оставленной въ кадкахъ подъ непосредственнымъ дѣйствіемъ солнца. Сортъ этотъ подъ названіемъ *самотека* цѣнится гораздо дороже другихъ. Когда *самотека* отдѣлилась, печень складываютъ въ котлы и, не приливая въ нихъ воды, разводятъ подъ ними огонь. При этой операціи выделяется весь жиръ, заключающійся въ печени, и на днѣ котла остается подгорѣлая масса самой ткани печени, которая подъ названіемъ *шквары* иногда продается въ Норвегіи, гдѣ ее употребляютъ для удобренія полей, но въ громадномъ большинствѣ случаевъ она просто бросается, какъ негодная никуда вещь, какъ выбрасываются вообще все остатки рыбнаго промысла на Мурманѣ.

Остается еще сказать нѣсколько словъ о приготовленіи такихъ побочныхъ продуктовъ промысла, какъ тресковые языки и «тресковая вязига». Языки трески солятся въ бочкахъ, а тресковая вязига, или, вѣрнѣе, плавательный пузырь трески прилѣпляется на дощечкахъ и, высушенный такимъ образомъ, употребляется исключительно самими промышленниками и въ продажу не поступаетъ (за рѣдкими исключеніями). При приготовленіи тресковыхъ языковъ и вязиги, промышленники обыкновенно употребляютъ хозяйскую соль, и потому одну треть ихъ отдаютъ въ пользу хозяина.

Съ 1-го Іюня большинство промышленниковъ, сосредоточившихся преимущественно на западномъ берегу Мурмана, гдѣ весенній ловъ бываетъ особенно обильнымъ, перекочевываютъ на восточный берегъ. Въ это-же время съѣзжаются и большинство хозяевъ (часть ихъ приходитъ вмѣстѣ съ промышленниками на весенній ловъ, къ 1-му Марта). Пріѣздъ хозяевъ прерываетъ на нѣкоторое время работу промышленниковъ—хозяева угощаютъ ихъ обѣдомъ и ромомъ («привальное») и затѣмъ, по свозкѣ на судно хозяина посоленной до его пріѣзда трески, снова слѣдуетъ угощеніе («отвальное») и отъѣздъ хозяевъ. Сложенная на суднѣ, «односольная» треска солится во второй разъ и потому называется «двоесольной». По отъѣздѣ хозяевъ жизнь промышленниковъ снова входитъ въ обычную колею, и начинается прежняя мурманская страда.....

Мурманскіе промыслы среди другихъ промысловъ нашихъ сѣверныхъ побережій занимаютъ свое оригинальное мѣсто. Если по берегамъ, напр., Бѣлаго моря, каждая порода ловимыхъ рыбъ, каждый видъ промысляемыхъ звѣрей составляютъ предметъ совершенно отдѣльнаго промысла, то на Мурманѣ всѣ породы рыбъ добываются одними и тѣми-же орудіями, въ одно и то-же время и одними и тѣми-же промышленниками. Въ довершеніе всего даже способы приготовленія и пути сбыта продуктовъ Мурманскихъ промысловъ въ сущности совершенно одинаковы, и потому, описавъ главный изъ Мурманскихъ промысловъ—промыселъ трески, мы дѣлаемъ излишнимъ детальныя описанія другихъ промысловъ, кромѣ такихъ оригинальныхъ, какъ акулій промыселъ и промыселъ сайды, требующіе и другихъ орудій, и другихъ способовъ лова.

Существенное отличіе различныхъ видовъ мурманскаго промысла заключается только въ экономической ихъ организаціи, какъ напр., въ устройствѣ артелей, дѣлежѣ добычи и т. п. т. е. въ зависимости отъ того, кто именно занимается тѣмъ или другимъ промысломъ: промышленники-ли, временно приходящіе изъ Онежскаго, Кемскаго и Архангельскаго уѣздовъ, или мѣстные колонисты, число которыхъ въ настоящее время, хотя абсолютно и не велико (около 1500 чел.), однако по отношенію къ числу промышленниковъ, временно занимающихся промысломъ, довольно значительно, или, наконецъ, обыватели Колы и тѣ немногіе изъ русскихъ лопарей, которые въ небольшомъ числѣ занимаются промысломъ на Мурманскомъ берегу.

На экономической организаціи мурманскихъ промысловъ, какъ представляющей самый серьезный интересъ всего нашего труда, мы и остановимъ въ настоящую минуту свое вниманіе. Все, до сихъ поръ сказанное о Мурманѣ и его промыслахъ, имѣетъ только служебное значеніе и даетъ только матеріалъ для лучшаго и полнаго уразумѣнія тѣхъ чрезвычайно оригинальныхъ экономическихъ положеній, какія создались и создаются въ настоящее время на Мурманѣ подъ различными вліяніями, въ свою очередь представляющими чрезвычайно пеструю картину, въ которой въ калейдоскопическомъ безпорядкѣ смѣшались и «административныя воздѣйствія» и «мѣропріятія», и чисто естественныя условія, въ какихъ протекаетъ самый промыселъ, и, наконецъ, постороннія, чуждыя вліянія болѣе культурныхъ нашихъ сосѣдей и т. д.

Невозможно, конечно, безъ самаго точнаго детальнаго и вполне научно поставленнаго статистико-экономическаго изслѣдованія прослѣдить всѣ эти перекрещивающіяся вліянія—по-неволѣ главное свое вниманіе намъ придется сосредоточить на основныхъ экономическихъ формахъ и отношеніяхъ, беря ихъ въ большинствѣ случаевъ такими, какими онѣ создались подъ упомянутыми вліяніями, т. е. изображая положеніе вещей *статически*, а не *динамически*, въ ихъ послѣдовательномъ развитіи. Такое отношеніе къ предмету дѣлается уже по одному тому необходимымъ, что до сихъ поръ во всей, въ сущности очень большой литературѣ нашихъ сѣверныхъ промысловъ, нѣтъ ни одного сколько-нибудь подробнаго историко-экономическаго ихъ изслѣдованія. Впрочемъ, тамъ, гдѣ это будетъ можно, мы

постараемся отмѣтить наиболѣе существенные моменты и въ смыслѣ перехода однѣхъ экономическихъ формъ въ другія, и измѣненія, совершающіяся болѣе глубоко, въ нѣдрахъ народно-хозяйственной жизни вообще всего сѣвера Россіи, многочисленные признаки чего бросаются въ глаза даже при самомъ поверхностномъ наблюденіи этой жизни.

Организація промыслового труда и экономическая сторона промысловой дѣятельности.

Основная и въ этомъ смыслѣ типическая форма экономической организаціи мурманскихъ промысловъ—это *артель*, но артель чрезвычайно своеобразная и, какъ кажется, стоящая особнякомъ отъ другихъ формъ артелей. А. Ефименко въ своемъ «Сборникѣ матеріаловъ объ артеляхъ въ Россіи», характеризуя эту артель, замѣчаетъ, что «особенность ея та, что капиталъ, необходимый для веденія дѣла, и на первомъ планѣ орудія производства принадлежатъ *одному лицу*, которое можетъ участвовать или не участвовать въ артели личнымъ трудомъ; остальные члены артели ничего въ нее не вносятъ, кромѣ своей рабочей силы....»

Другими словами, эта артель, не заключая въ себѣ ни одного почти характернаго признака настоящей артели, носитъ чисто капиталистическій характеръ.

Эта господствующая на Мурманѣ форма экономическихъ отношеній, по крайней мѣрѣ у промышленниковъ, временно приходящихъ за промысломъ на Мурманъ, и есть та знаменитая система «*покрута*», о которой такъ много писалось, и которая до сихъ поръ еще имѣетъ своихъ сторонниковъ и ожесточенныхъ враговъ, не прекращающихъ спора о ея достоинствахъ и недостаткахъ.

Сущность покрута, кстати сказать, нагляднаго себѣ аналога и защитника въ лицѣ такого добросовѣстнаго и серьезнаго изслѣдователя, какъ проф. Данилевскій, давшаго и самое подробное и цѣльное его описаніе, заключается въ томъ, что каждый изъ членовъ промысловой артели получаетъ опредѣленную долю изъ общаго улова—*пай*, при чемъ доля хозяина артели, принимающаго на себя всѣ издержки производства, «гораздо значительнѣе» доли прочихъ, по словамъ Данилевскаго.... Въ дѣйствительности эта доля составляетъ $\frac{2}{3}$ всего улова, и только послѣдняя треть дѣлится въ извѣстной пропорціи на пай между остальными членами товарищества.

«Еще съ осени или въ началѣ зимы,—такъ описываетъ Давилевскій образованіе артелей на началахъ покрута,—начинаютъ покрученники рядиться съ хозяевами, обыкновенно съ тѣми-же, съ которыми промышляли въ прошломъ году. Порядившись, забираютъ порядочную сумму въ задатокъ, необходимую имъ какъ для разныхъ поправокъ въ домѣ, такъ и для содержанія себя и своихъ семействъ. Каждый хозяинъ держится своего становища, гдѣ у него все рыболовное заведеніе, и направляетъ туда свой народъ. Въ началѣ и половинѣ Марта отправляются покрученники въ путь. Передъ выходомъ изъ деревни хозяинъ всегда дѣлаетъ имъ угощеніе и даритъ сукна на *авачуи* (рукавицы, въ которыхъ тянутъ ярусъ), кормицику и тяглецу на двѣ пары, весельщику на одну....»

Путь промышленниковъ до мѣста назначенія, т. е. до своихъ становищъ, мы уже описывали и потому не будемъ къ нему возвращаться. Добавимъ только, что съ Кандалакши путь промышленниковъ раздѣляется—одни идутъ на западный Мурманъ черезъ Колу (такихъ большинство, ибо весенній ловъ гораздо богаче и раньше начинается, чѣмъ на восточномъ берегу), другіе—на Разъ-Наволокъ и оттуда на восточный Мурманъ. Съ Разъ-Наволока путь оплачивается уже хозяевами, и тутъ промышленники ѣдутъ на оленяхъ болѣе ста верстъ черезъ пустынную тундру. Та часть промышленниковъ, которая направляется въ Колу, ранѣе плыла къ становищамъ на шнякахъ, перетаскивая ихъ черезъ Кольскую губу по льду или кладя шняки на полозья, или даже идя по льду при попутномъ вѣтрѣ на парусахъ; въ настоящее время промышленники изъ Колы развозятся по становищамъ на пароходѣ за счетъ хозяевъ. Все время въ пути и во время промысла покрученники находятся на полномъ содержаніи хозяевъ. Эти покрученники работаютъ на хозяйской шнякѣ, хозяйскими снастями, за потерю которыхъ въ морѣ не отвѣчаютъ, и имѣютъ помѣщеніе въ становищѣ отъ хозяина-же. Весь уловъ при такой организаціи промысла сдается по вѣсу хозяину, который по окончаніи промысла выплачиваетъ артели $\frac{1}{3}$ стоимости этого улова, прибавляя кормицику такъ назыв. «полову», т. е. полъ пая, и довольно часто еще такъ назыв. «свершонокъ», величина котораго зависитъ отъ успѣшности промысла и колеблется въ предѣлахъ отъ 10 до 70—80 руб., достигая указаннаго maximum'a лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ.

Тѣ задатки товаромъ или деньгами, которые хозяинъ выдаетъ покрученникамъ при совершеніи условія (иногда достигающіе до 90—100 руб. на человѣка), хозяинъ при расчетѣ вычитаетъ. Такіе большіе задатки имѣютъ мѣсто, впрочемъ, только при покрутѣ на весенній промыселъ; «лѣтники»-же, т. е. промышленяющіе лѣтомъ, получаютъ отъ хозяевъ гораздо меньшій задатокъ.

На началахъ покрута на Мурманскомъ побережьи, какъ свидѣлствуетъ Книповичъ, произведеній довольно точное статистическое обследованіе мурманскихъ промысловъ въ 93 и 94 г.г., промышленеть около $\frac{1}{3}$ всѣхъ промысловыхъ судовъ. Другими словами, организація мурманскихъ промысловъ на $\frac{1}{3}$ основана на чисто почти капиталистическихъ началахъ, или, какъ называетъ Сазоновъ систему покрута, на основаніяхъ «кулацкой артели...» Дѣйствительно, организуетъ артель хозяинъ—предприниматель, онъ подбираетъ по своему усмотрѣнію членовъ ея... другими словами, на долю артельного начала остается только самый способъ ловли и до нѣкоторой степени характеръ распредѣленія общаго заработка. Сазоновъ-же указываетъ на характерныя свойства артели на началахъ покрута, заключающіяся въ томъ, что «сфера ея дѣйствія тамъ, гдѣ требуется болѣе значительный капиталъ въ видѣ кредита труду, рыболовныхъ снастей и продуктовъ продовольствія. Базисъ ея—обездоленный рабочій, оторванный отъ орудій производства, доведенный невыгодными экономическими и общественными условіями до полной кабалы капиталисту—кулаку....»

Одной изъ коренныхъ причинъ, вызвавшихъ къ жизни систему покрута, многіе авторы считаютъ крупный размѣръ предварительныхъ затратъ для производства промысла, что становится вполне понятнымъ, если принять во вниманіе то обстоятельство, что громадное большинство промышленниковъ идетъ промышленять на Мурманъ издалека; исключеніемъ отчасти служатъ промышленники, живущіе въ г. Колѣ, да колонисты, постоянные обитатели побережья.

Въ зависимости отъ того, изъ какихъ элементовъ составляются артели на началахъ покрута, какъ мы указывали выше, измѣняется и типъ артели. Такъ, различаютъ два вида ея—*поморскій* и *кольскій*. Въ поморской артели валовой доходъ судна распредѣляется такъ, какъ мы уже говорили выше; въ кольскойже-

работіе—промышленники получают не $\frac{1}{3}$, а половину улова, которая и дѣлится между четырьмя рабочими (одного изъ нихъ иногда замѣняютъ 2 женщины или 2 мальчика-подростка—*зуйки*, какъ ихъ здѣсь называютъ). Такимъ образомъ, въ кольскомъ покрутѣ кормицки не получаетъ «половы» и «свершонка» отъ хозяина, а всѣ 4 рабочихъ получаютъ $\frac{1}{2}$ стоимости улова, а не $\frac{1}{3}$, какъ въ поморской артели. Кстати сказать, артелей поморскаго типа несравненно больше, и потому, говоря выше вообще о покрутѣ, мы привели порядокъ распредѣленія общаго заработка именно поморскій, какъ характерный и типичный для Мурманскаго берега.

По мнѣнію новѣйшихъ изслѣдователей мурманскихъ промысловъ, какъ, напр., приватъ-доцента Книповича, затѣмъ извѣстнаго знатока промысловой жизни сѣвера Таратина и А. Энгельгардта, архангельскаго губернатора, промыслы на Мурманѣ переживаютъ переходное состояніе. Одинъ изъ указанныхъ изслѣдователей, именно, г. Книповичъ, особенно рѣзко указываетъ на тотъ фактъ, что старая форма промысловой организаціи начинаетъ колебаться. Крупные промышленники, по его наблюденіямъ, относящимся къ 93 и 94 г.г., не находятъ для себя выгоднымъ продолжать веденіе промысла по системѣ покрута и по большей части становятся скупщиками рыбы, предоставляя покрутъ болѣе мелкимъ хозяевамъ или даже *самостоятельнымъ ловцамъ*. «Тѣ изъ скупщиковъ,—говоритъ Книповичъ въ своемъ послѣднемъ отчетѣ,—которые продолжаютъ еще снаряжать суда на промыселъ, по большей части ограничиваютъ ихъ число, и лишь весьма немногіе изъ нихъ продолжаютъ вести дѣло на началахъ покрута въ прежнихъ размѣрахъ. Значительное число лодокъ съ покрутчиками снаряжаютъ теперь лишь немногіе хозяева, покрутъ мельчаетъ, и большинство снаряжаетъ лишь по 1, 2, 3 судна. Въ то-же время все болѣе и болѣе усиливается самостоятельный промыселъ мелкихъ ловцовъ (преимущественно на карбасахъ)...» «Эта форма промысла—прибавляетъ Книповичъ,—не составляетъ новости; самостоятельныя артели для промысла существовали давно, но въ послѣдніе годы замѣчается значительный ростъ этой формы промысла. несмотря на неблагоприятныя внѣшнія условія...»

Другими словами, если ближайшее будущее покажетъ сколько-нибудь замѣтное увеличеніе числа самостоятельныхъ артелей, то мы

очевидно имѣемъ дѣло съ органическимъ явленіемъ, обусловливаемымъ причинами коренного свойства и кроющимся глубоко въ самыхъ коренныхъ условіяхъ существованія промысловъ. Обращаясь къ исторіи промысловъ на Мурманѣ, мы видимъ, что съ самой глубокой древности и почти вплоть до конца 17-го вѣка на Мурманѣ преобладала форма совершенно самостоятельной, «ловецкой» артели, составлявшейся изъ лицъ, на свой страхъ и рискъ начинавшихъ промыселъ, съ равнымъ правомъ каждого участника на равную долю въ общемъ продуктѣ. Слѣдующее затѣмъ цѣлое столѣтіе монополистической организаціи всѣхъ вообще промысловъ на Мурманѣ не осталось безъ вліянія на экономическія отношенія промышленниковъ: въ массѣ ихъ выдѣлилась группа лицъ болѣе зажиточныхъ, т. е. стоявшихъ въ болѣе благопріятныхъ къ монопольнымъ собственникамъ условіяхъ, лицъ, а параллельно создавались толпы промышленниковъ, все болѣе и болѣе разобщавшихся съ орудіями производства. Коренная нужда всего сѣвера, т. е. недостатокъ свободныхъ земель, годныхъ для воздѣлыванія ихъ, съ каждымъ десятилѣтіемъ все сильнѣе давалъ себя чувствовать населенію сѣверо-западныхъ и сѣверныхъ уѣздовъ Архангельской губерніи. Реформа 60-хъ годовъ, совершенно уничтожившая прежній захватный способъ пользованія землями и ограничившая право расчистокъ лѣса, увеличила категорію лицъ, не имѣвшихъ возможности существовать исключительно отъ земледѣлія и создала, такимъ образомъ, контингентъ лицъ, для которыхъ рыболовный промыселъ сталъ почти единственнымъ средствомъ существованія. Между тѣмъ, общее обѣднѣніе народнаго хозяйства не давало уже возможности промышленнику производить промыселъ за свой счетъ, да и техническая сторона промысла, вслѣдствіе замѣны стариннаго удобнаго способа яруснымъ, хотя и стала совершеннѣе, но въ то же время требовала болѣе крупныхъ затратъ, ставшихъ не подъ силу среднему промышленнику.

На этой почвѣ выросъ, безъ сомнѣнія, покрутъ, который нѣкоторые изслѣдователи нашей народной жизни на сѣверѣ, имѣя возможность близко ознакомиться съ его развращающимъ вліяніемъ, сравниваютъ со ссудными кассами, разоряющими бѣдное населеніе, съ тою только разницею, что въ ссудной кассѣ закладывается вещь, а при покрутѣ живой человекъ, вслѣдствіе его бѣдности и неразвитости.... Дѣйствительно артельная форма покрута

прикрываетъ только снаружѣ по-истинѣ возмутительную эксплуатацію рабочаго кулакомъ-хозяиномъ. Такъ, номинально покрученники имѣютъ право продать свою долю въ общемъ уловѣ кому-угодно, но фактически обязаны это сдѣлать только хозяину. Когда изъ вырученной суммы хозяинъ вычтетъ задатокъ и многообразныя долги, которые накаплиются на шеѣ рабочаго, то оказывается, что рабочему ничего или почти ничего не приходится на руки, такъ какъ рыба его оцѣнивается по возможно низкой цѣнѣ, а забранное имъ по возможно высокой. Результатомъ подобной «операциі» бываетъ то, что рабочій, очутившись безъ денегъ, безъ кредита, *volens-nolens* для прокормленія себя и своей семьи въ теченіе наступающей зимы долженъ опять брать въ долгъ у хозяина—другими словами, затягивать петлю безысходной кабалы все туже и туже.

Выше мы уже указали на то, что покрутъ падаетъ, хотя, прибавимъ, болѣе или менѣе точно опредѣлить размѣры или, вѣрнѣе, прогрессію этого упадка въ настоящее время едва-ли возможно за отсутствіемъ систематическихъ и періодически-повторяющихся статистическихъ изслѣдованій мурманскихъ промысловъ. Однако, очень многія лица, хорошо знакомыя съ положеніемъ дѣлъ на Мурманѣ, единогласно констатируютъ фактъ паденія покрута, несмотря на довольно высокія цифры прибылей хозяевъ покрута. Нѣкоторые изъ этихъ хозяевъ въ настоящее время даже перестали совсѣмъ снаряжать промысловыя суда и занялись исключительно скупкой рыбы. Причинъ паденія и мельчанія покрута, конечно, не одна, но перечислить всѣ ихъ нѣтъ возможности, благодаря тому, что самое это явленіе слишкомъ еще ново и не успѣло опредѣлиться. Изъ новѣйшихъ изслѣдователей Мурмана одинъ только Клиповичъ указываетъ на причины паденія покрута. Причины эти онъ видитъ въ томъ, что хозяева покрута, «поставивъ рабочаго въ тяжелое и—главное—почти безвыходное положеніе, пользуясь этимъ положеніемъ и вытекающей изъ него экономической зависимостью для эксплуатаціи рабочихъ, создали тѣ безобразныя экономическія отношенія, которыя, наконецъ, стали тяжело отзываться и на самихъ хозяевахъ. Хозяева обвиняютъ покрученниковъ въ лѣни, недобросовѣстности, нарушеніи условій и т. п., и нельзя сказать, чтобы обвиненія эти въ общемъ были несправедливы. Но вмѣстѣ съ тѣмъ ясно, что на почвѣ покрута съ

его послѣдствіями не могло выработаться ни энергіи и трудолюбія, ни предусмотрительности, ни, наконецъ, честнаго, добросовѣстнаго отношенія къ принятымъ обязательствамъ. Да и сами хозяева меньше всего могли-бы служить образцомъ этихъ добродѣтелей. При оцѣнкѣ значенія покрута не слѣдуетъ также упускать, что эта форма промысловой организаціи не обѣщаетъ какого-либо прогресса въ орудіяхъ и приѣмахъ промысла. Суда, снасти, приемы лова—все это въ сущности не измѣняется.... «Какъ-бы то ни было, продолжаетъ Книповичъ, но покрутъ во всякомъ случаѣ немало способствовалъ пониженію нравственнаго, а также и экономическаго уровня поморскаго населенія и выродился, наконецъ, въ такія формы, что отъ него стремятся отдѣлаться обѣ стороны: и хозяева, и рабочіе....»

Другую причину паденія крупнаго покрута Книповичъ видитъ въ томъ, что большинство хозяевъ ведетъ дѣло въ кредитъ, причемъ кредитъ этотъ обходится имъ крайне дорого и приводитъ ихъ къ такой-же экономической зависимости отъ нѣсколькихъ крупныхъ архангельскихъ фирмъ, въ какой ихъ покрученники находятся по отношенію къ нимъ. Въ виду этого, думаетъ Книповичъ, прибыль, совершенно достаточная для хозяина, ведущаго дѣло на собственный капиталъ или въ кредитъ на не слишкомъ тяжелыхъ условіяхъ, оказывается неудовлетворительной для хозяина—помора, и неудачные промысловые годы, уходъ рабочихъ и т. п. легко влекутъ за собою его банкротство.

Конечно, одними приведенными причинами далеко нельзя объяснить фактъ паденія крупнаго покрута, тѣмъ болѣе, что параллельно наблюдается ростъ мелкихъ самостоятельныхъ артелей. Принимая во вниманіе, что кромѣ крупныхъ хозяевъ покрута на Мурманѣ существуетъ масса мелкихъ, снаряжающихъ всего по одному судну и даже работающихъ на немъ въ качествѣ кормщика, слѣдуетъ думать, что ростъ мелкихъ самостоятельныхъ промысловыхъ артелей вызванъ отнюдь не паденіемъ крупнаго покрута, а существованіемъ какихъ-то специфическихъ причинъ, благоприятствующихъ именно развитію мелкой формы промысла на чисто артельныхъ началахъ, причинъ, однакоже, совершенно невыясненныхъ.

Думать, что правительственная помощь, оказанная самостоятельнымъ артелямъ въ формѣ срочныхъ ссудъ на обзаведеніе про-

мысловымъ инвентаремъ, содѣйствовала развитію этихъ артелей, нельзя, и прежде всего потому, что ссуды эти, какъ это мы покажемъ впоследствии, по многимъ причинамъ не достигли цѣли и произвели только обратный эффектъ. Остается предположить, что въ средѣ экономическихъ отношеній, создавшихся за послѣднее время на Мурманѣ, произошли какія-то крупныя перемѣщенія силъ, до сихъ поръ еще не подмѣченные изслѣдователями народно-хозяйственной жизни сѣвера.

Мелкіе хозяева покрута, снаряжающіе по одному судну и работающіе на немъ зачастую въ качествѣ кормщика, находятся по сравненію съ крупными въ относительно болѣе благопріятныхъ условіяхъ, такъ какъ, кромѣ обычной прибыли, имѣютъ еще долю кормщика; кромѣ того, такіе хозяева выдаютъ покрученникамъ гораздо меньшіе задатки, кредитуются рѣже и на болѣе сносныхъ условіяхъ и т. д., словомъ, стоятъ кажется въ особенно благопріятныхъ условіяхъ для развитія этой экономической формы. Однако, по статистическимъ даннымъ замѣчается, что, хотя число такихъ промысловыхъ единицъ и выросло за послѣдніе годы, однако оно сильно отстаетъ отъ быстрѣе растущаго числа артелей чистаго типа.

Нужно отмѣтить, что въ числѣ обстоятельствъ, благопріятствующихъ развитію мелкой формы покрута, есть и такое, какъ нерѣдко практикующійся хозяевами *наемъ* рабочихъ за довольно низкую цѣну (60—70 и до 100 рублей за лѣто). Число такихъ батраковъ, хотя и меньше числа покрученниковъ, однако абсолютно довольно велико. Несомнѣнно, что наемный рабочій въ среднихъ условіяхъ промысла гораздо выгоднѣе покрученника, и тѣмъ не менѣе ростъ мелкой формы покрута происходитъ очень медленно.

Такой компетентный знатокъ сѣверныхъ промысловъ, какъ Максимовъ, не находитъ другого объясненія факта паденія или замедленія роста покрута, кромѣ того, которое даетъ въ сущности и Книповичъ.

Не входя пока въ дальнѣйшую характеристику различныхъ экономическихъ формъ, господствующихъ въ сферѣ мурманскихъ промысловъ, мы обратимся собственно къ статистической сторонѣ дѣла, т. е. опредѣлимъ самые размѣры различныхъ экономическихъ комбинацій, имѣющихъ мѣсто на Мурманскомъ берегу. Въ этомъ смыслѣ единственно цѣльной является недавняя работа приватъ-

доцента Книповича, первого изслѣдователя мурманскихъ промысловъ, обратившаго серьезное вниманіе на ихъ экономическую сторону. Кромѣ работы Книповича, подъ руками у насъ имѣются многочисленныя оффиціальныя данныя, но о нихъ, къ сожалѣнію, можно сказать, что даже самые элементарно-грубые вопросы, касающіеся существа дѣла, оставляются ими безъ отвѣта, и потому цѣнность ихъ очень относительная. Цифровой матеріалъ, собранный Книповичемъ, по степени достовѣрности весьма различенъ, причемъ самыя нужныя для насъ данныя, относящіяся къ 93 и 94 г.г., наиболѣе достовѣрны—ими мы и воспользуемся, дополняя ихъ оффиціальными данными.

Пока мы не приводимъ абсолютныхъ цифръ, характеризующихъ вообще промыслы, потому что гораздо важнѣе рѣшить вопросъ отношенія другъ къ другу различныхъ категорій промышленниковъ.

Придерживаясь употребляемаго Книповичемъ дѣленія промысловыхъ судовъ на три категоріи, изъ которыхъ въ первую войдутъ *суда хозяевъ, снаряжающихъ на началахъ покрута не менее 2 судовъ*, во вторую—*хозяевъ, снаряжающихъ одно судно*, и въ третью—*суда самостоятельныхъ ловцовъ*—мы увидимъ, что центр тяжести экономической организаціи труда лежитъ въ настоящее время совсѣмъ не тамъ, гдѣ онъ покоился ранѣе, по увѣренію прежнихъ изслѣдователей Мурмана.

Но прежде, чѣмъ приводить иллюстрирующія цифры, сдѣлаемъ еще нѣсколько оговорокъ относительно истиннаго значенія тѣхъ 3 категорій, на которыя мы дѣлимъ промышленниковъ. Дѣло въ томъ, что первая категорія, повидимому, представляющая собою категорію крупныхъ хозяевъ покрута, въ дѣйствительности только *относительно* заключаетъ въ себѣ крупныхъ хозяевъ, такъ какъ большинство ихъ имѣетъ 2—3 судна, и, слѣдоват., скорѣе можетъ назваться мелкой формою покрута. Конечно, и первая, и вторая формы по существу капиталистичны, выходя иногда даже изъ рамокъ чистаго покрута, т. е. включая въ число промышленниковъ и наемныхъ рабочихъ. Третья-же категорія рѣзко отличается отъ двухъ первыхъ. Это дѣйствительно самыя подлинныя артели самостоятельныхъ ловцовъ, хотя, къ сожалѣнію, и здѣсь иногда мы встрѣчаемся съ наймомъ рабочихъ.

Обращаясь теперь къ цифровому матеріалу, мы наблюдаемъ слѣдующую картину (беремъ, какъ это дѣлаетъ и Книповичъ, данныя по каждому становищу отдѣльно, начиная съ самаго западнаго—Ворьемы, находящагося уже на самой границѣ съ Норвегіей).

Становище Ворьема.

Годъ.	Судовъ различныхъ категорій.			Всѣхъ судовъ.
	1 кат.	2 кат.	3 кат.	
1888	41	1	—	42
1889	15	1	—	16
1893	13	1	4	18

Становище Финманское.

1889	13	—	—	13
1893	12	—	—	12

Становище Столбовое.

1889	27	—	—	27
1893	17	—	—	17

Становище Вайда-губа. *)

1888	56	17	—	73
1889	57	15	1	73
1893	80	32	7	119
1894 **)	132	33	25	190

Эти-же самыя данныя, выраженные въ ‰ отношеніяхъ, еще ярче выдѣляютъ основную тенденцію, т. е. паденіе крупнаго покрута и ростъ самостоятельныхъ артелей. Дѣйствительно,

С У Д О В Ъ:

	1-й кат.	2-й кат.	3-й кат.
въ 1888 г. было	76,7‰	23,3‰	—
» 1889 —	78,1‰	20,5‰	1,4‰
» 1893 —	67,2‰	26,9‰	5,9‰
» 1894 —	69,5‰	17,3‰	13,2‰

Обращаемся снова къ абсолютнымъ цифрамъ.

Становище Малонѣмецкое.

1889	—	17	7	24
1893	—	—	7	7

*) Однихъ изъ крупнѣйшихъ промысловыхъ пунктовъ западнаго Мурмана.

**) Данныя за 1894 г. имѣются только для самыхъ крупныхъ становищъ.

Становище Зубовскіе острова.

Годъ.	Судовъ различныхъ категорій.			Всѣхъ судовъ.
	1 кат.	2 кат.	3 кат.	
1888	79	38	—	117
1889	36	7	—	43

Становище Цыпъ-Наволокъ.

1888	19	4	—	23
1889	10	1	—	11
1892	9	7	—	16
1893	—	—	—	—

Становище Китовскіе острова.

1889	4	—	8	12
1893	—	—	7	7

Становище Мотовское.

1893	—	—	3	3
------	---	---	---	---

Становище Мало-Олень.

1889	8	28	12	48
1891	10	19	20	49
1892	10	18	10	38
1893	11	8	22	41

т. е. суда самостоятельныхъ ловцовъ въ этомъ становищѣ въ теченіе

1889 г.	составляли	25 ⁰ / ₀	всѣхъ судовъ.
1891 »	—	40,8 ⁰ / ₀	»
1892 »	—	26 ⁰ / ₀	»
1893 »	—	53,7 ⁰ / ₀	»

Становище Климовка.

1893	—	—	7	7
------	---	---	---	---

Становище Зарубиха

1889	—	—	1	1
1893	—	1	1	2

Становище Териберна.

1889	54	47	26	127
1891	37	45	57	139
1892	35	42	60	137
1893	42	37	49	128
1894	38	30	55	123

Или въ ⁰/₀⁰/₀ отношеніяхъ:

1889	42,5	37,0	20,5
------	------	------	------

1891	26,6	32,4	41,8
1892	25,5	30,7	43,8
1893	32,8	28,9	38,2
1894	30,9	24,4	44,7

Териберка—очень крупный промысловый пунктъ, и потому, конечно, данныя, къ нему относящіяся, особенно интересны. Изъ приведенныхъ данныхъ снова мы видимъ то-же явленіе упадка крупнаго покрута и громаднѣй въ данномъ случаѣ ростъ самостоятельной артели.

Становище Гаврилово.

въ ‰ ‰.

	1 кат.	2 кат.	3 кат.	Всего.	1 кат.	2 кат.	3 кат.
1889	81	55	—	136	59,5	40,5	—
1891	94	44	29	167	56,3	26,3	17,4
1893	108	47	58	193	56,0	24,3	19,7
1894	142	73	60	275	51,6	26,6	21,8

И въ этомъ пунктѣ, очень крупномъ, замѣчаемъ мы то-же явленіе, что и раньше.

Становище Трящино.

1889	21	—	—	21
1891	21	2	3	26
1892	26	1	1	28
1893	32	3	—	35

Становище Щербиниха.

1889	3	1	—	4
1891	3	5	4	12
1892	3	2	1	6
1893	3	—	—	3

Становище Захребное.

1891	—	4	12	16
1892	2	11	5	18
1893	11	4	—	15

Становище Шельпино.

1889	12	10	16	28
1891	6	11	—	17
1892	—	2	12	14
1893	17	9	3	29

Становище Зеленцы.

1891	2	1	2	5
------	---	---	---	---

1892	—	—	—	—
1893	—	7	—	7
	Становище		Порчниха.	
1889	2	2	—	4
1893	—	—	—	—
	Становище		Рында.	
1889	25	9	29	63
1891	37	27	14	78
1892	46	21	17	84
1893	38	9	17	64

Т. е. самостоятельнымъ артелямъ принадлежить около 25% судовъ.

	Становище		Золотое.	
1889	6	10	—	16
1891	15	11	—	26
1892	17	12	2	31
1893	13	9	—	22
	Становище		Харловна.	
1889	14	5	—	19
1891	18	7	1	26
1892	17	11	—	28
1893	23	8	1	32
	Становище		Семь-Острововъ.	
1889	—	5	—	5
1891	—	3	3	6
1892	—	3	5	8
1893	—	1	1	2
	Становище		Шубино.	
1893	—	—	2	2
	Становище		Восточная Лица.	
1889	20	16	—	36
1891	29	22	—	51
1892	23	4	3	30
1893	53	35	—	78

Такимъ образомъ, въ шести главнѣйшихъ промысловыхъ пунктахъ Мурмана замѣчается рѣзко выраженный ростъ самостоятельной формы промысла и лишь въ мелкихъ, незначительныхъ пунктахъ берега, повидимому, всецѣло преобладаетъ покруть. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что списокъ промысловыхъ пунктовъ,

по которымъ мы отмѣчали вышеприведенныя данныя, нѣсколько не полонъ—въ немъ недостаетъ нѣсколькихъ, впрочемъ, совсѣмъ не важныхъ пунктовъ. Во всякомъ случаѣ, безъ большой ошибки можно сказать, что около 20% всѣхъ промысловыхъ судовъ принадлежатъ самостоятельнымъ артелямъ ловцовъ. Этотъ фактъ имѣетъ громадное значеніе для будущихъ судебъ мурманскаго промысла, если, конечно, развитіе въ этомъ направленіи не встрѣтитъ никакихъ особенныхъ препятствій и, наоборотъ, если оно встрѣтитъ поддержку со стороны государства. Впрочемъ, попытка въ этомъ направленіи была сдѣлана въ 1886 году, но послѣдніе 10 лѣтъ показали, насколько вся затѣя была плохо продумана и организована, благодаря чему принесла лишь отрицательные результаты. Ниже мы еще разъ вернемся къ самостоятельнымъ артелямъ и тогда подробнѣе остановимся на этомъ эпизодѣ въ исторіи Мурмана за послѣдніе годы, а пока отмѣтимъ другой фактъ не меньшей важности, а, именно, тотъ, что процентное отношеніе судовъ, на началахъ покрута промышляющихъ, ко всему числу промысловыхъ судовъ, какъ это видно изъ приведенныхъ выше данныхъ, уменьшается и притомъ въ довольно быстрой прогрессіи, т. е., другими словами, очевидно, что *мелкая самостоятельная форма организаціи труда развивается насчетъ крупной, капиталистической...*

Параллельно съ этимъ наблюдается и *мельчаніе* промысла на началахъ покрута—число крупныхъ предпринимателей все уменьшается и уменьшается съ каждымъ годомъ какъ это видно изъ приложений № 1-й и № 2-й. См. въ концѣ книги.

Чтобы ознакомить читателя, хотя до нѣкоторой степени, съ тѣми фактическими данными, на основаніи которыхъ можно судить о покрутѣ, по крайней мѣрѣ съ финансовой стороны дѣла, мы приведемъ здѣсь самыя общія данныя, сюда относящіяся. Но предварительно сдѣлаемъ оговорку относительно мелкой формы покрута, при которой финансовая сторона дѣла нѣсколько осложняется участіемъ въ трудѣ самого хозяина предпріятія. Кромѣ того, мелкіе хозяева зачастую не имѣютъ собственныхъ становъ и потому нанимаютъ помѣщеніе либо у крупныхъ хозяевъ, либо у колонистовъ; затѣмъ не всѣ хозяева засаливаютъ рыбу сами, а большинство изъ нихъ запродастъ сырую рыбу скупщикамъ. Все это заставляетъ брать лишь такія данныя, которыя-бы относились

ко всѣмъ категоріямъ хозяевъ покрута, и только при такомъ условіи мы получимъ болѣе или менѣе вѣрную картину финансовой стороны дѣла.

У единственнаго автора, обратившаго серьезное вниманіе на экономическую организацію промысловъ и сдѣлавшаго попытку детальной разработки относящихся сюда данныхъ, г. Книповича, мы находимъ нѣсколько расчетовъ по даннымъ различныхъ лицъ, хорошо знакомыхъ съ финансовой стороной мурманскихъ промысловъ, записаннымъ имъ со словъ этихъ лицъ. Подробности этихъ расчетовъ, а также собственный расчетъ г. Книповича и многихъ другихъ авторовъ, мы помѣщаемъ въ особой таблицѣ (прилож. № 5-й), здѣсь-же ограничимся только итоговыми цифрами, достаточно ясно, по нашему мнѣнію, рисующими положеніе вещей.

Беремъ первый расчетъ, записанный со словъ хозяина покрученниковъ Кочина.

По этому расчету: 1) первоначальное обзаведеніе, т. е. издержки на снасти, судно и т. д., въ среднемъ выводѣ, равняются *306 руб.*; 2) ежегодный ремонтъ орудій промысла—*95 или 96 руб.*; затѣмъ, 3) ежегодные расходы по содержанію и перевозкѣ рабочихъ—*162 или 163 руб.*; наконецъ, 4) считая задатки рабочимъ въ *60—70 руб.* на человѣка, получимъ на эту статью расходовъ *240—280 руб.* Такимъ образомъ, капиталъ, вложенный въ предпріятіе, долженъ по этому расчету равняться *700—720 руб.*; ежегодный расходъ (т. е. расходъ на содержаніе рабочихъ и ремонтъ орудій промысла) такого хозяина составитъ сумму въ *250—260 рублей.*

По другому расчету, сдѣланному волостнымъ старшиной Байда-Губы, человѣкомъ, занимавшимся самостоятельнымъ ловомъ: 1) первоначальное обзаведеніе достигаетъ въ среднемъ *340 р.*, 2) расходы на ремонтъ—*125 р.*, 3) содержаніе рабочихъ—*115 р.*, 4) при тѣхъ-же задаткахъ рабочимъ, т. е. *240—280 руб.*, увидимъ, что капиталъ на первоначальныя затраты достигаетъ *695—735 р.* Ежегодные расходы будутъ равняться *240 р.*, т. е., другими словами, данныя перваго и втораго расчетовъ почти сходятся.

Третій расчетъ для шняки съ ярусомъ въ 40 тюковъ дѣлать одинъ изъ мелкихъ хозяевъ покрута въ Териберкѣ. По этому расчету: 1) первоначальное обзаведеніе требуетъ *387 р.*, 2) ремонтъ—*137—138 руб.*, 3) содержаніе и перевозка рабочихъ *240 р.*,

4) задатки рабочимъ 240—280 р. Слѣдовательно, первоначальный капиталъ равенъ 730 р.; ежегодные расходы 240 р.

Наконецъ, четвертый расчетъ, сдѣланный урядникомъ становища Териберки, въ общемъ (подробности его мы приведемъ въ таблицѣ приложен. № 5-й) даетъ почти тѣ-же цифры.

Самъ Книповичъ (подробности его расчета мы также приведемъ въ таблицѣ) дѣлаетъ такой расчетъ: 1) первоначальное обзаведеніе, по его расчету, будетъ равняться 312—377 р., въ круглыхъ числахъ 310—380 р., 2) ремонтъ, въ круглыхъ цифрахъ, 95—130 р., 3) содержаніе и перевозка рабочихъ 100—110 р., 4) задатки Книповичъ принимаетъ въ той-же, что и раньше суммѣ. Такимъ образомъ, считая что первоначальный капиталъ долженъ состояться изъ среднихъ расходовъ, т. е. что, средняя величина предвѣрительныхъ расходовъ будетъ 345 руб., содержанія рабочихъ—100 р., ремонта орудій лова—110 р., наконецъ, ежегодныхъ расходовъ—210 р., средняя величина задатковъ 200 р.,—можно опредѣлить средній капиталъ, и съ которымъ возможно начать предпріятіе, равнымъ приблизительно 700 руб. Расчетъ этотъ дѣлался Книповичемъ безъ цифры такъ назыв., «свершонка», получаемого кормщикомъ сверхъ «половы» и сверхъ «пая». Величина свершонка колеблется въ очень большихъ предѣлахъ, смотря по добычливости лова и искусству и репутаціи кормщика. Книповичъ полагаетъ среднюю величину свершонка въ 50 руб. и принимаетъ за основаніе расчета, имѣющаго цѣлью выяснитъ прибыль предпринимателя, пай рабочаго—покрученника. Величина этого пая, конечно, находится въ зависимости отъ успѣшности промысла, но для настоящаго времени средняя его величина можетъ считаться довольно опредѣленной,—такъ, пай въ 40 руб. считается плохимъ, въ 50 р. умѣреннымъ, въ 60—80 руб. среднимъ, въ 90 р. хорошимъ, въ 100 р. и болѣе—очень хорошимъ.

Какъ мы уже видѣли выше, капиталъ, необходимый хозяину покрута, слагается изъ четырехъ элементовъ, величина которыхъ по приведеннымъ расчетамъ опредѣляется сравнительно удобно. Желая, слѣдовательно, опредѣлить величину прибыли предпринимателя, мы должны ввести въ вычисленіе стоимость издержекъ производства и величину валового дохода хозяина. Взявъ теперь за основаніе пай простого рабочаго—покрученника, который по системѣ поморскаго покрута равенъ $\frac{1}{12}$ валового дохода, мы по-

лучимъ довольно любопытную таблицу прибылей хозяевъ покрута при разныхъ условіяхъ промысла, начиная съ плохихъ и кончая самыми благоприятными.

Такимъ образомъ: *)

При паѣ въ	Простой ра-бочій получить	Кормщикъ получить	Хозяинъ получить	Прибыль хозяина	Процентъ на капит.
40 р.	40 р.	110 р.	250 р.	40 р.	5,7 ⁰ / ₀
50 »	50 »	125 »	325 »	115 »	16,4 ⁰ / ₀
60 »	60 »	140 »	410 »	190 »	27,1 ⁰ / ₀
70 »	70 »	155 »	475 »	262 »	37,0 ⁰ / ₀
80 »	80 »	170 »	550 »	340 »	48,5 ⁰ / ₀
90 »	90 »	185 »	635 »	415 »	59,3 ⁰ / ₀
100 »	100 »	300 »	700 »	490 »	70,0 ⁰ / ₀

Слѣдовательно, *въ среднихъ случаяхъ* (при паѣ въ 60, 70 и 80 рублей) *прибыль хозяина будетъ колебаться въ предѣлахъ 27—48⁰/₀ на затраченный капиталъ...* Нельзя сказать, чтобы прибыль хозяина была мала! Однако покругъ падаетъ и, хотя мы уже приводили объясненія этого явленія двумя наиболѣе компетентными знатоками экономической стороны мурманскихъ промысловъ, однако, эти объясненія, все-таки, не выясняютъ дѣла, или выясняютъ только въ незначительной степени. Во всякомъ случаѣ, величина прибыли, выведенная теоретически, настолько велика, что никакой деморализаціей рабочихъ—покругенниковъ нельзя объяснить стремленіе крупнаго покруга мельчать и вообще падать. Правда, чисто теоретическимъ путемъ опредѣляемая, прибыль хозяина далеко еще не тождественна съ тою, которую хозяева получаютъ въ дѣйствительности, такъ какъ изъ разсчета исключены всѣ обстоятельства побочныя, не вытекающія изъ существа дѣла. Такими обстоятельствами, уменьшающими прибыль предпринимателя, являются, въ большинствѣ случаевъ, болѣзнь или уходъ рабочихъ, потеря всего яруса или его части, позднее начало промысла, дурная погода въ теченіе продолжительнаго промежутка времени, мѣшающая производству промысла, и т. д.

Къ разсмотрѣнію всѣхъ этихъ случаевъ, какъ типичныхъ и рисующихъ довольно рельефно положеніе вещей на Мурманѣ, мы

*) Мы беремъ цифры, опредѣленные Книновичемъ.

и перейдемъ, пользуясь для этого многочисленными данными, собранными Максимовымъ и Книповичемъ въ ихъ послѣднихъ работахъ о Мурманѣ.

Начнемъ съ потери яруса. На Мурманѣ случаи потери снасти настолько часты, что установилась даже классификація разныхъ случаевъ потери снасти,—различаютъ два главныхъ случая —«подронъ» и «подрѣзъ». Подронъ случается нерѣдко при поспѣшномъ вытаскиваніи снасти въ бурную погоду; длина яруса, достигающая 7, 9 и даже 12 верстъ, не позволяетъ быстро выбрать такую громадную снасть, а остаться у снасти и переждать непогоду на такомъ несовершенномъ суднѣ, какъ шняка, въ громадномъ большинствѣ случаевъ безусловно невозможно. И вотъ ярусъ бросаютъ, а сами спѣшатъ къ берегу. Такъ какъ положеніе яруса въ морѣ замѣчается по различнымъ признакамъ на берегу, то весьма естественно, что не всегда бываетъ можно найти снасть въ 20 и даже 30 верстахъ отъ берега, тѣмъ болѣе, что кубаса (или буйки), обозначающіе мѣста, гдѣ опущена снасть, нерѣдко отрываются бурей. Буря же и отрываетъ иногда часть яруса.

Случаи подрона, мы сказали, бываютъ нерѣдко. Дѣйствительно, въ 1883 г., напр., подронъ имѣлъ мѣсто почти во всѣхъ становищахъ и стоимость его достигала громадной суммы, почти 7000 рублей. Интересно, что болѣе всего случаевъ подрона, какъ и слѣдовало ожидать, приходится на суда промышленниковъ, ведущихъ дѣло на началахъ покрута, и при томъ наиболѣе крупныя потери приходятся на долю самыхъ крупныхъ хозяевъ покрута, у которыхъ наиболѣе эксплуатируется рабочій—промышленникъ, и гдѣ обѣ стороны—и хозяинъ, и рабочій—давно уже стоятъ въ отношеніяхъ врага къ врагу, и гдѣ, прибавимъ, рабочій—промышленникъ наиболѣе деморализовался....

Между прочимъ, по даннымъ 1893 г., подронъ и подрѣзъ снасти на каждое промысловое судно достигалъ до 8 р. 70 к., а это составляетъ очень крупную цифру. Если взять цифры для 5 главныхъ становищъ, какъ такихъ пунктовъ, гдѣ яснѣе всего наблюдаются тѣ или другія явленія въ ихъ чистомъ видѣ, благодаря многочисленности промышленниковъ всевозможныхъ категорій, то можно наблюдать въ очень рѣзкой формѣ разницу въ потеряхъ хозяевъ покрута и самостоятельныхъ промышленниковъ отъ подрона и подрѣза снасти. Такъ, для судовъ первой категоріи промышленни-

ковъ (крупныхъ хозяевъ покрута), въ среднемъ выводѣ, приходится на 12,5 р. подроненной или подрѣзанной снасти; для судовъ второй категоріи (мелкихъ хозяевъ покрута) этотъ расходъ равенъ 8,3 р.; для третьей (самостоятельныхъ ловцовъ)—только 3,5 рубль.

Другая причина, уменьшающая прибыль хозяевъ,—это уходъ или болѣзнь рабочихъ, которые могутъ иногда прямо приостановить совѣмъ промыселъ, такъ какъ на Мурманѣ въ горячее время чрезвычайно трудно отыскать замѣстителя даже одному рабочему. Если слѣдов., со шняки уйдетъ или заболѣетъ 2—3 рабочихъ, то приходится совѣмъ прекращать промыселъ. Благодаря развращающей системѣ покрута и тяжелому экономическому гнету, который тяготѣетъ надъ рабочими, случаи ухода очень часты. Не рѣдки случаи и заболѣваній, такъ какъ вся обстановка труда промышленника-рабочаго въ высшей степени антигигіенична. Относительно соблюденія рабочими своихъ договоровъ съ хозяевами, такой тонкій наблюдатель, какъ Максимовъ, имѣвшій самъ дѣло съ поморами-рабочими, говоритъ: «я не знаю другого рабочаго, который относился-бы къ долгамъ такъ цинично, какъ относится покрученникъ. Понятіе о чести—это культурное понятіе, которое никогда не воспитывалось въ безграмотной поморской средѣ..... Утративъ совѣсть, какъ первѣйшій стимулъ къ сдержанію обѣщанія, слова, договора, поморскій народъ не приобрѣлъ никакихъ нравственныхъ цѣнностей. При недостаткѣ правосудія на сѣверѣ, при вѣковомъ отсутствіи гласности, при отсутствіи воспитанія общественной совѣсти, при удаленности судей отъ мѣстъ отправленія правосудія, при отсутствіи путей сообщенія, безошибочно можно сказать, что понятіе о законности утратилось въ народѣ совершенно.....» Другой бытописатель Мурмана характеризуетъ покрученниковъ-поморовъ не менѣе ярко. «Переходъ рабочихъ къ другому хозяину, уходъ ихъ случается нерѣдко. По большей части письменныхъ условій между хозяевами и покрученниками не заключается, но если и есть письменное условіе, то оно мало гарантируетъ хозяина. Поди, судись съ рабочимъ, да и взять съ него нечего, а между тѣмъ ловъ не производится, и затраты пропадаютъ даромъ. Вообще отношенія покрученниковъ къ хозяевамъ весьма недобросовѣстны, и въ этомъ отношеніи обѣ стороны оказываются достойными другъ друга. Нарушить условіе, бросить работу, уйти отъ хозяина, которому задолжалъ, дѣло самое обыкновенное. Уходъ рабочихъ приноситъ

иногда хозяевамъ громадныя убытки, а такъ какъ большинство ихъ ведутъ дѣло въ кредитъ и притомъ на тяжелыхъ условіяхъ, то уходъ рабочихъ можетъ повлечь за собою и раззореніе хозяина.» «Надо, впрочемъ, прибавить въ интересахъ справедливости, что хозяева, хорошо относящіеся къ покрученникамъ, имѣютъ менѣе поводовъ жаловаться на нихъ: рабочіе и держатся у нихъ, и работаютъ лучше...»

О другихъ причинахъ, уменьшающихъ прибыли хозяина-предпринимателя, мы не будемъ говорить. Главныя изъ этихъ причинъ, какъ, напр., позднее начало промысла, бури, массовое появленіе «кожи» (т. е. стадъ гренландскихъ тюленей, разгоняющихъ рыбу)—одинаково вліяютъ на судьбы крупныхъ и мелкихъ промышленниковъ покрута, а равно и на успѣхъ предпріятій самостоятельныхъ дощцовъ.

Перечисленные причины, конечно, очень вредно отзываются на успѣшности и доходности капиталистическихъ предпріятій хозяевъ-промышленниковъ, однако, подъ руками у нихъ есть такъ много коррективовъ, что едва-ли было-бы умѣстнымъ говорить о рѣшающемъ значеніи всѣхъ этихъ причинъ. Коррективами этими нужно считать, широко практикующееся хозяевами, недобросовѣстное отношеніе къ рабочимъ. Прежде всего задатки такой хозяинъ выдаетъ товаромъ по цѣнѣ произвольной и, конечно, выше нормальной, качество товара тоже бываетъ очень плохое, мѣры не добросовѣстныя и т. д., благодаря чему, рабочіе не выходятъ изъ долговъ у хозяевъ, и долги ихъ переходятъ изъ года въ годъ, нерѣдко прогрессивно возрастаая. Залѣзая въ долги и тѣмъ становиться въ положеніе вѣчнаго, въ сущности, батрака заставляетъ промышленниковъ злая необходимость. Большинство промышленниковъ идетъ на Мурманъ изъ Кемскаго, Онежскаго и, въ очень малой мѣрѣ, изъ Архангельскаго уѣздовъ. О положеніи ихъ у себя дома можно отчасти судить по такимъ выдержкамъ изъ официальныхъ отчетовъ за 1891 годъ. «Вторая половина августа,—говоритъ отчетъ,—стояла холодная. Вслѣдствіе этого, хлѣбъ на половину былъ скошенъ скоту, на половину требовалась примѣсь прежняго хлѣба. Въ Кемскомъ уѣздѣ большая часть посѣвовъ была скошена на кормъ скоту, а снятый съ полей хлѣбъ оказался годнымъ въ пищу только съ примѣсью хорошей муки урожая прежнихъ лѣтъ...» А далѣе находимъ еще болѣе яркую

картину... «Всего болѣе расходовъ (по продовольствію голоднаго населенія) потребовалъ Кемскій уѣздъ. Хотя запасы хлѣба обезпечивали до весны, но такъ какъ доставка зимою дорога, то и цѣна на хлѣбъ дорога. Свободные запасы хлѣба оказались у богатыхъ поморовъ, согласившихся уступить комитету рожь и ржаную муку цѣною отъ 1 р. 80 к. до 2 руб. за пудъ. Операция эта съ передвиженіемъ хлѣба на мѣсто обошлась въ 76.442 рубля....» Въ рѣдѣ этой картинѣ, выражающей степень обезпеченности населенія промысловыхъ уѣздовъ хлѣбомъ, Максимовъ рассказываетъ: «проѣзжая зимою 1891 года черезъ Корелію, я убѣдился, что и запасы, оставшіеся отъ предыдущаго 1890 года, были отчасти попорчены въ сельскихъ магазинахъ, а отчасти скуплены деревенскими кулаками, такъ что когда пришла зима, то хлѣба въ магазинахъ не оказалось. Чиновнику по крестьянскимъ дѣламъ пришлось ѣздить по зимнему первопутку и скупать хлѣбъ у тѣхъ-же поморовъ и деревенскихъ кулаковъ, которые скупали лѣтомъ хлѣбъ изъ магазиновъ. Разумѣется, при такой операциіи казенный хлѣбъ, предназначенный для урегулированія цѣнъ, для помощи народу, чтобы кулаки не могли поднять цѣну до невозможнаго, оказывался дороже въ казнѣ, нежели въ частныхъ рукахъ....» «Представимъ,—заключаетъ Максимовъ,—что этотъ хлѣбъ остался до слѣдующаго года. Случился лучшій урожай, цѣна на хлѣбъ въ частныхъ рукахъ понизилась еще болѣе, а казна вынуждена была продавать по болѣе высокой цѣнѣ. Народу приходится все-равно должать въ урожайный или неурожайный годъ на сѣверѣ.... Разумѣется, покрученникъ предпочтетъ должать какъ можно больше хозяину—помору, потому что хлѣбъ у него всегда дешевле, нежели въ казнѣ....»

Неурожайные годы на сѣверѣ очень часты, и потому поморъ промышленникъ-хозяинъ въ концѣ концовъ становится настоящимъ «кормильцемъ» народа. «Вотъ эта-то роль его въ поморьѣ и дѣлаетъ его господиномъ своихъ рабовъ, а покрученниковъ обращаетъ во времено-обязанныхъ...» Какъ анекдотъ и очень достоверный, Максимовъ приводитъ такой фактъ. Въ недавнее время въ поморье пріѣзжалъ довѣренный одной французской компаніи съ цѣлью организовать на мѣстѣ крупное предпріятіе, но вынужденъ былъ отказаться отъ этого намѣренія за недостаткомъ рабочихъ, ибо *«выкупить рабочихъ отъ ихъ хозяевъ стоило-бы ему громадныхъ издержекъ.»*

При такой задолженности рабочих-покрученниковъ любопытно выяснить, — имѣютъ-ли они возможность выходить изъ нея какими-либо другими способами, кромѣ ухода отъ хозяина, неплатежа долговъ, порыванья договоровъ и т. п.?

Отвѣтъ на это даетъ слѣдующій приблизительный расчетъ заработка такого рабочаго.

До Кандалакши и затѣмъ Разъ-Наволока онъ идетъ на свой счетъ, и это ему обходится отъ 12¹/₂ до 15 рублей по самому минимальному расчету. Принимая средній пай покрученника въ 60—70 рублей, ему останется на зиму со всей семьей только лишь отъ 47—57 рублей до 45—55 р. Эти деньги онъ никогда не получаетъ на руки, а хозяинъ выдаетъ ихъ ему товарами, предметами первой необходимости: мукой, чаемъ, сахаромъ и т. д., и при томъ низкаго качества. Цѣны устанавливаетъ самъ хозяинъ, — немудрено, что рабочему, въ сущности, придется получить 40—50 р. максимум. Правда, рабочіе получаютъ небольшой доходъ отъ сушеныхъ тресковыхъ головъ и мелкой рыбы (мелкой трески, камбалы и т. п.), которыя достаются на его долю (часть идетъ все таки хозяину), но доходъ отъ этого, во-первыхъ, случаенъ болѣе или менѣе, а, во вторыхъ, крайне ничтоженъ: всего нѣскольکو рублей. Другими словами, покрученникъ за 5¹/₂ мѣсяцевъ истиннѣ каторжной работы, съ постояннымъ рискомъ для жизни, при отвратительныхъ гигиеническихъ условіяхъ труда, получаетъ возможность дожить до слѣдующей весны съ грѣхомъ пополамъ — при условіи, что хозяинъ откроетъ ему кредитъ на нехватки въ въ бюджетѣ.

Понятно, такимъ образомъ, что на этой почвѣ развиваются «тяжелыя картины дѣни, апатіи, недобросовѣстнаго отношенія къ принятымъ на себя обязательствамъ и т. п., что такъ непріятно поражаетъ свѣжаго человѣка въ преобладающемъ типѣ мурманскаго промышленника.....»

Въ другомъ, конечно, положеніи находится кормщикъ, если это — не самъ хозяинъ, что, кстати сказать, въ покрутскихъ артеляхъ бываетъ не рѣдко, благодаря тому, особенно въ послѣднее время, что крупный покрутъ гибнетъ, а въ мелкомъ чаще всего самъ хозяинъ исполняетъ должность кормщика. Во всякомъ случаѣ, какъ это можно видѣть изъ приведенной выше таблицы зарплатъ различныхъ членовъ покрутской артели, кормщику сравни-

тельно гораздо легче выбиться изъ зависимости и стать самостоятельнымъ ловцомъ, чѣмъ простому покрученнику—рабочему.

Говоря о покрутѣ, необходимо указать, между прочимъ, на одну особенность современнаго положенія вещей на Мурманѣ.

Дѣло въ томъ, что на ряду съ крупнымъ и мелкимъ покрутомъ, въ чистомъ такъ сказать видѣ, существуютъ и смѣшанныя формы, т. е. такія, гдѣ рядомъ съ рабочими—промышленниками, находящимися къ хозяину въ отношеніи покрута, есть и рабочіе наемные. Трудно сказать что-нибудь опредѣленное объ этой формѣ экономическихъ отношеній. За полнымъ почти отсутствіемъ данныхъ, можно съ увѣренностію только констатировать полное отвращеніе поморовъ—промышленниковъ къ найму рабочихъ. Въ тѣмъ случаяхъ, когда на Мурманѣ создавались сколько-нибудь крупныя предпріятія съ наймомъ рабочихъ, они гибли вслѣдствіе невозможности найти добросовѣстныхъ рабочихъ, а иногда даже просто какихъ-бы то ни было, несмотря на то, что на Мурманѣ въ настоящее время имѣется уже на лицѣ контингентъ лицъ, вполне разобщенныхъ съ орудіями производства. Это въ большинствѣ случаевъ русскіе колонисты, представляющіе собой настоящій пролетаріатъ....

Другая особенность экономическихъ отношеній, создавшихся за послѣднее время на Мурманѣ, заключается въ образованіи особой группы капиталистовъ—скупщиковъ рыбы. Вся эта группа образовалась въ сущности изъ крупныхъ хозяевъ покрута, бросившихъ снаряженіе шнякъ на промыселъ, какъ занятіе рискованное и невыгодное для нихъ, и обратившихся всецѣло къ болѣе вѣрному и легкому способу обогащенія—скупкѣ рыбы. Завѣтная цѣль всѣхъ этихъ господъ—разными правдами и неправдами добиться возможности держать мелкихъ хозяевъ—промышленниковъ въ постоянной зависимости посредствомъ отъпуска въ кредитъ зимою хлѣба и лѣтомъ снастей. Подобное стремленіе весьма понятно, такъ какъ заручившись такимъ, обязаннымъ ему продавцемъ, скупщикъ является по отношенію къ нему почти полновластнымъ хозяиномъ и произвольно назначаетъ цѣну на рыбу и вообще продукты промысла, будучи твердо увѣренъ, что продавцу не уйти отъ подобной альтернативы подъ угрозой лишенія кредита, а иногда и раззоренія въ случаѣ неисправной уплаты долга. Зная это, хозяева—промышленники употребляютъ всѣ старанія къ тому, чтобы не кредитоваться

у этихъ «благодѣтелей», и предпочитаютъ иногда болѣе, повидимому, тяжелыя условія кредита у архангельскихъ купцовъ.

Однако, какъ это ни грустно сказать, паразитный классъ скупщиковъ при современной дезорганизаціи мурманскихъ промысловъ имѣетъ свой *raison d'être*, такъ какъ замѣчено, что нерѣдко промышленники принуждены бываютъ за безцѣнокъ сбывать рыбу, а иногда даже совсѣмъ бросать ее за отсутствіемъ благодѣтелей-скупщиковъ.... Въ смыслѣ характерной иллюстраціи этому можетъ служить очень типичный фактъ, прекрасно обрисовывающій экономическую безурядицу, ставшую нормальнымъ явленіемъ на Мурманѣ, а именно: въ становищѣ Вайда-губа (въ 1893 г.) начался очень успѣшный ловъ трески, сюда собралось много промышленниковъ, но скупало треску лишь одно судно. И вотъ, рассказываетъ очевидецъ, цѣна на треску начала сильно падать, съ 55 к. за пудъ дошла до 25 и меньше, да и то скупщикъ бралъ треску, какъ-бы дѣлая одолженіе промышленникамъ, бралъ не взвѣшивая, а оцѣнивая на глазъ кучи сваленной рыбы. Результатомъ этого былъ тотъ *поразительно уродливый въ промысловомъ отношеніи фактъ, что промышленники бросили мѣсто, идѣ ловъ шелъ успешно, и устремились на востокъ къ Териберкѣ въ надеждѣ, что, если тамъ рыба будетъ ловиться плохо, то зато ее можно будетъ сбывать по удовлетворительной цѣнѣ.....* И такіе факты вовсе не составляютъ исключенія, какъ утверждаютъ всѣ знатоки мурманскихъ порядковъ.

Оставляя въ сторонѣ кольскую форму покрута, т. е. съ дѣлежемъ улова на двѣ части, изъ которыхъ одна идетъ хозяину, а другая четыремъ рабочимъ-промышленникамъ, какъ практикующуюся только въ г. Колѣ и притомъ въ самыхъ незначительныхъ размѣрахъ, а потому совсѣмъ не типичную для характеристики экономическихъ отношеній на Мурманѣ, мы прямо переходимъ къ группѣ мелкихъ самостоятельныхъ ловцовъ, хотя и составляющихъ пока не болѣе $\frac{1}{3}$ всѣхъ промышленниковъ, однако, по существу дѣла и по тѣмъ перспективамъ, которыя обрисовываются въ будущемъ для этой прогрессивной формы,—заслуживающей самаго серьезнаго вниманія. Полный сводъ всѣхъ сюда относящихся данныхъ мы находимъ только въ трудѣ г. Квиновича и кое-какія отрывочныя указанія въ официальныхъ данныхъ, по скольку данныя эти говорятъ о правительственной помощи, оказываемой мел-

кимъ самостоятельнымъ промышленникамъ. Это и понятно, такъ какъ такая форма организаціи труда на Мурманѣ—дѣло новое, и потому естественно, что о ней въ массѣ работъ различныхъ изслѣдователей, появившихся до 80-хъ годовъ, совсѣмъ не находится никакихъ свѣдѣній, а въ позднѣйшее время, кромѣ 5—6 журнальныхъ статей, изъ которыхъ самой крупной является работа Максимова, *) только вскользь упоминающихъ о вновь нарождающейся формѣ, не было никакихъ цѣнныхъ указаній.

Самостоятельныя артели промышленниковъ («пайщиковъ» или «компаньоновъ», какъ ихъ называютъ на Мурманѣ) можно раздѣлить на двѣ категоріи: на пришлыхъ (изъ Кемскаго и Онежскаго уѣздовъ) и на постоянныхъ обитателей Мурманскаго побережья—колонистовъ, т. е. тѣхъ изъ нихъ, которые составляютъ самостоятельныя артели. Большая часть колонистовъ участвуетъ въ промыслѣ на началахъ покрута. Кромѣ того, часть самостоятельныхъ ловцовъ падаетъ на Кольскій уѣздъ, или вѣрнѣе, на г. Колу, и о нихъ мы будемъ говорить отдѣльно. **) О ничтожномъ количествѣ самостоятельныхъ ловцовъ изъ Архангельскаго уѣзда не стоитъ упоминать—число ихъ въ 94 году не превышало 20 человекъ.

Полная невозможность достать подробныя данныя относительно развитія мелкой артельной формы организаціи труда на Мурманѣ, особенно относящаяся къ послѣднимъ двумъ годамъ, заставляетъ насъ пользоваться данными, добытыми въ теченіе 1893 и 1894 г.г. г. Книповичемъ непосредственно на мѣстѣ, т. е. у исправниковъ Кольскаго и Кемскаго уѣздовъ, вѣрнѣе, почерпнутыми изъ вѣдомостей и отчетовъ низшихъ агентовъ администраціи. Единственный источникъ статистическихъ свѣдѣній, характеризующихъ положеніе мурманскихъ промысловъ,—это отчеты исправниковъ Кольскаго и отчасти Кемскаго и Онежскаго уѣздовъ. Къ сожалѣнію, въ томъ видѣ, въ какомъ они представляются высшей администраціи края, они не даютъ возможности пользоваться ими, по крайней мѣрѣ, для нашей цѣли. Сводя всѣ подробныя данныя, представляемыя низшими агентами администраціи, въ одну «вѣдо

*) „Русская мысль“ 1893 г. № I II и IV.

**) Вообще всѣ промышленники Кольскаго у. составляютъ не болѣе 1/10 части всего числа промышленниковъ на Мурманѣ, тогда какъ жители Кемскаго уѣзда 2/3 и Онежскаго до 2/3.

мость», исправники совершенно не обращают вниманія на различныя группы промышленниковъ и показываютъ только абсолютную ихъ цифру, нисколько не заботясь о томъ, что этимъ въ одну кучу смѣшиваются представители діаметрально противоположныхъ направленій въ области экономическихъ отношеній. Эти и другія особенности официальныхъ данныхъ (о свѣдѣніяхъ статистическаго комитета не стоитъ говорить, такъ какъ въ нихъ уже рѣшительно нѣтъ никакой возможности разобраться по интересующему насъ въ настоящую минуту вопросу) заставляютъ насъ пользоваться почти исключительно нѣсколькими устарѣлыми свѣдѣніями, сообщаемыми Книповичемъ.

Изъ этихъ свѣдѣній, частію уже приведенныхъ нами выше, видно, что въ наиболѣе крупныхъ промысловыхъ пунктахъ Мурмана число промышленниковъ, организующихъ артели чистаго типа, въ теченіе только двухъ лѣтъ, 1893 и 1894 г.г., колебалось въ довольно значительныхъ предѣлахъ. Такъ какъ данныя о самостоятельныхъ ловцахъ за 1894 г. относятся только къ пяти самымъ главнымъ становищамъ Мурмана, то всякое сравненіе ихъ съ данными предыдущихъ лѣтъ становится невозможнымъ. По отношенію же только къ этимъ пяти становищамъ эти данныя говорятъ, что ростъ артелей чистаго типа шелъ очень энергично. Такъ, въ Вайда-губѣ число судовъ, принадлежавшихъ самостоятельнымъ ловцамъ, доходившее въ 1893 г. только до 6% всего числа судовъ этого пункта, въ 1894 г. было уже болѣе 13%; въ Мало-Оленьемъ становищѣ число это достигаетъ 54%; въ Териберкѣ—въ 1893 г. 38%, а въ 94 г. почти 45%; въ Гавриловѣ—въ 1893 г. 20%, въ 94 г. 22%; въ Рындѣ—26½% въ 93 году. Въ абсолютныхъ цифрахъ въ упомянутыхъ пяти пунктахъ число судовъ самостоятельныхъ ловцовъ было:

въ 93 г. въ 94 г.

въ Вайда-губѣ	7	25
» Териберкѣ	49	55
» Гавриловѣ	38	60
» Рындѣ	17	неизвѣстно
» Мало-Оленьемъ	22	неизвѣстно (въ 92 г. было 10 судовъ).

Итого, въ трехъ только становищахъ число судовъ самостоятельныхъ ловцовъ въ 94 г. простиралось до 140, тогда какъ въ 93 г. въ тѣхъ-же становищахъ это число равнялось 94, т. е. увеличи-

лось въ теченіе года на 46 судовъ или почти на 50%. Мы уже говорили ранѣе, что число судовъ, принадлежащихъ самостоятельнымъ артелямъ во всѣхъ промысловыхъ пунктахъ берега, по даннымъ 93 и 94 г.г., въ среднемъ выводѣ, достигаетъ 20%, или $\frac{1}{5}$ части всего числа промысловыхъ судовъ.

Точно опредѣлить время возникновенія этой формы организациі промысла, конечно, нельзя, хотя издавна уже на ряду съ покрутскими артелями существовали артели и самостоятельныхъ ловцовъ, но число ихъ было, по крайней мѣрѣ во времена Данилевскаго, т. е. въ періодъ 60-хъ годовъ, совершенно ничтожно. Слѣдовательно, время ихъ болѣе или менѣе широкаго развитія нужно отнести къ 70-мъ годамъ, причемъ къ началу 80-хъ годовъ число ихъ было уже настолько значительно, что обратило на себя вниманіе администраціи, выдвинувшей на очередь вопросъ объ организациі помощи этимъ артелямъ. Въ виду этого, сравнительно небольшая на первый взглядъ цифра судовъ, принадлежащихъ самостоятельнымъ ловцамъ, пріобрѣтаетъ болѣе важное значеніе, такъ какъ указываетъ на жизненность самаго явленія, такъ, повидимому, глубоко и быстро пустившаго корни въ экономической жизни Мурманскаго побережья.

Предполагая даже, что число самостоятельныхъ артелей въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ не возрастало въ той прогрессіи, въ какой этотъ ростъ совершался въ предшествующіе годы, т. е. считая число судовъ, принадлежащихъ самостоятельнымъ ловцамъ, равнымъ по-прежнему $\frac{1}{5}$ всего числа промысловыхъ судовъ на Мурманѣ, можно считать его въ настоящее время равнымъ 193, тогда какъ въ 1893 г. это число достигало всего 168, т. е. увеличеніе должно было быть не болѣе 15%. Въ дѣйствительности, насколько это позволяютъ думать имѣющіяся на лицѣ данныя послѣднихъ двухъ лѣтъ, мельчаніе крупнаго покрута и параллельный ростъ мелкихъ артелей самостоятельныхъ ловцовъ происходили гораздо энергичнѣе.

Во всякомъ случаѣ, большая абсолютная цифра мелкихъ артелей чистаго типа доказываетъ несомнѣнную устойчивость явленія, ростъ котораго въ будущемъ, при надлежащей постановкѣ дѣла, даже трудно опредѣлить. Ясно, что покрутъ отжилъ свой вѣкъ, а крупная капиталистическая форма предпріятія съ наемными рабочими, несмотря на многочисленныя попытки создать ее

на Мурманѣ, не привилась, и нѣтъ никакихъ рѣшительно оснований, по крайней мѣрѣ въ настоящее время, думать, что она когда-нибудь привьется...

Возвращаемся къ самостоятельнымъ ловцамъ.

Отличительная особенность всѣхъ промышленниковъ этой категоріи заключается въ томъ, что они всѣ «лѣтники», т. е. производятъ только лѣтній промыселъ, слѣдоват., прибываютъ на Мурманъ только съ открытіемъ навигаціи на Бѣломъ морѣ, съ первыми пароходами изъ Архангельска. Такъ какъ весенній ловъ производится преимущественно на западномъ Мурманѣ, то самостоятельные ловцы концентрируются почти исключительно на восточномъ берегу.

Другая особенность рассматриваемой категоріи промышленниковъ, по крайней мѣрѣ значительнаго ихъ большинства, состоитъ въ томъ, что промысловымъ судномъ у нихъ служить не пняка, а карбасъ (болѣе $\frac{3}{5}$ всѣхъ судовъ). Встрѣчаются у нихъ и ёлы, небольшого, конечно, размѣра, но очень рѣдко.

Говоря выше о типахъ промысловыхъ судовъ, мы уже указывали на сравнительную дешевизну карбаса—эта дешевизна и служить главной побудительной причиной, почему самостоятельные ловцы предпочитаютъ это совершенно никуда негодное судно. Конечно, можно было-бы снарядить хорошее промысловое судно въ кредитъ, но кредитъ въ поморѣ дорогъ и, кромѣ того, какъ свидѣлствуютъ знатоки мурманской жизни, этотъ кредитъ почти недоступенъ для самостоятельнаго ловца—не покрученника. Расчетъ лицъ, ссужающихъ мурманскихъ промышленниковъ кредитомъ, понятенъ; для нихъ нѣтъ никакого интереса получить хотя-бы даже и огромный процентъ на ссуду въ то время, когда есть полная возможность пріобрѣсти себѣ въ лицѣ должника еще и «временно-обязаннаго», а въ сущности безусловно и надолго, если не навсегда, до полного истощенія силъ, къ нимъ привязаннаго должника и продавца результатовъ улова по «хозяйской» цѣнѣ.

Обыкновенно артель, задумавъ вести промыселъ самостоятельно, покупаетъ за безцѣнокъ старый карбасъ или пняку, или наконецъ, нанимаетъ на лѣто судно. Затѣмъ сообща пріобрѣтаются снасти и тоже нерѣдко поддержанныя, а если и новыя, то самаго низшаго качества. Самый ярусъ дѣлается въ видахъ дешевизны какъ можно короче—обыкновенно въ половину обычной длины его.

Невода мойвенного или песчаночного вовсе не заводится, и их арендуют гдѣ-нибудь на сторонѣ; провизіи берется возможно меньше, причемъ ограничиваются крупой и мукой. Словомъ, все подгоняется къ тому, чтобы уменьшить до minimum'a первоначальные расходы. Любопытно, между прочимъ, что судно въ большинствѣ случаевъ принадлежитъ одному промышленнику, а все остальное приобретается на равныхъ расходахъ. Какъ, однако, ни малы расходы самостоятельныхъ ловцовъ, все-таки дѣло не обходится безъ кредита, вслѣдствіе чего первые уловы рыбы идутъ на уплату долговъ, а на излишки покупается провизія и производятся разные мелкіе расходы съ расчетомъ какъ-нибудь протянуть время до слѣдующей продажи улова и т. д. Такая система ведетъ къ тому, что самостоятельные ловцы, хотя и избѣгаютъ до нѣкоторой степени благодѣяній «дешевого» кредита, однако много переплачиваютъ на покупкѣ предметовъ первой необходимости, ибо цѣны на Мурманѣ во время промыслового сезона стоятъ очень высокія.

Г. Книповичъ, спеціально наблюдавшій чистаго типа артель, приводитъ очень любопытный подробный расчетъ стоимости снаряженія на промыселъ различныхъ категорій самостоятельныхъ ловцовъ—шнечниковъ и карбасниковъ. Мы возьмемъ изъ этого расчета только итоговыя цифры. Первоначальные расходы карбасниковъ, такимъ образомъ, по Книповичу, состоятъ изъ слѣдующихъ элементовъ.

1) Первоначальное обзаведеніе (карбасъ съ такелажемъ, ярусъ, различныя мелочи, запасъ провизіи на первое время, стоимость пути и т. д.) обойдется въ 140—165 руб., т. е. на человѣка (кстати сказать, на карбасахъ промышляютъ обыкновенно не болѣе 3 человѣкъ) по 47—55 руб., а если карбасъ нанимается, то по 33—38 руб. на человѣка.

2) Расходы въ теченіе лѣта будутъ равняться (на 3 человѣка и за вычетомъ того, что уже упомянуто въ предыдущемъ пунктѣ) 50 рублямъ (плата за столъ, дрова, плата за неводъ, ремонтъ яруса и т. д.).

Слѣдовательно, обзаведеніе всѣмъ, что необходимо для промысла, и самое производство промысла обезпечиваются расходомъ отъ 200 до 225 рублей, т. е. по 70—75 руб. на человѣка. Если же карбасъ нанимается, то суммой въ 160—175 руб., или по 53—58 руб. на человѣка. Въ тѣхъ случаяхъ, когда карбасъ при-

надлежитъ одному лицу, то изъ общаго улова ему по соглашенію выдѣляется опредѣленная часть въ погашеніе его издержекъ. Точнаго опредѣленія $\%$ этого погашенія у русскихъ самостоятельныхъ ловцовъ нѣтъ. *)

На второй годъ промысла расходы карбасниковъ будутъ уже меньше, а именно, по расчету г. Книповича, рублей по 40 на человѣка. Слѣдовательно, опредѣляя заработокъ карбаса въ половину средняго заработка шнякл, т. е. въ 425 руб. (шняка въ среднемъ случаѣ, какъ мы видѣли, зарабатываетъ около 850 р.), можно считать, что въ первый годъ карбасники получаютъ около 85—90 рублей на человѣка (за погашеніемъ долговъ), а на второй годъ по 135 руб. на человѣка.

Если даже мы возьмемъ самый минимальный расчетъ, т. е. приравняемъ заработокъ карбаса $\frac{1}{3}$ заработка шняки, то и въ этомъ случаѣ пайщики получаютъ по 37 руб. на человѣка, причемъ всѣ расходы по снаряженію судна и всего предпріятія будутъ оплачены. На второй годъ каждый изъ нихъ получить по 53 рубля.

Можно, конечно, находить эти цифры низкими абсолютно, но по сравненію съ цифрами заработка покрусенниковъ онѣ гораздо выше, особенно при среднихъ уловахъ. Какъ извѣстно, средній най покрусенника равняется 60—70 руб., между тѣмъ, средній заработокъ самостоятельнаго ловца-карбасника доходитъ до 135 руб. на человѣка уже на второй годъ промысла, т. е. *вдвое болѣе*.

Слѣдуетъ принять во вниманіе одно еще и очень важное обстоятельство. Карбасъ настолько несовершенно судно, и въ такой мѣрѣ лишенъ хорошихъ морскихъ качествъ, что промыселъ на немъ уже въ силу одного этого бываетъ значительно хуже, чѣмъ онъ могъ-бы быть. При малѣйшемъ волненіи самый небольшой «взводень», какъ говорятъ поморы, заставляетъ карбасъ бросать ловлю и возвращаться обратно въ станъ. Слѣдовательно, промысловыхъ дней у карбасниковъ еще меньше, чѣмъ у шнячниковъ. Однако, по всѣмъ отзывамъ, самостоятельный карбасный промыселъ все-таки несравненно выгоднѣе шнячнаго на началахъ покрусута. «Вообще-же, если разъ удалось снарядиться на самостоятельный промыселъ и выдержать первый годъ, то дальше вести дѣло сравнительно легко....» Такъ свидѣтельствуетъ не только

*) Въ Норвегіи при удобномъ ловѣ хозяинъ судна получаетъ $\frac{1}{7}$ часть улова, при ярусномъ $\frac{1}{9}$.

Книповичъ, у котораго мы, главнымъ образомъ, черпаемъ данныя о самостоятельномъ промыслѣ, но и всѣ наблюдавшіе мурманскіе промыслы въ теченіе послѣднихъ лѣтъ.

Нечего и говорить, что шнячный промыселъ самостоятельныхъ ловцовъ еще выгоднѣе карбаснаго, а промыселъ на норвежскаго типа ёлахъ превосходить всѣ остальные, но дороговизна первоначальнаго обзаведенія, особенно при промыслѣ на ёлѣ, дѣлаетъ эти виды промысла болѣе рѣдкими.

До сихъ поръ мы указывали на относительно свѣтлыя стороны самостоятельнаго промысла. Но у него есть и свои темныя стороны, впрочемъ, общія всѣмъ формамъ промысловой организаціи на Мурманскомъ берегу. Главная изъ этихъ сторонъ заключается, по словамъ Таратина, въ томъ, что число промышленниковъ, «ведущихъ дѣло самостоятельно, очень не велико; обыкновенно-же они и карбасъ, и снасть взяли въ долгъ у тѣхъ-же богачей-судовладѣльцевъ; у нихъ-же зимой и лѣтомъ забираются, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ вырученнаго отъ мурманскихъ промысловъ не хватаетъ на зимнее время, а стало быть и свой мурманскій уловъ они, такъ сказать, обязаны сдавать своему кредитору, что, конечно, выговаривается при заборѣ.... Такимъ образомъ,—заканчиваетъ Таратинъ,—всѣ промышленники рабочіе находятся въ постоянной зависимости отъ хозяевъ.»

Таратинъ, однако, слишкомъ сгущаетъ краски, рисуя зависимое положеніе самостоятельныхъ ловцовъ. Дѣло въ томъ, что эта категорія промышленниковъ никогда не забираетъ нужныхъ продуктовъ сразу на большую сумму, а беретъ малыми дозами, уплачивая постоянно изъ улововъ. Кромѣ того, на зиму они вовсе не такъ часто и ни въ какомъ случаѣ не поголовно забираются у богатыхъ поморовъ, потому что большинство ихъ изъ Онежскаго уѣзда, и идетъ, слѣдов., на мурманскій промыселъ съ нѣкоторыми средствами, и во всякомъ случаѣ обезпеченное на зиму заработкомъ отъ зимняго лова на Вѣломъ морѣ наваги,—промысла, все шире и шире развивающагося за послѣдніе годы. Во всякомъ случаѣ, нѣкоторая зависимость мелкихъ артелей чистаго типа отъ разнаго вида «благодѣтелей» Мурмана есть, и это составляетъ самое крупное препятствіе къ болѣе широкому росту этой формы организаціи труда.

Не говоря о преимуществах чисто экономического характера, присущих артели чистого типа вообще, въ частности, мурманскія самостоятельныя артели имѣютъ особыя преимущества, могущія играть въ судьбахъ мурманскаго промысла большую роль. Самостоятельное веденіе такого промысла, какъ мурманскій развиваетъ въ участникахъ его прежде всего энергію и предприимчивость, что въ настоящее время на Мурманѣ при полной деморализаціи, внесенной въ среду промышленниковъ системой покрута, составляетъ исключительное и, во всякомъ случаѣ, рѣдкое явленіе. Затѣмъ, самостоятельный промыселъ, какъ это можно заключить а priori, при надлежащей его постановкѣ, т. е. при низведеніи зависимости самостоятельныхъ ловцовъ отъ богачей-поморовъ до minimum'a, несомнѣнно представляетъ больше гарантій въ смыслѣ улучшеній чисто технического свойства и въ смыслѣ уменьшенія духа рутинности и приверженности вѣковымъ традиціямъ, въ настоящее время совершенно отжившимъ свой вѣкъ на Мурманѣ и сдѣлавшимся уже своего рода анахронизмомъ. Примѣръ сосѣдней Норвегіи съ ея ловлей трески удами, короткими ярусами и сѣтями, съ ея ёлами, листерботами, съ ея ледниками для замораживанія мойвы и т. д., и т. д., дѣлаетъ совершенно лишнимъ доказательство нелѣпости неуклюжихъ русскихъ шнякъ, девяти-десятиверстныхъ ярусовъ и прочихъ «наглядныхъ несообразностей» современнаго положенія вещей на Мурманѣ. Ясно, что артель самостоятельныхъ ловцовъ въ этомъ смыслѣ является болѣе прогрессивнымъ явленіемъ, чѣмъ покрутская. Все дѣло, въ концѣ концовъ, именно въ *надлежащей постановкѣ дѣла* организаціи мелкихъ артелей чистаго типа.

Нельзя сказать, какъ мы уже отмѣчали, что ничего для этой «лучшей постановки дѣла организаціи мелкихъ артелей самостоятельнаго типа» не дѣлалось, что промышленники въ этомъ дѣлѣ были предоставлены своимъ единоличнымъ усиліямъ.

Десять лѣтъ тому назадъ (18 Марта 1886 г.) по Высочайшему повелѣнію была ассигнована особая сумма въ 30.000 рублей исключительно для выдачи поморамъ ссудъ на *организацию самостоятельныхъ промысловыхъ артелей*.

Въ настоящее время ссуды уже не выдаются никому, *ибо за ними никто не обращается....* Это обстоятельство, представляющее финалъ всей затѣи, настолько неожиданно, и не гармонируетъ

съ намѣреніями администраціи, что заслуживаетъ самаго полнаго вниманія. Къ счастью, у насъ въ рукахъ имѣются очень точныя данныя, касающіяся исторіи этого благого начинанія. Данныя, съ помощью которыхъ не трудно возстановить истину и показать, что неудача дѣла зависѣла никакъ не отъ мертворожденности самой артельной организаціи на Мурманѣ (что блистательно, кстати сказать, доказывается и приведенными выше данными относительно артелей мелкихъ самостоятельныхъ ловцовъ), а отъ чисто постороннихъ причинъ.

«Правительство,—пишетъ Максимовъ,—обратило вниманіе на вѣчныя жалобы на каторжныя условія труда въ Поморьѣ. При кратковременномъ управленіи губерніей Н. Баранова, единственнымъ раціональнымъ исходомъ изъ всякихъ затрудненій представился опросъ самаго населенія. Созывъ особой комиссіи изъ свѣдущихъ людей удостоился утвержденія. Въ результатъ работы комиссіи получилось 43 проекта. Проекты направлены были преимущественно «на созданіе матеріальнаго достатка,—какъ выражается новѣйшій историкъ сѣвернаго края,—на обезпеченіе строгой законности въ краѣ (гласное судоустройство) и самоуправленіе (земство) и, наконецъ, на просвѣщеніе (элементарное, реальное и техническое)».

Но по отношенію къ вопросамъ, касающимся собственно поморья,—говоритъ Максимовъ,—комиссія признала себя не компетентной и высказалась за созывъ спеціальныхъ представителей отъ поморовъ. Такъ какъ интересы сосредоточивались въ трехъ рѣзко обособленныхъ группахъ: хозяевъ, колонистовъ и рабочихъ, то и положено было, чтобы каждая группа прислала на съѣздъ по десяти депутатовъ. Всего больше заинтересовались съѣздомъ покрученники. Группа хозяевъ не обнаружила особой энергіи; колонисты-же приняли до отношенію къ съѣзду враждебную позицію.... «Начальникъ губерніи сказалъ на съѣздѣ рѣчь, въ заключеніе которой выразилъ: «для полнаго развитія нашихъ промысловъ, т. е. для того, чтобы море стало давать вамъ капиталъ, а не ничтожный процентъ съ своего богатства, вамъ нужно отрезвить вашу жизнь на Мурманѣ. Затѣмъ, вамъ нужно улучшить самые способы лова, суда ваши и промысловые снаряды должны дойти до одинаковаго состоянія съ промысловыми судами и снарядами иностранныхъ промышленниковъ. Конечно, все это возможно для васъ

только лишь при пособіи отъ правительства, и я твердо вѣрю, что въ такомъ пособіи вамъ отказано не будетъ и т. д....»

Покрученники, дѣйствительно, нашли, что имъ невозможно обойтись безъ помощи правительства, но совершенно отвергли всякую мысль о регулированіи ихъ отношеній къ хозяевамъ путемъ какихъ-бы то ни было правилъ и предпочли матеріальную помощь въ подходящей формѣ. Въ концѣ концовъ desiderata покрученниковъ приняли совершенно опредѣленную форму ходатайства объ организаціи помощи артелямъ самостоятельныхъ ловцовъ въ видѣ долгосрочныхъ ссудъ на первоначальное обзаведеніе промысловымъ инвентаремъ. Для этой цѣли поморы находили необходимымъ открытіе спеціального банка въ г. Колѣ, а размѣръ ссуды опредѣляли minimum въ 800 рублей.

Упованія покрученниковъ вообще были самого радужнаго свойства—они думали, что покруту, съ осуществленіемъ ихъ проекта, придетъ конецъ, что никакія предпріятія чисто капиталистическаго характера съ наемными рабочими не будутъ возможны уже по одному тому, что нельзя будетъ найти для нихъ рабочихъ и т. д.

Увы, дѣйствительность разрушила розовыя мечтанія промышленниковъ! «Правила о выдачѣ ссудъ поморамъ на Мурманскомъ берегу» быстро разрушили всякія иллюзіи поморовъ. Первоначальныя предположенія поморовъ о созданіи особаго управленія мурманскими промыслами, объ отпускѣ казной лѣсныхъ матеріаловъ для постройки судовъ и т. п., объ отпускѣ 200.000 рублей вообще на развитіе промысловъ и торговли на сѣверѣ, 100.000 р. на развитіе кораблестроенія и 100.000 р. на страхованіе судовъ и грузовъ—оказались «преждевременными», и только безденежный отпускъ лѣса былъ разрѣшенъ въ теченіе 15 лѣтъ. «Правила» же довольно скромно должны были регулировать распредѣленіе 30.000 рублей въ видахъ поддержки самостоятельныхъ промысловъ.

И такъ, вмѣсто сотенъ тысячъ, поморье получило скромные десятки; вмѣсто долгосрочнаго кредита, кредитъ на 3 года съ разсрочкою на 6 лѣтъ въ случаѣ несчастья; вмѣсто minimum 800 р. на артель и т. д., «правила» дали покрученникамъ далеко не то....

Эти правила настолько любопытный документъ, что мы приведемъ ихъ цѣликомъ. Они гласятъ слѣдующее: «§ 1. Для облегченія

рыбопромышленникамъ полученія средствъ для самостоятельнаго веденія рыбнаго промысла на Мурманскомъ берегу, Архангельской конторѣ Государственнаго Банка предоставляется выдавать означеннымъ рыбопромышленникамъ, за счетъ государственнаго казначейства, ссуды, на нижеслѣдующихъ основаніяхъ. § 2. Ссуды выдаются исключительно лишь артелямъ, состоящимъ или изъ 2—3 человекъ, промышленяющимъ на карбасѣ, или изъ 4 человекъ, промышленяющихъ на шнякѣ, если притомъ все участники упомянутыхъ артелей уроженцы Архангельской губерніи, русскіе подданные и не состоятъ хозяевами морскихъ рыбныхъ промысловыхъ заведеній на Мурманѣ, содержащими тамъ рабочихъ. § 3. Артели, составившейся изъ 4 человекъ для промысла на шнякѣ, ссуда можетъ быть выдана въ размѣрѣ не свыше 430 р.; высшій же размѣръ ссуды для артели, ведущей промыселъ на карбасѣ, опредѣляется въ 215 рублей. § 4. Лица, образовавшія артель и желающія получить ссуду, обязаны подать о семъ, за подписью всехъ участниковъ, заявленіе въ мѣстное волостное правленіе. Въ заявленіи семъ слѣдуетъ указать: 1) размѣръ испрашиваемой ссуды, 2) для какого промысла (весенняго, лѣтняго или осенняго) испрашивается ссуда. Независимо отъ сего, если артель образована для веденія промысла на шнякѣ, то въ заявленіи должно быть означено, кто избранъ кормщикомъ, равно заступающимъ его мѣсто. § 5. Волостное правленіе, получивъ упомянутое въ § 4 заявленіе, обязано истребовать отъ подлежащихъ сельскихъ обществъ приговоры относительно каждаго изъ участниковъ артели. Въ приговорахъ этихъ должно быть указано: 1) семейное и имущественное положеніе заемщика; 2) участвовалъ-ли онъ раньше въ рыбныхъ промыслахъ; 3) насколько образъ жизни заемщика и его поведеніе могутъ обезпечивать правильное употребленіе и своевременный возвратъ ссуды, и 4) не имѣлъ-ли заемщикъ самостоятельнаго промысловаго заведенія на Мурманѣ, для котораго онъ нанимаетъ рабочихъ. § 6. Упомянутыя въ §§ 4 и 5 заявленія и приговоры препровождаются волостнымъ начальствомъ къ чиновнику по крестьянскимъ дѣламъ, который представляетъ ихъ, вмѣстѣ съ своимъ заключеніемъ о кредитоспособности заемщика, къ Архангельскому Губернатору. § 7. Выдача ссудъ разрѣшается по постановленіямъ особаго Комитета, состоящаго, подъ предсѣдательствомъ Архангельскаго Губернатора, изъ Управляющаго мѣст-

ною конторою Государственного Банка, непремѣннаго члена губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія и другихъ лицъ, по приглашенію Губернатора. § 8. Комитету предоставляется уменьшать, по своему усмотрѣнію, размѣръ испрашиваемыхъ ссудъ, равно потребовать относительно кредитоспособности заемщиковъ дополнительные свѣдѣнія и справки. § 9. Комитетъ разсматриваетъ ежегодно лишь тѣ ходатайства о ссудахъ, которыя, указаннымъ въ §§ 4 и 5 порядкомъ, будутъ представлены на его обсужденіе не позже Августа мѣсяца, съ тѣмъ, чтобы о всѣхъ разрѣшенныхъ на ближайшій промысловый срокъ ссудахъ могло быть объявлено во всеобщее свѣдѣніе къ 1 Сентября. § 10. Оповѣщеніе о разрѣшенныхъ ссудахъ производится въ Поморьѣ повсемѣстно путемъ вывѣшиванія списковъ заемщиковъ въ волостныхъ, городскихъ и полицейскихъ управленіяхъ, въ таможенныхъ и мурманскихъ становищахъ. § 11. Разрѣшенныя комитетомъ ссуды выдаются заемщикамъ Архангельскою конторою Государственного Банка, чрезъ посредство мѣстныхъ волостныхъ правленій, начиная съ 1 Ноября. При полученіи ссуды всѣ участники артели подписываютъ обязательство по прилагаемой формѣ, и каждому изъ нихъ выдается печатный экземпляръ настоящихъ правилъ, для ознакомленія ихъ съ условіями возврата ссудъ. § 12. Ближайшій порядокъ пересылки денегъ, какъ при выдачѣ ссудъ, такъ и при возвратѣ оныхъ заемщиками, устанавливается Комитетомъ. § 13. Артели, не взявшія разрѣшенныхъ имъ ссудъ до 1 Февраля, считаются отказавшимися отъ оныхъ; въ такомъ случаѣ высланныя для выдачи артелямъ деньги подлежатъ возврату въ Архангельскую контору Государственного Банка. § 14. Размѣръ роста по ссудамъ опредѣляется въ $\frac{1}{20}$ % въ мѣсяцъ. Проценты удерживаются при выдачѣ ссуды и исчисляются съ 1 Ноября, хотя бы ссуда и была взята заемщиками позже. § 15. Ссуды выдаются на срокъ одиннадцати мѣсяцевъ, считая съ 1 Ноября по 1 Октябръ слѣдующаго года; но артели предоставляется возвратить ссуду, полностью или по частямъ, и ранѣе указаннаго срока, причемъ допускается зачетъ взысканныхъ впередъ процентовъ, но лишь за полные остающіеся до срока ссуды мѣсяцы. § 16. Выданныя ссуды обезпечиваются: а) имуществомъ артели, которое впредь до полного погашенія ссуды не подлежитъ продажѣ на пополненіе частныхъ долговъ участниковъ артели, и б) личнымъ имуществомъ участниковъ,

отвѣтствующихъ круговымъ ручательствомъ за исправный возвратъ ссуды. § 17. Артель, получившая ссуду, но не вышедшая на промыселъ въ срокъ, указанный въ заявленіи, упомянутомъ въ § 4, считается распавшеюся, и въ такомъ случаѣ ссуда безотлагательно взыскивается съ артели, порядкомъ, установленнымъ въ § 18. Съ артелей, которыя къ 1 Октября не возвратятъ выданныхъ имъ ссудъ, производится, на основаніи постановленій Комитета, взысканіе въ порядкѣ, установленномъ для взысканія казенныхъ податей и сборовъ. При этомъ, взысканіе обращается, прежде всего, на артельное имущество, а затѣмъ, въ случаѣ недостаточности сего послѣдняго, на личное имущество кормщика и, наконецъ, на личное имущество прочихъ участниковъ артели. § 19. Отсрочка въ уплатѣ ссудъ разрѣшается заемщикамъ въ уважительныхъ случаяхъ, по ближайшему усмотрѣнію Комитета. § 20. Архангельская контора Государственнаго Банка составляетъ ежегодно отчетъ о движеніи ссудъ поморамъ. Отчетъ этотъ представляется, чрезъ Губернатора, Министрамъ Финансовъ и Внутреннихъ Дѣлъ».

То есть, другими словами, «правила» дали совершенно обратное тому, что отъ нихъ ожидали.

Однако, какъ бы тамъ ни было, началась выдача ссудъ, и результаты не замедлили обнаружиться. Чрезъ восемь лѣтъ изъ 74 артелей, организовавшихся при помощи ссудъ, осталось всего 10, остальные 64 артели распались, задолжавъ по ссудамъ около 8500 р. Всего же было взято въ ссуду 16.410 р.; по манифесту изъ 8 съ половиною тысячъ рублей долга было сложено 4022 рубля (14-го Ноября 1894 г.) и, наконецъ, остальные 4022 р. по послѣднему манифесту также сложены, а въ теченіе 94-го и 95-го годовъ новыхъ случаевъ выдачи ссудъ не было, такъ что дѣло можно считать окончательно прекратившимся. Оффиціальныя отчеты признаютъ, что эта «мѣра оказалась не совсѣмъ успѣшной....» и объясняютъ неуспѣшность ея «отчасти малой удачностью промысловъ послѣднихъ лѣтъ, а главнымъ образомъ причинами, лежащими въ самой организаціи ссудъ, и именно *въ слишкомъ малой цѣлѣ нормъ и краткосрочности....*» «Ссуда въ 215 руб. на карбась и въ 430 руб. на шняку далеко не достаточна для артели, которой необходимо на эти деньги пріобрѣсти промысловое судно со всеми рыболовными снастями и обезпечить на все время промысла при-

пасами какъ себя, такъ и свою семью. Затѣмъ,—говорятъ официальные отчеты,—исправному возвращенію ссудъ немало препятствовало также и обязательство промышленника вернуть ее къ 1-му Октября слѣдующаго послѣ выдачи года, такъ какъ къ этому времени поморъ далеко не всегда успѣваетъ сбыть продукты своего промысла....»

Такъ говорятъ официальные отчеты. Нѣсколько, однако, иначе смотреть на дѣло лица, имѣющія возможность на мѣстѣ видѣть дѣйствіе «правиль.» Эти лица прибавляютъ къ официальнымъ и другія объясненія.

Такъ, Книповичъ собралъ даже такіе факты, которые говорятъ за то, что ссуды артелямъ самостоятельныхъ ловцовъ «*въ значительной степени*» послужили на организацію промысла на началахъ покрута, т. е. содѣйствовали развитію того явленія, противъ котораго предназначались...» Вотъ эти факты. Въ одномъ изъ главнѣйшихъ становищъ Мурмана, Териберкѣ, изъ 10 промышленниковъ, взявшихъ ссуду, трое оказались хозяевами покрутскихъ артелей, причемъ у одного изъ нихъ было даже 28 покрученниковъ; затѣмъ еще 3 *были* рабочими-покрученниками, каковыми и остались послѣ полученія ссуды, и только остальные 4 вели дѣло самостоятельно. Другой фактъ не менѣе типичный.... Въ Гавриловѣ (тоже очень крупномъ становищѣ) было 30 человѣкъ, взявшихъ ссуду; у нихъ было 18 судовъ (11 шнякъ и 7 карбасовъ). Между тѣмъ, по словамъ Книповича, у *всѣхъ* самостоятельныхъ артелей, промышлявшихъ въ это время въ Гавриловѣ, шнякъ было всего 3,—слѣдоват., по крайней мѣрѣ 8 шнякъ изъ 11 принадлежало хозяевамъ покрута.....

Но это еще не все. Въ настоящее время можно считать вполне констатированнымъ фактъ, что выдача ссудъ производилась въ высшей степени неумѣло и неосмотрительно. Приведенные выше два факта въ достаточной мѣрѣ иллюстрируютъ неумѣлость и неосмотрительность и дѣлаютъ не нужными другіе аналогичные примѣры. Дѣйствительно, «правила» предусматриваютъ и семейное, и имущественное положеніе заемщика, и образъ его жизни въ смыслѣ гарантіи правильнаго употребленія и возврата ссуды и наконецъ, наличность у заемщика наемныхъ рабочихъ и т. д.. Однако, фактически это все принималось на вѣру лицомъ (чиновникомъ по крестьянскимъ дѣламъ), выдававшимъ ссуды, и, слѣдова-

тельно, все сводилось почти къ нулю. Въ самомъ дѣлѣ, не могъ же этотъ чиновникъ, не имѣя никакого представленія о личностяхъ заемщиковъ, не довѣрять приговорамъ и ѣздить каждый разъ на мѣстѣ провѣрять условія, требуемые «правилами»! Въ свою очередь приговоры составлялись обычнымъ на Руси порядкомъ, въ которомъ видную и даже главную роль играла водка и разныя «хозяйственные» соображенія сельскаго общества.

Несомнѣнно, что если-бы осуществилась хотя часть желаній поморовъ относительно созданія особаго управленія мурманскими промыслами, которому было-бы поручено тщательно изслѣдовать каждый случай ссуды, то, по крайней мѣрѣ, не было-бы такихъ безобразныхъ явленій, какъ въ Териберкѣ и Гавриловѣ.

Интересную картину рисуетъ Максимовъ, говоря о впечатлѣннѣ, которое произвели «правила» на поморовъ. «Чтобы сказать объ этомъ правду,—говоритъ онъ,—необходимо раздѣлить людей серьезныхъ, въ морскомъ отношеніи опытныхъ, честныхъ, отъ людей—охотниковъ до легкаго способа пріобрѣтенія денегъ, безъ серьезной мысли о томъ, принесетъ-ли ссуда существенную пользу, найдеть-ли заемщикъ возможность честно выполнить обязательства передъ правительствомъ и достанетъ-ли онъ дѣйствительно средства для самостоятельнаго веденія рыбнаго промысла на Мурманскомъ берегу.

При изученіи дѣла, я имѣлъ случай видѣть лицъ обѣихъ категорій и приведу такой примѣръ. Заѣхалъ я въ становище Земляная, что на западномъ берегу Мурмана. Четверо финляндцевъ обратились ко мнѣ съ просьбою написать имъ прошеніе о выдачѣ ссуды для самостоятельнаго веденія рыбнаго промысла. —Мы хотимъ купить ёлу въ Вардѣ,—говорили они.—Теперь мы покупаемъ ёлы обыкновенно у купца Бродкорна, но намъ приходится много переплачивать, пользуясь кредитомъ у него. Надо полагать, что выгоднѣе для насъ будетъ, если мы возьмемъ въ долгъ денегъ у правительства. Мы слышали, что русскимъ рыбакамъ выдаютъ ссуды, а мы, финны, проживающіе на Мурманскомъ берегу, также русскіе подданные, и царь у насъ одинъ.—А вы знаете правила о выдачѣ ссудъ поморамъ?—Нѣтъ, не знаемъ.—Я прочиталъ имъ эти правила. Нашелся переводчикъ, который перевелъ. Финны потопкались на мѣстѣ, почесали затылки, посоветовались и сказали:—нѣтъ, мы не хотимъ подавать прошеніе.

Мы не хотимъ просить ссуды у правительства.—Почему-же вы не хотите?—Мы не знали, что такія правила существуютъ, а при такихъ правилахъ невозможно брать ссуды.—Почему?—Потому, что мы ничего не можемъ сдѣлать вчетверомъ на 430 р. Хорошая ѣла, полезная для промысла, стоитъ по меньшей мѣрѣ 600 руб. Кромѣ того, развѣ мы можемъ взять ссуду на срокъ одиннадцати мѣсяцевъ? Если мы возьмемъ теперь 430 р., значить, каждому изъ насъ необходимо будетъ въ одинъ годъ, т. е. весною и лѣтомъ, выручить по сто слишкомъ рублей, чтобы вчетверомъ заплатить 430 руб. Намъ необходимо, однако, кромѣ того, выручить еще такую сумму денегъ, чтобы мы могли уплатить казенныя подати и прокормить наши семьи въ продолженіе цѣлаго года. Вы же знаете, какая цѣна на хлѣбъ существуетъ постоянно на Мурманѣ. А что, если промыселъ будетъ неудачный? Нѣтъ, нѣтъ,—говорили они,—мы не хотимъ подавать прошеніе.... Мы не знали... Мы думали, что правительство даетъ вспомошествованіе.... И они ушли.

Не такъ взглянули на дѣло выдачи ссудъ наши поморы.

—Онѣ, канальи,—разсказывали мнѣ хозяева-промышленники про своихъ бывшихъ покрученниковъ, получившихъ ссуды,—задолжалъ мнѣ такъ, что я не зналъ, какъ получить съ него долги. Я ему выстроилъ домъ, задалъ ему хлѣба, денегъ, чаю, сахару, а онѣ, мерзавецъ, пошелъ къ чиновнику по крестьянскимъ дѣламъ, взялъ ссуду и бросилъ меня, не заплативъ мнѣ ни копѣйки. Ну, и хорошо же! Очень прекрасно! Должно, казнѣ выгодно деньгами сорить. Пусть же она его и кормить. Только я вамъ доложу, что изъ этихъ правилъ никакого прока не будетъ.—И, дѣйствительно, онѣ были правы. Познакомившись съ людьми, взявшими ссуды, я пришелъ къ заключенію, что всѣ артели, составившіяся вначалѣ, при займѣ, изъ 4 человекъ, давнымъ-давно распались. Прежніе члены отошли, а карбась (преимущественно карбась) остался въ собственности одного кормщика, или шлюпка перешла въ другія руки. Всѣ собственники этихъ карбасовъ въ долгу у правительства. Никто изъ нихъ не уплачиваетъ долга согласно правиламъ. Приставамъ и урядникамъ стоитъ большого труда, чтобы получить съ должника въ продолженіе лѣта хотя бы самое ограниченное количество рублей въ уплату казеннаго долга....»

Эти прямо изъ жизни выхваченныя сцены гораздо лучше и живѣе объясняютъ неуспѣхъ «правиль», чѣмъ всевозможные оф-

официальные отчеты. Конечно, до некоторой степени правы и эти отчеты, утверждая, что причинами неудачи, между прочимъ, были неудачные промыслы въ первые годы выдачи ссудъ и дороговизна хлѣба, но все-таки главными причинами остаются только названные выше, т. е. *краткосрочность ссудъ, чрезвычайно малый ихъ размѣръ* и выдача ихъ безъ достаточной осмотрительности, или, вѣрнѣе, плохая организація чисто технической стороны дѣла—помощи самостоятельнымъ артелямъ.

Если читатель припомнитъ вышеприведенные расчеты стоимости снаряженія карбаса и шняки въ первый и второй годы промысла и другіе элементы, изъ которыхъ слагаются издержки на производство промысла, то легко себѣ представить, что 215 р. въ первомъ случаѣ и 430 р. во второмъ далеко было не достаточно, такъ какъ вся ссуда въ обоихъ случаяхъ должна уйти на снаряженіе, и, строго говоря, ея даже не хватитъ на первоначальное обзаведеніе. Слѣдовательно, промышленнику *volens-nolens* придется прибѣгать къ кулацкому кредиту для содержанія семьи во время самого промысла. Очевидно, что только въ случаѣ очень удачнаго промысла самостоятельныя артели могли сразу возвратить ссуду,—при малѣйшей неудачѣ онѣ разорялись и неминуемо разпадались. По имѣющимся даннымъ, дѣйствительно, видно, что артели почти всѣ распались, а члены ихъ обратились въ большинство случаевъ въ покрученниковъ, и лишь очень незначительная часть ихъ сдѣлалась въ свою очередь хозяевами покрута. Такимъ образомъ даже въ случаяхъ благоприятныхъ ссуда только содѣйствовала образованію мелкаго промышленника-капиталиста, или, вѣрнѣе, кулака.

Гора родила мышь..., и въ настоящее время, какъ это мы видѣли, даже официальные лица признаютъ это.

Теперь остается еще сказать нѣсколько словъ о самостоятельныхъ промышленникахъ Кольскаго уѣзда, и мы перейдемъ къ общей характеристикѣ экономической стороны мурманскихъ промысловъ.

Эта категорія самостоятельныхъ промышленниковъ владѣетъ судами болѣе совершеннаго типа, если не всегда, то болѣе часто. Это, въ большинствѣ случаевъ, ёлы норвежскаго типа, что, кстати сказать, объясняется присутствіемъ среди самостоятельныхъ промышленниковъ Кольскаго уѣзда большого числа норвежскихъ и

финскихъ колонистовъ. Въ соотвѣтствіе съ болѣе совершеннымъ типомъ промысловаго судна, кольскіе самостоятельныя ловцы употребляютъ и болѣе совершенные способы лова, т. е. смѣшиваютъ удобнѣйшій ловъ съ яруснымъ (употребляя *короткій* ярусъ) на одномъ и томъ-же суднѣ, употребляя оба эти способа, смотря по обстоятельствамъ.

Однако, нужно сказать, что этотъ смѣшанный типъ лова практикуется почти исключительно финнами и норвежцами и иногда корелами—русскіе-же промышленники держатся традиціоннаго яруса и притомъ очень длиннаго.

Распределеніе добытой рыбы на русскихъ судахъ (шнякахъ) обычное при артельномъ производствѣ, т. е. уловъ дѣлится между всѣми участниками поровну. Совсѣмъ иначе дѣло стоитъ у норвежскихъ и финскихъ колонистовъ. У нихъ обыкновенно одинъ изъ пайщиковъ есть и собственникъ въ то-же время судна (ѣла гораздо дороже шняки, особенно большая); въ силу этого уловъ распределяется не поровну, а такъ, чтобы хозяину судна шла $\frac{1}{7}$ часть улова, а остальное дѣлится между пайщиками поровну.

Такъ какъ группа самостоятельныхъ ловцовъ Кольскаго уѣзда представляетъ собою группу осѣдлаго населенія—колонистовъ, то пока мы не станемъ останавливаться на болѣе подробной характеристикѣ ихъ экономическаго положенія, ибо о колонистахъ Мурмана вообще, а въ томъ числѣ и Кольскаго уѣзда, мы будемъ говорить въ своемъ мѣстѣ.

Чтобы дать представленіе о размѣрахъ мурманскихъ промысловъ, мы приведемъ относящіеся сюда данныя за послѣдніе только года. Изъ этихъ данныхъ видно, что число судовъ, занятыхъ промысломъ на Мурманскомъ берегу, колеблется въ довольно значительныхъ предѣлахъ по годамъ. Такъ, общая цифра промысловыхъ судовъ въ 1892 г. равнялась 899, между тѣмъ, въ слѣдующемъ, 1893 г.—ихъ было только 769, въ слѣдующемъ (94 г.) число это снова увеличивается на громадную цифру, достигая 997 и въ 95 году немного падаетъ до цифры 963. Число промышленниковъ, конечно, находится въ полномъ соотвѣтствіи съ числомъ судовъ. Присоединяя сюда данныя ежегодныхъ улововъ, получимъ такую таблицу:

Годъ.	Число судовъ.	Число промысл.		Число пуд. добытой рыбы и жира.		На сумму.
		Хозяевъ	Покруч.	Рыбы.	Жира.	
Въ 1892 г.	899	709	2390	710.376	67.144	324.952
» 1893 г.	769	676	2408	584.627	50.220	295.755
» 1894 г.	997	815	3173	713.896	65.990	350.959
» 1895 г.	963	768	3006	799.325	39.840	516.415

Разсматривая внимательно приведенную таблицу, можно замѣтить, что особенными колебаніями отличается цифра, выражающая результаты промысловъ, особенно въ графѣ стоимости продуктовъ промысла. Это и понятно, такъ какъ уловъ на Мурманѣ не есть болѣе или менѣе опредѣленная величина, ибо, благодаря чисто естественнымъ причинамъ, уловъ можетъ быть больше и меньше, въ зависимости отъ удаленія Гольфстрема отъ береговъ, отъ погоды, отъ массоваго нашествія «кожи» и др. причинъ. Но даже вѣдъ этихъ причинъ, мурманскіе уловы, благодаря несовершенной организаціи промысла, дѣлающей изъ промысла до нѣкоторой степени лоттерей, очень непостоянны. Достаточно указать, наприм., на случайность извѣстій о ходѣ рыбы—промышленники узнаютъ объ этомъ въ большинствѣ случаевъ, именно, случайно: зашелъ въ становище пароходъ и сказалъ, что рыба туда-то идетъ, и промышленники устремляются въ указанномъ направленіи, но пароходъ можетъ и не зайти въ данное мѣсто, какъ можетъ не зайти и никакое другое судно... Въ настоящее время вдоль берега проводится телеграфъ, какъ въ Норвегіи, и, конечно, движенія стай рыбы не будутъ теперь узнаваться случайно, что въ свою очередь отниметъ у промысла въ значительной степени его лоттерейный характеръ.

Въ концѣ книги мы прилагаемъ таблицу общихъ цифръ, характеризующихъ въ самыхъ, конечно, грубыхъ чертахъ общее положеніе мурманскихъ промысловъ въ теченіе послѣднихъ 16 лѣтъ (приложенія № 6-й А и В). Таблицы эти какъ нельзя болѣе убѣдительно показываютъ, что въ сущности мурманскіе промыслы, *на хороший конецъ*, стоятъ на мертвой точкѣ въ смыслѣ развитія,

т, е. скорѣ регрессируютъ, чѣмъ прогрессируютъ, такъ какъ въ области производства всякое стояніе на мертвой точкѣ, въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго промежутка времени, есть уже регрессъ.

Представленіе о мурманскихъ промыслахъ было-бы неполное, если-бы мы не показали, въ какихъ пропорціяхъ находятся уловы различныхъ видовъ промысловыхъ рыбъ къ общему итогу улова. Треска, какъ мы говорили, занимаетъ доминирующее мѣсто въ ряду промысловыхъ рыбъ Мурмана, но въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ пунктахъ побережья иногда и другіе виды рыбъ занимаютъ ея мѣсто. Къ сожалѣнію, въ официальныхъ данныхъ нѣтъ никакихъ рѣшительно указаній относительно улововъ различныхъ видовъ промысловыхъ рыбъ за цѣлый рядъ лѣтъ и отдѣльно по каждому становищу. Поэтому по необходимости приходится довольствоваться данными, относящимися только къ 1889 и 1893 г.г., которыя мы находимъ у Книповича.

Вотъ эти данныя:

Уловы въ становищахъ Западнаго Мурмана *):

Становища:	Палтусы.		Трески.		Пикшуя.		Сайды.		Воюксы.		На сушеніе трески.	
	1889г	1893г	1889г	1893г	1889г	1893г	1889г	1893г	1889г	1893г	1889г	1893г
Воръема . . .	—	5	1235	4680	1875	1400	16900	1200	5166	685	600	—
Финманское . .	—	—	1850	1770	2000	220	15000	500	5166	244	840	1500
Столбовое . . .	—	—	2215	1170	5025	470	27100	950	5166	256	630	485
Малонѣмецкое.	110	—	3316	2470	7620	1275	—	—	872	365	—	—
Земляная . . .	—	—	2500	—	4200	—	—	—	544	—	—	—
Червяная . . .	—	—	360	—	500	—	—	—	56	—	—	—
Вайда-Губа. . .	442	734	17258	70640	4354	5550	28000	240	3960	6597	—	4400
Зубовск. остр.	20	—	400	—	185	—	—	—	47	—	—	—
Цыль-Навол.	35	—	535	—	100	—	—	—	60	—	—	—
Китовск. остр.	—	—	4000	2830	4500	755	—	—	700	358	500	—
Ура	—	—	2000	—	2100	—	—	—	390	—	—	—
Типаново . . .	10	—	1000	—	335	—	—	—	120	—	—	—
Маловолокова	—	—	700	—	1100	—	—	—	160	—	—	—
Больш. Мотка.	—	—	1050	—	2500	—	—	—	275	—	—	—
Мотовскій зал.	—	8	—	900	—	330	—	—	—	123	—	—

Кромѣ того, въ 89 году отмѣченъ ловъ семги въ Моткѣ (865 пуд.) и въ Печенгской Губѣ (600 пудовъ).

*) Кромѣ улововъ семги и зубатки, ловившихся въ теченіе 1889 и 1893 г.г. въ очень незначительныхъ размѣрахъ.

Уловы въ становищахъ Восточнаго Мурмана были: *)

Становища.	Палтуса.		Трески.		Пикшуя.		Сайды.		Воюксы.		На сушеніе трески.	
	1889г.	1893г.	1889г.	1893г.	1889г.	1893г.	1889г.	1893г.	1889г.	1893г.	1889г.	1893г.
Малое-Оленье.	174	—	9204	21716	14307	2916	—	—	1633	1500	166	—
Климовка . .	—	—	—	1295	—	255	—	—	—	101	—	—
Зарубиха . .	—	—	—	1165	—	150	—	—	—	105	—	—
Териберка . .	1538	950	25512	60586	36419	20415	4160	—	6580	6025	528	12
Гаврилово . .	2075	222	62295	113940	42650	30592	—	—	7562	13924	—	865
Тряпино . .	99	—	11300	26281	3250	8260	—	—	1140	3527	—	12
Порчиха . .	50	—	1030	—	440	—	—	—	295	—	—	—
Щербиниха . .	—	—	—	870	—	320	—	—	—	119	—	—
Захребетная .	—	—	—	5550	—	1874	—	—	—	752	—	—
Пельшино . .	200	—	7720	17737	5590	8150	—	—	948	2552	—	140
Зеленцы . .	—	—	—	1085	—	348	—	—	—	71	—	—
Ринда . . .	—	156	30680	38760	9050	12420	—	—	3118	4396	—	898
Золотая . . .	—	76	11400	16620	4500	8410	—	—	1220	1598	—	693
Харловка . .	—	118	11790	17984	4560	10124	—	—	1227	1677	—	—
Семь-Остров. .	—	—	1280	1150	830	250	—	—	163	126	—	—
Шубино . .	—	—	—	380	—	290	—	—	—	30	—	—
Восточн. Лица.	—	—	21000	18100	16660	10633	—	—	2533	1839	—	—

Второе мѣсто, вообще говоря, въ ряду промысловыхъ рыбъ занимаетъ пикшуя, рыба менѣ цѣнная, чѣмъ треска. Вообще, приведенныя данныя даютъ довольно ясное представленіе о томъ, въ чемъ находится центръ тяжести всего мурманскаго промысла, и объясняютъ, почему мы до сихъ поръ, дѣлая характеристику этого промысла, почти исключительно говорили о трескѣ. Мурманскій берегъ въ отношеніи ловли трески представляетъ неисчерпаемый источникъ богатства. Правда, весенній ловъ трески на Мурманѣ хуже, чѣмъ на Финмаркенскомъ берегу, зато лѣтніе ловы въ свою очередь превосходятъ норвежскіе. «Поэтому и всѣ норвежскіе рыбопромышленники,—ишьеть Максимовъ,—мечтаютъ о правѣ ловли на Мурманѣ, какъ о величайшей счастѣ, которое имъ не дается....»

Между тѣмъ, русскіе капиталисты и поморы на Мурманѣ разоряются, въ то время, какъ норвежцы въ періодъ какихъ-нибудь 80 лѣтъ создаютъ на берегахъ Финмаркена благоустроенные горо-

**) Кроме семги и зубатки.

да, построенные исключительно на средства, даваемые ловомъ трески. Однако, у норвежцевъ, ведущихъ дѣло на капиталистическій ладъ, все-таки нѣтъ такихъ хозяевъ-рыбопромышленниковъ, какіе существуютъ у насъ на Мурманѣ, гдѣ преобладающей формой экономическихъ отношеній является не чисто капиталистическій покрутъ, а въ одной пятой случаевъ даже чисто артельная форма организаціи труда. Въ Норвегіи есть двѣ категоріи—промышленники и купцы (скупающіе рыбу), но «хозяевъ» въ русскомъ смыслѣ слова нѣтъ. Кромѣ того, норвежцы имѣютъ рынки для сбыта рыбы въ Испаніи, Италіи, Остѣ-Индіи, Бразиліи и даже Германіи и прежде всего потому, что умѣютъ готовить продукты рыболовства. Нельзя сказать, что норвежцы снабжаютъ Европу рыбой потому, что не имѣютъ другихъ конкурентовъ, кромѣ русскихъ рыбопромышленниковъ, промыселъ которыхъ и торговля находятся въ состояніи полной дезорганизаціи. Нѣтъ, норвежцамъ приходится имѣть дѣло съ очень опасными конкурентами въ лицѣ французскихъ рыбопромышленниковъ, и однако норвежская рыба находитъ широкій сбытъ на европейскихъ и др. рынкахъ.

Между тѣмъ, говоря строго, треска и др. продукты мурманскаго рыболовства распространяются только въ Петербургъ и Архангельской губерніи. Вездѣ, куда только проникаетъ астраханская и донская рыба, треска уступаетъ имъ мѣсто по очень понятной причинѣ: она дороже ихъ. О заграничныхъ рынкахъ не можетъ быть и рѣчи.

Лучшія характеристики нашей торговли и промышленной дѣятельности на Мурманскомъ побережьи мы находимъ въ трудѣ Островскаго, нашего консула въ Норвегіи, и въ извѣстномъ трудѣ проф. Данилевскаго по изслѣдованію рыбной промышленности на сѣверѣ. Впрочемъ, почти всѣ бытописатели Мурмана сходятся въ томъ, что положеніе какъ вообще промышленной дѣятельности на Мурманѣ, такъ, въ особенности, нашихъ торговыхъ сношеній съ Норвегіей, отличается крайними аномаліями.

Для характеристики организаціи промысловъ было уже достаточно сказано—остается поэтому дополнить картину экономического состоянія Мурмана данными, относящимися къ нашей торговлѣ продуктами рыболовства.

Торговля съ Норвегіей тѣсно связана съ мурманской промышленностью, и безъ знакомства съ первой нельзя ясно пред-

ставить себѣ состояніе второй. Торговля эта началась съ половины прошлаго столѣтія и существуетъ до нашихъ дней, постоянно развиваясь. Въ сущности вся почти торговля носитъ мѣновой характеръ—русскія суда, нагруженныя преимущественно мукой и вообще продуктами земледѣлія, по издавна заведенному порядку приходятъ въ гавани Вадзе, Вардэ, Гамерфеста и Тромзе, гдѣ подвергаются таможенному осмотру и затѣмъ приступаютъ къ обмѣну своего товара на рыбу у финмаркенскихъ рыбопромышленниковъ. Русскіе поморы—судовладѣльцы, на судахъ которыхъ привозятся въ Норвегію вышеуказанные товары, иногда оставляютъ свои суда зимовать въ Вардэ или на западномъ берегу Мурмана, чтобы быть поближе къ Финмаркену. Эта категория судовладѣльцевъ въ то-же время и крупные хозяева покрута, имѣющіе по нѣсколько шнякъ; они задаютъ съ осени промышленникамъ задатки и собираютъ покрученниковъ ранней весной на берегъ Финмаркена, гдѣ путемъ фиктивныхъ сдѣлокъ съ норвежскими промышленниками русскіе покрученники занимаются ловомъ трески въ самое благоприятное время, т. е. ранней весной. Но такихъ промышленниковъ всегда было очень немного, такъ какъ для подобныхъ операцій нужно было обладать нѣкоторымъ капиталомъ, а въ послѣднее время, повидимому, совсѣмъ уже нѣтъ такихъ предпринимателей на Мурманѣ, ибо норвежцы, понявъ невыгодность для нихъ этихъ торгово-промышленныхъ операцій, перестали заключать съ русскими поморами фиктивные сдѣлки.

Большая-же часть судовъ русскихъ, нагрузившись въ Россіи мукой, крупой и лѣсомъ и выдержавъ таможенный осмотръ въ Норвегіи, разсыпаются по заливамъ и становищамъ Финмаркена и дѣятельно занимаются обмѣномъ на рыбу. Издавна это право русскихъ производить непосредственно мѣновую торговлю съ норвежскими рыболовами возбуждало неудовольствіе норвежскаго торговаго класса. Впрочемъ, это право непосредственной торговли, безъ содѣйствія норвежскихъ купцовъ принадлежитъ русскимъ только съ 15-го Іюня, а такъ какъ по климатическимъ условіямъ Финмаркена самый дорогой сортъ рыбы, заготавливаемый для европейскихъ рынковъ (Rundfisk, Klippfisk), можетъ быть приготовленъ только до 15-го Іюня, то, очевидно, для русскихъ, предоставленный имъ свободный срокъ для мѣновыхъ сношеній, не представляетъ особенныхъ выгодъ, давая возможность только засаливать

рыбу *). До 15-го Іюни русскіе могутъ вести торговлю только при посредствѣ норвежскихъ купцовъ. Благодаря этому, норвежцы имѣютъ громадныя преимущества передъ русскими и держатъ ихъ въ своихъ рукахъ. Положеніе русскихъ купцовъ и промышленниковъ (промышляющихъ на берегахъ Финмаркена) было-бы совсѣмъ невозможно, если-бы въ свою очередь норвежцы не нуждались въ русскомъ сырѣ: хлѣбѣ, крупѣ, дровахъ, лѣсѣ и т. п. Норвежскіе законы воспрещаютъ русскимъ промышлять рыбу на своихъ судахъ во многихъ еще становищахъ Финмаркена**), кромѣ Вардэ,— въ Вардэ же въ особенности, и потому именно, что тамъ весенній промыселъ лучше, чѣмъ гдѣ-бы то ни было. Постоянная потребность въ русскомъ сырѣ заставляла, однако, норвежцевъ быть уступчивыми, вслѣдствіе чего въ теченіе послѣднихъ лѣтъ у русскихъ поморовъ вошло въ обычай заключать съ норвежскими купцами фиктивные договоры, благодаря которымъ русскія суда записывались какъ норвежскія и приобретали въ силу этого право ловить рыбу въ Вардэ. Пока эти фиктивные сдѣлки практиковались, русскіе предприниматели получали хорошіе барыши, и число русскихъ судовъ, промышлявшихъ у береговъ Финмаркена, достигало довольно крупной цифры. Однако, финмаркенскіе купцы, понявъ невыгодность для себя такихъ сдѣлокъ, въ послѣднее время не только ихъ прекратили, но и предприняли цѣлый походъ противъ русскихъ поморовъ съ цѣлю понизить цѣны на продукты норвежской рыбопромышленности. Походъ норвежскихъ купцовъ удался—въ настоящее время въ Норвегію ходятъ только на лѣтній промыселъ и притомъ такая категорія поморовъ—судовладѣльцевъ, которая оперируетъ товарами, взятыми въ кредитъ, и собственнаго капитала не имѣетъ. Норвежскіе купцы добились своей цѣли очень простымъ способомъ. Надо было возстановить законъ, не позволяющій русскимъ промышлять у береговъ Финмаркена въ извѣстное время или позволяющій промышлять, но съ соблюденіемъ установленныхъ закономъ условій, т. е. производить промыселъ не болѣе 30 верстъ отъ берега и непременно съ норвеж-

*) Съ 15-го Іюня на Финмаркенѣ наступаетъ сырая погода и туманы, мѣшающіе сушить треску (Rundfisk), благодаря тому, что отъ сырости въ рыбѣ заводятся черви—шаке, почему и время свободной мѣшовой торговли русскихъ называется у норвежцевъ Maketied.

**) Кибергъ, Гавнигбергъ, Водефіордъ, Берлевогъ, Гамвигъ и Стенсвигъ.

скимъ кормчимъ. Норвежскіе купцы подбили промышленниковъ Вардэ подать правительству жалобу на стѣсненія, которыя они испытываютъ отъ незаконной ловли русскими судами (записанными на имя норвежскихъ подданныхъ) въ Финмаркенскихъ водахъ. Результатомъ этой жалобы было запрещеніе подъ страхомъ конфискаціи записывать русскія суда на норвежцевъ и подтвержденіе необходимости строго соблюдать законъ о ловлѣ на извѣстномъ разстояніи отъ берега и съ норвежскимъ кормчимъ. «Большаго стѣсненія,—говорить Максимовъ—нельзя было придумать. Лучшіе люди были заняты на норвежскихъ ёлахъ. Русскимъ доставались кормщиками пьяницы и негодяи, которые забирали деньги впередъ и уходили. Наши промышленники теряли время на пріисканіе другого кормщика, который продѣлывалъ съ ними ту-же штуку....» Дѣйствительно, до возстановленія закона русскихъ судовъ въ одномъ становищѣ Кибергъ было 74 и людей—296. Но уже въ 92 г., послѣ циркулярнаго оповѣщенія всѣхъ русскихъ промышленниковъ и судовладѣльцевъ о необходимости строго соблюдать упомянутый законъ, число судовъ на Финмаркенскомъ берегу сразу упало до 17 и людей—67. «Замѣчательно, комментируетъ Максимовъ, что циркуляръ былъ изданъ административнымъ образомъ, а содержаніе закона, приведеннаго въ циркулярѣ, не было обсуждено въ парламентѣ народными депутатами, что не согласуется съ основными законами страны, равно какъ содержаніе циркуляра не было опротестовано и нашимъ генеральнымъ консуломъ въ Христианіи....»

Роль помора во время его лѣтнихъ операцій въ Норвегіи тоже не особенно завидна. Когда русскіе поморы стоятъ въ Вардэ большой эскадрой, то, естественно, каждому изъ нихъ хочется какъ можно скорѣе нагрузиться рыбой и идти въ Архангельскъ. Благодаря этому, русскіе поморы другъ передъ другомъ сбиваютъ цѣны на свой товаръ, иногда до невѣроятныхъ предѣловъ. Вообще же говоря, можно считать обыкновеннымъ явленіемъ, что *русская мука* и т. п. товары стоятъ въ Норвегіи дешевле, чѣмъ въ Архангельскѣ, гдѣ поморы забираютъ ихъ въ кредитъ. Иначе поступать поморы не могутъ, такъ какъ, забирая, навязываемый имъ архангельскими купцами, товаръ въ большемъ, чѣмъ нужно, количествѣ, не сообразуясь ни съ спросомъ, ни съ предложеніемъ, поморъ поставленъ въ необходимость или прекращать свои опера-

ции, или сбывать свой товар по минимальнымъ цѣнамъ въ расчетъ выручить потерю на норвежской рыбѣ, которая въ Норвегіи *гораздо дешевле, чѣмъ въ Архангельскѣ*. Прекрасно иллюстрирующій такое нелѣпо-парадоксальное состояніе нашей торговли съ Норвегіей разговоръ записываетъ Максимовъ.

— Зачѣмъ вы ходили лѣтомъ въ Норвегію?—спрашиваю я помора.

— Торговать,—отвѣчаетъ тотъ.

— Расскажите, какъ вы торговали.

— Я взялъ въ кредитъ въ Архангельскѣ 300 штукъ бревенъ, обтесанныхъ съ двухъ сторонъ, длиною 9 аршинъ, толщиною 4—6 вершковъ. 20 Мая вышелъ въ Тромзе. Продавалъ эти бревна по 2 кроны за штуку (1 руб.).

Замѣтите, что каждое бревно (6-ти вершковое) вытесано изъ 7-ми вершковаго дерева, а за 7-ми вершковое дерево заводчикъ платитъ въ казну по таксу 2 руб. 95 коп. Кромѣ того, онъ долженъ-же взять съ помора барышъ. Слѣдовательно, поморъ продаетъ бревна въ убытокъ. На что-же онъ надѣется?

— Нѣкоторыя бревна я обмѣнивалъ на соль. Бочка соли въ 7 пудовъ обмѣнивалась при обмѣнѣ въ 3 кроны 25 эръ (приблизительно 1 руб. 65 коп.).

Во всякомъ случаѣ, убытокъ. Но поморъ считаетъ, что онъ продалъ, при обмѣнѣ, съ барышомъ, потому что, если бы ему пришлось покупать соль на Мурманѣ, то онъ принужденъ былъ-бы платить 26, 29, 35 и 40 коп. за пудъ.

— Потомъ я отправился шхерами,—продолжалъ рассказывать поморъ,—на югъ, въ становище Хольменъ. Здѣсь я обмѣнивалъ муку на рыбу. За одинъ пудъ муки (1 р. 50 коп., если куль стоить 13½ руб.) мнѣ давали 6 пуд. сайды, которую я продавалъ на ярмаркѣ по 65 коп. за пудъ.

Положите фрахтъ, стоимость соли (5 пуд. соли на 20 пуд. рыбы), за трудъ посолки и получится, все-таки, барышъ. Фрахтъ остается въ его пользу.

— За одинъ пудъ муки мнѣ давали одну палтусину, больше пуда. Палтусина продается средняя за 3 руб. пудъ, а крупная—4 руб. пудъ. Палтусины было малость, и я ее оставилъ для себя. За одинъ пудъ муки мнѣ давали 2 пуда свѣжей трески, которую, посоливъ, я продавалъ за 1 р. 50 коп. пудъ.

Слѣдовательно, и при этомъ онъ имѣлъ нѣкоторый барышъ, да фрахтъ остался въ его пользу. Когда онъ возмѣстилъ убытки, понесенные при продажѣ бревенъ, то много-ли барыша осталось въ его пользу? Онъ работаетъ изъ-за фрахта. И такъ, поморъ надѣется всегда выкрутиться изъ бѣды при продажѣ рыбы, какія-бы невыгодныя сдѣлки онъ ни совершалъ, пользуясь чужимъ товаромъ. Если случается плохой промыселъ или слишкомъ обильный на Мурманѣ, или урожай грибовъ и овощей въ губерніи, то надежды помора, торгующаго въ Норвегіи, лопаются, какъ мыльный пузырь, и онъ банкротится. Интересы двухъ партій поморовъ—мурманскихъ и лѣтне-норвежскихъ—до нѣкоторой степени противоположны. Все это не служить признаками нормальности торговли....»

Ясно, что подобныя, по-истинѣ дутыя, операціи нашихъ поморовъ не могутъ долго продолжаться. И въ настоящее время наиболѣе солидные изъ поморовъ, обладающіе нѣкоторымъ капиталомъ и болѣе осторожные, совсѣмъ прекратили торгъ въ Норвегіи и ходятъ только на Мурманъ.

Для мурманскаго промышленника, оперирующаго продуктами рыболовства, самыми условіями, въ какихъ протекаетъ его дѣятельность, создается своего рода *circulus viciosus*—для операцій на Мурманѣ нужны деньги, на которыя онъ покупаетъ соль и рыбу, а у него есть только судно. Достать денегъ можно только у архангельскаго купца, или, вѣрнѣе, можно достать въ кредитъ товаръ. Получивъ товаръ, поморъ во что бы то ни стало долженъ его сбыть въ обмѣнъ на рыбу, такъ какъ по норвежскимъ законамъ онъ не имѣетъ права сбывать его за деньги. Слѣдовательно, все зависитъ отъ того, оправдается-ли расчетъ на большую цѣну осенью въ Архангельскѣ и низкую цѣну въ Норвегіи лѣтомъ? Какъ нетрудно видѣть, въ хаотическомъ беспорядкѣ, который царитъ въ области нашихъ торговыхъ сношеній съ Норвегіей, подобные расчеты болѣе или менѣе фантастичны и приводятъ неизбежно въ концѣ концовъ къ крахамъ и банкротствамъ.

Несмотря, однако, на въ высшей степени ненормальныя условія торговли съ Норвегіей, она замѣтно растетъ даже въ настоящее время, а въ прошломъ, до стѣснительныхъ мѣръ, принятыхъ въ отношеніи ея норвежцами, ростъ этотъ совершался въ очень крупныхъ размѣрахъ. Такъ, проф. Данилевскій приводитъ данныя

за 9 лѣтній періодъ времени съ 1782 г. по 1790 г. о привозѣ продуктовъ мурманскаго рыболовства ко всѣмъ бѣломорскимъ портамъ, причемъ изъ этихъ данныхъ видно, что въ среднемъ выводѣ привозъ этотъ составляли 189.309 пудовъ (трески, палтуса, сайды, сала и т. д.). Нужно замѣтить, что въ этомъ числѣ считается и рыба, вымѣненная въ Норвегіи, такъ какъ до 1859 г. въ свѣдѣніяхъ Архангельской таможни не различалась рыба, выловленная на Мурманѣ, отъ рыбы, приобретенной въ Норвегіи. Въ десятилѣтіе съ 1826 г. по 1835 г. съ Мурмана среднимъ числомъ привозилось 177.249 пуд., а изъ Норвегіи 43.376 пуд.; въ слѣдующее 10-лѣтіе (съ 36 по 45 г. г.) съ Мурмана привозилось только 127.778 пуд., между тѣмъ, изъ Норвегіи привозъ увеличился до 111.518 пуд. Спустя 70 лѣтъ *), т. е. въ 1859 г., общій привозъ рыбы къ одному только Архангельскому порту возросъ до 326.981 пуд., а ко всѣмъ портамъ до 450.000 пуд., между тѣмъ какъ уловъ трески собственно на Мурманѣ оставался все время почти безъ перемѣны. **) Въ среднемъ выводѣ за десятилѣтіе съ 1855 по 1865 г. привозъ рыбы изъ Норвегіи возросъ до 377.235 пуд. Слѣдовательно, увеличеніе, и такое энергичное, привоза рыбы происходило, главнымъ образомъ, на счетъ норвежской рыбы. Въ теченіе послѣднихъ 35 лѣтъ развитіе мѣновой торговли съ Норвегіей и, слѣдовательно, ввозъ норвежской рыбы происходятъ менѣе интенсивно, какъ это можно видѣть изъ цѣлаго ряда данныхъ, относящихся къ этимъ годамъ и характеризующихъ состояніе мѣновой торговли нашей съ Норвегіей (см. приложение № 7-й.) Впрочемъ, какъ это видно изъ данныхъ, которыя мы находимъ у Гудевича, въ теченіе указанного времени былъ промежутокъ, когда привозъ изъ Норвегіи собственно трески возрасталъ очень энергично. Такъ.

Привозная треска съ русскаго берега.		Привозная треска изъ Норвегіи.
Годъ.		
1875	99.407. пуд.	532.290. пуд.
1876	127.442. »	604.883. »
1877	220.830. »	596.960. »

*) Мы пропускаемъ промежуточные годы, такъ какъ свѣдѣнія за эти годы слишкомъ недостоверны.

**) Точной цифры его опредѣлить нельзя.

1878	104.250. »	500.560. »
1879	150.540. »	695.680. »
1880	154.682. »	766.908. »
1881	268.725. »	813.795. »

Какъ ни незначительны приведенные факты, однако, и изъ нихъ нельзя не видѣть, что увеличеніе количества рыбы, привозимой съ Мурмана и изъ Норвегіи, можетъ быть доведено до гораздо большихъ предѣловъ. Очевидно, спросъ на продукты мурманской промышленности есть и, если удовлетворяется этотъ спросъ только на счетъ норвежской рыбы, то несомнѣнно онъ могъ-бы удовлетвориться и на счетъ продуктовъ мурманскаго происхожденія, во первыхъ и во-вторыхъ, только полная дезорганизация какъ самихъ промысловъ, такъ и торговли продуктами этихъ промысловъ, мѣшаетъ мурманской рыбѣ находить себѣ сбытъ далеко за предѣлами Архангельской губ., а не только въ одномъ Петербургѣ.

Конечно, съ точки зрѣнія развитія мурманскихъ промысловъ слѣдуетъ желать возможно болѣе широкаго распространенія продуктовъ именно мурманскаго происхожденія, но съ точки зрѣнія того ограниченнаго круга *потребителей* какъ мурманской, такъ и норвежской рыбы, который существуетъ въ настоящее время, желать такого распространенія особенно не приходится. Причины этому весьма понятны, ибо дешевая и лучшаго качества норвежская рыба, въ настоящее время доминирующая надъ русской, съ точки зрѣнія потребителя предпочтительнѣе дорогой и скверной русской. Такимъ образомъ, потребитель мурманской рыбы—въ большинствѣ случаевъ бѣдный крестьянинъ,—для котораго треска составляетъ главный пищевой продуктъ, можетъ только огорчаться относительнымъ замедленіемъ въ ростѣ нашей мѣнливой торговли съ Норвегіей.

Въ концѣ концовъ, какъ это ни обидно для нашего національнаго самолюбія, значительнѣйшая часть (иногда до $\frac{3}{4}$), ввозимой въ Архангельскій портъ и въ Петербургъ, рыбы вовсе не мурманскаго происхожденія, а норвежскаго. Подобное положеніе вещей, при наличности *неисчерпаемыхъ рыбныхъ богатствъ Мурманскаго моря*, является своего рода наглядной несообразностью, одной изъ тѣхъ несообразностей, которыми такъ богата вообще русская дѣйствительность и въ особенности народно-хозяйственная жизнь.

Выше мы не разъ указывали и на другія несообразности, и, по-скольку намъ позволялъ фактическій матеріалъ, мы старались показать логическую между ними связь. Но для полного уразумѣнія хаоса и дезорганизаціи въ экономической жизни нашего сѣвера недостаетъ очень многихъ деталей, и въ настоящемъ трудѣ почти невозможно ихъ всѣ даже намѣтить—для этого потребуется цѣлый рядъ изслѣдованій, которыя бы охватили по возможности всѣ крупнѣйшіе моменты народно-хозяйственной жизни всего сѣвера. Въ виду этого, въ настоящемъ трудѣ намъ приходится довольствоваться только тѣми явленіями, которыя имѣютъ непосредственное отношеніе къ Мурману.

Къ сожалѣнію, официальная статистика такъ плохо поставлена, что даже о такихъ крупныхъ явленіяхъ, какъ ввозъ къ намъ норвежской рыбы, приходится говорить не на основаніи точныхъ данныхъ, а на основаніи показаній свѣдущихъ людей и по приблизительнымъ вычисленіямъ. Официальныя данныя, на-прим., говорятъ, что въ 1894 г. въ Петербургъ и порты Балтійскаго моря было отправлено 321.196 пуд. трески, пикшуя, палтусины и зубатки, тогда какъ знатоки дѣла утверждаютъ, что въ Петербургъ одинъ вывозится гораздо больше рыбы; опять таки, по официальнымъ свѣдѣніямъ въ бѣломорскіе порты ввозится въ настоящее время 500—600 тысячъ пудовъ *норвежской рыбы*, между тѣмъ, такіе знатоки Мурмана, какъ Таратинъ, утверждаютъ, что въ настоящее время въ одинъ только Архангельскъ «ежегодно бываетъ подвозъ рыбы изъ Норвегіи на поморскихъ судахъ около 1.000.000 пудовъ....»

Во всякомъ случаѣ, несообразность положенія вещей очевидна—нашъ сѣверъ въ значительной мѣрѣ питается норвежской рыбой, имѣя богатѣйшія промыслы на Мурманскомъ побережьи, эксплуатируемые при томъ не со вчерашняго дня, а съ XIII столѣтія....

VI.

Колонизація Мурмана и бытовыя условія жизни промышленниковъ и колонистовъ.

Еще большей жизненной несообразностью на Мурманѣ является *колонизація* этого побережья. Но прежде, чѣмъ говорить о современномъ положеніи мурманской колонизаціи, бросимъ взглядъ на ея прошлое.

Древнѣйшимъ поселеніемъ на Мурманскомъ берегу можно считать Колу, о которой въ первый разъ упоминается въ лѣтописяхъ подъ 1264 годомъ. Когда и кѣмъ основана Кола—не извѣстно въ точности, и существуетъ только предположеніе, что она скоро стала центромъ, куда стягивался промысловый людъ для ловли трески главнымъ образомъ. Первоначально Кола стягивала къ себѣ и мезенцевъ, и холмогорцевъ, пинежанъ, онежанъ и кемлянъ, но съ теченіемъ времени Колу начинаетъ посѣщать все меньшее и меньшее количество промышленниковъ, благодаря общему упадку самостоятельнаго промысла на Мурманѣ и усиленію мѣнновой торговли съ Норвегіей, главнымъ предметомъ которой была рыба. Кола пережила въ теченіе 600 лѣтъ цѣлую, богатую фактами исторію, но въ настоящемъ очеркѣ мы не будемъ касаться этой исторіи—Кола интересуетъ насъ, только какъ первое русское поселеніе на Мурманѣ. Въ этомъ смыслѣ значеніе Колы, первоначально возставшее, съ XV вѣка начинаетъ падать, или, по крайней мѣрѣ, остается въ теченіе 300 лѣтъ, вплоть до нынѣшняго времени на одной и той-же точкѣ.

Въ XVI столѣтіи, на берегу Варангерскаго залива возникло другое русское поселеніе. Это была Печенгская колонія, созданная преподобнымъ Трифономъ, просвѣтителемъ лопарей. Кстати сказать, тотъ-же Трифонъ при устьѣ Печенги построилъ нѣсколько позднѣе монастырь. Много разъ Печенгская колонія подвергалась нападеніямъ шведовъ, смотрѣвшихъ съ завистью на фактъ захвата русскими Мурманскаго берега. Издавна печенгская колонія грамотами русскихъ царей была надѣлена вотчинными и торговыми правами. Какъ видно изъ этихъ грамотъ, во владѣніи

колоніи были рыбныя ловли и соляныя варницы и даже сѣнные покосы. Это послѣднее указаніе имѣетъ большое значеніе, ибо показываетъ, что издавна уже Мурманъ считался не только временной стоянкой рыбопромышленниковъ, но и служилъ мѣстомъ оспѣлаго поселенія, жители котораго могли заниматься скотоводствомъ. Въ 1764 г. Печенгскій монастырь былъ упраздненъ, и въ настоящее время владѣнія монастыря отошли въ казну. Ежегодно, однако, и до сихъ поръ бываетъ значительное стеченіе народа, приходящаго издалека для поклоненія памяти просвѣтителя лопарей. Норвежцы, пользуясь стеченіемъ народа, привозятъ на берегъ Варангерскаго залива свои товары, преимущественно ромъ и англійскіе ликеры, и ведутъ не безвыгодную для себя торговлю. Кстати сказать, преобладаніе рома и ликеровъ въ числѣ предметовъ торговли съ русскими богомольцами указываетъ до нѣкоторой степени на искренность и высоту молитвеннаго настроенія, съ которымъ русскіе идутъ въ мѣста, гдѣ обиталъ нѣкогда столь чтимый ими святой.

Лучшій историкъ Лапландіи Дергачевъ, однако, говоритъ, что теперешній торгъ норвежцевъ и русскихъ на берегу Варангерскаго залива «лишь одна тѣнь старинной ярмарки, какая тутъ процвѣтала во время существованія Печенгской обители, особенно въ XVI вѣкѣ». «Тутъ былъ,—говоритъ историкъ,—свой портофранко, въ которомъ продавались не одни наличные товары съ монастырскихъ амбаровъ и съ борта кораблей, но и въ сроки, а главнѣйшіе товары имѣли постоянную цѣну мурманскую и заграничную. Въ подтвержденіе этого можетъ служить слѣдующій фактъ, заимствованный изъ торговой книги 1375 г., а именно, «наказъ» одного русскаго купца, повидимому, посылавшаго своего довѣреннаго на Мурманскій берегъ: «1) 1575 г. на Мурманскомъ берегу смолы бочка продана по 4 ефимка. въ свою цѣну станетъ 1 р. 10 алтынъ и 4 деньги, въ голландской землѣ купятъ по 3 ефимка, и ты имайся на 500. 2) На Мурманскомъ берегу вару бочка вѣсомъ въ 7 пудовъ купить за полъ третья рубля, въ Брабантѣхъ бочка по 9 ефимковъ, и ты сговаривайся на 100 бочекъ. 3) На Мурманскомъ берегу сѣры еловыя, чистыя, показавъ образецъ, цѣною говори въ бочку по 19 ефимковъ, и ты имайся на 70 бочекъ и т. д...»

По словамъ Дергачева, въ устьяхъ Печенги и Пазрѣки въ то время спускались на воду большія нормандскія лодки и мелкія промысловыя суда. Кромѣ иноковъ, монастырь имѣлъ бобылей, слугъ и «дѣтенышей», содержалъ также солеваровъ, и изъ грамоты царя Алексѣя Михайловича, данной въ 1675 г. Печенгскому монастырю, видно: «что Печенгскій монастырь за удовлетвореніемъ своихъ потребностей и мѣстной распродажи отпускалъ во внутренніе города Россіи до 40 т. пудъ соли безъ всякой пошрины по особой привиллегіи. Монастырь имѣлъ мельниковъ, разныхъ мастеровыхъ, морскихъ и горныхъ звѣролововъ, а на перевозныхъ ладьяхъ кормщиковъ, носовщиковъ и т. д. и всему этому населенію давалъ средства въ своихъ промыслахъ, торговлѣ и другихъ занятіяхъ. Въ XVI столѣтіи монастырскія суда выходили изъ своихъ Варангерскихъ гаваней, нагруженные не одними произведеніями домашней принадлежности, но и нѣмецкими товарами, полученными на Печенгскомъ торжкѣ и въ Датскихъ заливахъ, а можетъ и далѣе. Кромѣ того, товары эти перегружались съ монастырскихъ судовъ, въ Архангельскѣ и Холмогорахъ, на рѣчныя суда, а сбытъ ихъ происходилъ во всѣхъ попутныхъ городахъ и торжкахъ, начиная съ Архангельска до Вологды и Ярославля. Нѣкоторые грузы зимнимъ путемъ доставлялись прямо въ Москву. При такой обширной операціи Печенгскій монастырь имѣлъ въ главныхъ пунктахъ свои подворья для склада товаровъ привозныхъ и закупа мѣстныхъ. Покупались и обратно привозились: рожь, ячмень, овесъ, солодъ, крупа, толокно, сѣмя конопляное, масло, мясо, пшеница, горохъ, медъ, воскъ, холсты, точила и всякія сукна, кожи дубленныя, бѣлая юфть и красная юфть, конопля, прядево всякое на невода, сѣти, подольники, судовая снасть, лодейные шеймы (тросы и канаты) и на заводы смола и всякіе заморскіе запасы безпошлинно....»

Къ сожалѣнію, исторія заселенія Лапландіи не сохранила фактовъ, которые бы говорили о болѣе мелкихъ поселеніяхъ, чѣмъ Кола и Печенгскій монастырь, на Мурманѣ. Изъ писцовыхъ книгъ 1608, 1609 и 1610 г.г. Алая Михалкова и дьяка Василья Мартеньянова можно только видѣть, что на западномъ Мурманѣ въ то время было 21 становище съ 121 промысловой избой, а на восточномъ—29 становищъ съ 75 избами. Но эти факты означаютъ только, что Мурманскій берегъ *посѣщался* русскими промышлен-

никами, но, были-ли хотя нѣкоторыя изъ этихъ становищъ постоянными, осѣдлыми поселеніями, указаній никакихъ не имѣется.

Точныя извѣстія объ образованіи колоній на Мурманскомъ берегу начинаютъ встрѣчаться только со второй половины нынѣшняго вѣка, и именно: въ 1861 г. на западномъ Мурманѣ образуется изъ финляндцевъ въ Ура-губѣ колонія; въ этомъ же году на западномъ опять Мурманѣ образуются новыя три колоніи, но изъ норвежцевъ—въ Вайда, Земляной и Печенгской губахъ. Всѣ эти поселенцы безъ всякихъ субсидій со стороны правительства обзавелись не только рогатымъ скотомъ, но и ввели въ своемъ хозяйствѣ огородничество, чѣмъ, конечно, прекрасно доказали, что берегъ Мурмана вполне доступенъ для колонизаціи. Впрочемъ, главное вниманіе колонистовъ, кромѣ рыболовства, было обращено на вырубку дѣса, который они самыми хищническими способами уничтожали для продажи. Своевременно администрація обратила на это вниманіе и воспретила безпощадную рубку. Приблизительно въ это же время правительство вызвало къ жизни особую комиссію (или даже цѣлую серію комиссій), возложивъ на нее обязанность обсудить и выяснить цѣлый рядъ мѣръ для поднятія экономическаго благосостоянія сѣвера. Въ числѣ этихъ мѣръ комиссія намѣтила и колонизацію Мурмана. И, дѣйствительно, вскорѣ, по ходатайству Архангельскаго губернатора князя Гагарина, были выработаны и опубликованы во всеобщее свѣдѣніе особыя льготы, которыя представлялись всѣмъ безъ изыятія переселенцамъ на Мурманскій берегъ.

Благодаря этимъ льготамъ, 1) переселенцы на Мурманскій берегъ изъ русскихъ подданныхъ, а также изъ иностранцевъ, принявшихъ русское подданство, пользуются: а) въ отношеніи торговли съ Норвегіею правами, предоставленными жителямъ поморскаго края Архангельской губерніи, и б) льготами, предоставленными бывшимъ государственными крестьянамъ при переселеніи изъ одной губерніи въ другую, за исключеніемъ льготы отъ рекрутской повинности. 2) Переселенцы на Мурманскій берегъ, не выключая иностранцевъ, принявшихъ подданство въ Россіи, подлежатъ отбыванію воинской повинности на общихъ для всѣхъ російскихъ подданныхъ основаніяхъ; но впредь, до иного распоряженія, переселенцы эти освобождаются отъ назначенія на дѣйствительную службу и зачисляются прямо въ запасъ флота: при этомъ пересе-

ленцы не призываются ни къ личному вынүтію жеребья, ни къ освидѣтельствуванію ихъ здоровья и тѣлосложенія; жеребья-же вынимаются за нихъ, какъ за отсутствующихъ, предсѣдателемъ подлежащаго присутствія по воинской повинности, а требуемое на службу число новобранцевъ назначается безъ освидѣтельствуванія.

3) Всѣ безъ изыятія приписавшіеся къ осѣдлому поселенію на Мурманскомъ берегу переселенцы, или колонисты, освобождаются отъ платежа государственныхъ податей и отбыванія денежныхъ и натуральныхъ повинностей срокомъ на десять лѣтъ, считая со дня утвержденія этого положенія. Пользованіе этою льготою сливается во времени съ восьми-лѣтнею личною льготою отъ податей и повинностей, предоставленною переселенцамъ по силѣ ст. I положенія; но послѣдняя льгота, впредь до особаго распоряженія, не подлежитъ сокращенію въ случаѣ истеченія десяти-лѣтняго срока общей льготы. 4) Въ теченіе шести лѣтъ со дня утвержденія настоящаго положенія, Мурманскіе колонисты могутъ: а) заниматься всякаго рода торговлею и промыслами на Мурманскомъ берегу безъ взятія установленныхъ на право торговли свидѣтельствъ и билетовъ; б) получать безпошлинно для собственнаго употребленія и для продажи въ колоніяхъ и на всемъ Мурманскомъ берегу привозимые на русскихъ и иностранныхъ судахъ иностранные мануфактурные, колоніальные и другіе товары, каковыя товары въ предѣлахъ колоніи не будутъ признаваемы контрабандными, и в) освобождаются отъ платежа гербовыхъ сборовъ, за исключеніемъ совершенія купчихъ при покупкѣ земель. 5) Губернскому начальству предоставляется, по его усмотрѣнію, на каждое семейство, вновь поселяющееся или уже поселившееся на Мурманскомъ берегу, назначать ссуду отъ 50 до 160 руб. на первоначальное обзаведеніе, съ разсрочкою платежа этихъ денегъ на 6 лѣтъ, подъ круговое ручательство мѣстнаго общества или подъ обезпеченіе имуществомъ. 6) Каждое семейство, имѣющее поселиться на Мурманскомъ берегу, или уже тамъ поселившееся, но не успѣвшее воспользоваться безвозмезднымъ отпускомъ лѣса изъ казенныхъ дачъ, можетъ получить пособіе въ размѣрѣ, по усмотрѣнію губернскаго начальства, отъ 100 до 200 руб. на покупку лѣса, необходимаго для постройки жилья или судна, съ тѣмъ, чтобы означенное пособіе, если оно не будетъ употреблено на предметъ его назначенія, было зачисляемо въ ссуду и подлежало возврату въ тече-

ніе шести лѣтъ, наравнѣ съ ссудами на первоначальное обзаведеніе, упоминаемыми въ ст. 5. 7) Переселенцамъ на Мурманскій берегъ производится отпускъ хлѣба изъ торговыхъ магазиновъ за деньги и въ ссуду на основаніи существующихъ правилъ. 8) Переселенцамъ предоставляется право заниматься промыслами пушныхъ звѣрей и птицъ, а также ловить рыбу въ рѣкахъ и озерахъ, находящихся близъ колоніи. 9) Переселенцамъ разрѣшается въѣзъ въ прошенія и объявленія подавать мѣстному и губернскому начальству на болѣе свойственномъ имъ языкѣ: русскомъ, финскомъ или норвежскомъ. 10) Всѣ эти льготы, включая и выдачу денежныхъ пособій, распространяются и на кочующихъ лопарей, которые изъявили-бы желаніе принять осѣдлость на Мурманскомъ берегу. 11) Устройство волостей мурманскихъ колонистовъ предоставляется губернскому начальству, на основаніи положенія 19 Февраля 1851 года, и притомъ отдѣльно отъ волостей лопарей. 12) Иностранцы, желающіе приписаться къ осѣдлому населенію Мурманскаго берега, обязаны вступить въ подданство Россіи и принять присягу на вѣрность предъ мѣстнымъ становымъ или мировымъ посредникомъ и притомъ въ избранномъ для осѣдлости мѣстѣ. Предварительно допущенія къ присягѣ, каждый иностранецъ долженъ представить удостовѣреніе мѣстныхъ властей своего правительства о томъ, что не подвергался и не подлежитъ отвѣтственности за уголовное преслѣдованіе и за несостоятельность. 13) Колонисты изъ иностранцевъ, вступившихъ въ русское подданство, могутъ быть избираемы въ волостные старшины, волостные судьи и на другія общественныя должности, но не иначе, какъ по прожитіи ими трехъ лѣтъ въ качествѣ русскихъ подданныхъ въ предѣлахъ Россіи и притомъ, если обладаютъ достаточнымъ значеніемъ русскаго языка. 14) Министерство Финансовъ, по соглашенію съ Министрами Внутреннихъ Дѣлъ и Государственныхъ Имуществъ, предоставляетъ разрѣшать лицамъ, торгующимъ по свидѣтельствамъ 1-й и 2-й гильдіи, учрежденіе на Мурманскомъ берегу торговопромышленныхъ факторій, съ распространеніемъ на нихъ льготъ, разрѣшенныхъ п. а) ст. 1 и ст. 4 и 9, и съ припискою содержателей факторій, а равно и лицъ, при факторіи состоящихъ, къ ближайшей колоніи. 15) Торговля крѣпкими напитками на Мурманскомъ берегу остается, впредь до иного распоряженія, свободною отъ акциза и таможенной на привозимые напитки пошлины,

но губернскому начальству предоставляется, по соглашенію съ волостными управленіями, остановить правила относительно числа мѣстъ оптовой и розничной продажи крѣпкихъ напитковъ и времени ихъ открытія и закрытія, внутренняго порядка, въ нихъ соблюдаемаго, и самаго надзора за нарушеніемъ означенныхъ правилъ; причемъ надзоръ долженъ быть возложенъ на отвѣтственность самыхъ обществъ колонистовъ.»

Въ дѣйствительности эти льготы оказались очень небольшими, по крайней мѣрѣ для русскихъ колонистовъ. Знатокъ Мурмана, Гулевичъ, думаетъ, что препятствія, представляемые обнародованными правилами, слишкомъ были велики для того, чтобы побережье Мурмана скоро могло колонизоваться. Дѣйствительно, только для полученія права на переселеніе крестьянинъ долженъ продѣлать цѣлый рядъ въ высшей степени хлопотливыхъ и подчасъ дорого стоящихъ операцій; онъ долженъ удовлетворять всѣмъ требованіямъ, предъявленнымъ ему ст. 130 Положенія о крестьянахъ, т. е. долженъ быть свободенъ отъ отбыванія воинской повинности, свободенъ отъ казенныхъ и мірскихъ недоимокъ, свободенъ отъ частныхъ взысканій и обязательствъ, долженъ получить пріемный приговоръ отъ того общества, къ которому онъ долженъ приписаться, и увольнительный приговоръ отъ того общества, къ которому онъ принадлежалъ. Добыть только эти приговора стоитъ не малыхъ издержекъ, благодаря обычнымъ на Руси угощеніямъ старшинъ и волостныхъ писарей и т. д. А въ заключеніе переленецъ долженъ еще испрашивать особое разрѣшеніе на переселеніе у мѣстнаго начальства. Гулевичъ дѣлаетъ приблизительный расчетъ того, во что обойдется переселенцу поселеніе на новомъ мѣстѣ, и нельзя сказать, чтобы расчетъ этотъ не имѣлъ основанія. «Допустимъ, говоритъ Гулевичъ, что крестьянину разрѣшено переѣхать въ колонисты: онъ долженъ продать свой домъ за безцѣнокъ, а въ колоніи нужно ему строить новый домъ. Правда, благодаря льготамъ, Высочайше дарованнымъ, онъ можетъ получить безплатный лѣсъ или 200 рублей на постройку дома. Пріѣзжая въ колонію, онъ нанимаетъ для себя помѣщеніе, или живетъ въ землянкѣ, или подъ открытымъ небомъ. Промыслами онъ не можетъ заняться, такъ какъ занятъ постройкою дома, которая тянется годъ, а иногда и больше по причинѣ его бѣдности. Сколько въ это время онъ переноситъ лишеній, и сколько у него пропадаетъ времени.

Малые его запасы уменьшаются съ каждымъ днемъ; наконецъ ему удастся выстроить избу—и у него одинъ домъ и долги. Горемыка оказывается бѣднѣе, чѣмъ былъ на родной сторонѣ, и нужда заставляетъ его пойти въ работники къ фактористу или въ покрученники, такъ какъ у него нѣтъ средствъ для заведенія собственной шняки, рыболовныхъ снастей и другихъ необходимыхъ для промысла принадлежностей. Сколько теперь лѣтъ долженъ онъ тяжело трудиться, чтобы оправиться, прокармливая при томъ свое голодное семейство.»

Благодаря-ли указаннымъ трудностямъ, связаннымъ съ переселеніемъ и первоначальнымъ обзаведеніемъ на мѣстѣ, или благодаря боязни мрачной, темной зимы съ долгой полярной ночью, отрѣзанности Мурмана отъ остального міра въ теченіе большей части года, или, наконецъ,—благодаря приверженности къ старинѣ, отсутствію энергіи и предпримчивости при низкомъ культурномъ уровнѣ—только лучшая часть поморскаго населенія совсѣмъ не обнаружила желанія переселяться на Мурманъ, и онъ сталъ заселяться либо норвежцами и финляндцами, либо отбросами русскаго населенія.

Во всякомъ случаѣ, колонизація Мурмана, несмотря на льготы, данныя правилами 1868 г., развивалась очень туго. Въ 1881 году на восточномъ Мурманѣ было только 4 колоніи,—на западномъ 15, причемъ большинство западныхъ колонистовъ было не русскаго происхожденія.

Четыре восточныхъ колоніи заключали въ себѣ только 90 человекъ обоого пола (въ томъ числѣ и дѣтей), между тѣмъ какъ колоніи западнаго Мурмана состояли изъ 791 челов. обоого пола.

Всѣ эти колонисты занимались первоначально рыбной ловлей, но съ теченіемъ времени нѣкоторые изъ нихъ стали переходить и къ торговлѣ то съ лопарями, то съ пріѣзжими промышленниками и даже съ Норвегіей и Архангельскомъ. Та часть колонистовъ, которая занималась исключительно промыслами, всѣ продукты промысла сбывала мѣстнымъ-же фактористамъ, такъ какъ обыкновенно забиралась у нихъ въ кредитъ предметами первой необходимости и рыболовными снастями.

Чтобы хотя отчасти судить о благосостояніи колонистовъ въ описываемый періодъ времени (въ 80 годахъ), мы приводимъ въ концѣ книги таблицы (приложеніе № 8-й), изъ которыхъ видно,

что степень эта была довольно высокая, по крайней мѣрѣ, въ колоніяхъ западнаго берега Мурмана. Восточныя-же колоніи (4) въ сущности представляли собою полунищенскіе поселки, такъ какъ на 29 домохозяйствъ приходилось всего 8 штукъ рогатаго скота и въ такой-же пропорціи мелкаго скота, тогда какъ на 100 домохозяйствъ западныхъ колонистовъ приходилось 297 шт. рогатаго скота, 706 штукъ овецъ и 494 оленя.... Конечно, колонисты хотя бы только западнаго берега Мурмана обладали далеко не одинаковой степенью благосостоянія—все зависило отъ того, съ какимъ капиталомъ они переселились на Мурманъ или съ какими рабочими силами взялись за дѣло. Уже въ 80 годахъ, какъ констатируетъ Гулевичъ, нѣкоторые изъ колонистовъ «находились въ постоянномъ долгу у фактористовъ и сдѣлались ихъ агентами для распродажи норвежскаго рома».

Въ настоящее время, т. е. спустя 15 лѣтъ, число колонистовъ на Мурманѣ, конечно, возросло, но на очень незначительную величину; въ настоящее время число колонистовъ достигаетъ всего около 1500 душъ обоюго пола, причемъ около 350 изъ нихъ лопарей, а остальные состоятъ почти наполовину изъ норвежцевъ и финляндцевъ. Кромѣ того, въ настоящее время на Мурманѣ проживаетъ, судя по официальнымъ свѣдѣніямъ, около 300 норвежцевъ и финляндцевъ, самостоятельно поселившихся или живущихъ по паспортамъ, т. е. каждую минуту могущихъ сняться съ насиженнаго мѣста. Другими словами, колонизацію Мурмана русскими элементами можно въ настоящее время считать положительно неудавшейся.

Вообще постоянныхъ жителей на Мурманѣ въ настоящее время около 2000 чедов., изъ нихъ финляндцевъ 700 чедов., русскихъ приблизительно столько-же, лопарей около 500 чедов., и норвежцевъ около 200 чедовѣкъ. Всѣхъ колоній теперь 57, изъ которыхъ только 18 приходится на Восточный Мурманъ—остальные всѣ на западномъ берегу и носятъ исключительно не русскій характеръ (на восточномъ берегу Мурмана живетъ всего два норвежца, принявшихъ русское подданство.) Изъ подробной вѣдомости, прилагаемой въ концѣ книги, можно видѣть (приложеніе № 9-й), что въ общемъ благосостояніе колонистовъ понизилось по сравненію съ 1881 годомъ, но пониженіе это цѣликомъ относится къ

увеличенію числа русских поселенцевъ, въ большинствѣ случаевъ находящихся въ состояніи крайней нищеты.

Вообще разни́ца между норвежцемъ и финляндцемъ—колонистомъ съ одной стороны и русскимъ—колонистомъ—съ другой настолько рѣзко бросается въ глаза, что даже поверхностный наблюдатель можетъ замѣтить ее. Въ этомъ отношеніи всѣ наблюдатели Мурмана сходятся. Кушелевъ въ своей брошюрѣ «Мурманъ и его промыслы», изданной въ 1885 г., говоритъ: «изъ русскихъ поселенцевъ Мурмана, получившихъ пособіе на колонизацію, большинство (конечно, не безъ исключеній, хотя и рѣдкихъ) пропойцы, спившіеся съ кругу и положительно отбившіеся отъ всякаго труда. Они влачатъ жалкое существованіе, Богъ знаетъ какъ и чѣмъ перебиваясь въ теченіе длинной полярной зимы....» Еще ранѣе наблюдавшій мурманскихъ колонистовъ—русскихъ, Гулевичъ говоритъ о нихъ почти то-же. Изъ новѣйшихъ бытописателей Мурмана, Книповичъ приводитъ о русскихъ колонистахъ еще болѣе ярко рисующія ихъ жалкое положеніе данныя. «Я бесѣдовалъ, пишетъ Книповичъ,—о мурманскихъ колонистахъ со многими лицами самыхъ различныхъ профессій и общественнаго положенія: промышленниками—покрученниками и самостоятельными, поморами—хозяевами, капитанами пароходовъ, чиновниками, чинами полиціи, священниками и т. д., и отзывы всѣхъ говорили очень не въ пользу колонистовъ—русскихъ съ величайшимъ пренебреженіемъ. Пойти въ колонисты это почти синонимъ выраженія пуститься во всѣ тяжкія». И такое отношеніе къ колонистамъ вполне понятно. Трудно представить себѣ населеніе болѣе вялое, апатичное, лѣнивое и низко стоящее въ нравственномъ отношеніи, чѣмъ большинство русскихъ колонистовъ на Мурманѣ. Недаромъ существуетъ поговорка, что «колонистъ только тогда поѣдетъ ловить рыбу (весною), когда поморъ его свѣжей рыбой накормить». Въ колонисты идутъ преимущественно подонки населенія Кемскаго и Онежскаго уѣздовъ. Вся суть для нихъ въ томъ, чтобы получить правительственную помощь, а что будетъ дальше—ихъ мало интересуеть. Многіе изъ нихъ высказываютъ взглядъ, что правительство, поселившее ихъ на Мурманскомъ берегу, должно и заботиться о томъ, чтобы они не терпѣли нужды. Сами-же обнаруживаютъ поразительную лѣнь и безпечность, а потому и матеріальное положеніе ихъ, въ общемъ, плохо. Можетъ показаться невѣроятнымъ тотъ фактъ, что

русскіе колонисты терпят зимою крайнюю нужду въ рыбѣ и покупаютъ ее по дорогой цѣнѣ, а между тѣмъ фактъ этотъ подтверждаютъ всѣ мѣстные жители. Для многихъ изъ колонистовъ вторая половина зимы—время голодовки и ея спутниковъ—болѣзней...»

«Совершенно иное, продолжаетъ Книповичъ,—представляютъ колонисты финляндцы и норвежцы. Во всѣхъ отношеніяхъ стоятъ они выше русскихъ колонистовъ. Болѣе энергичные, трудолюбивые и бережливые, болѣе воздержные и несравненно болѣе развитые и культурные, они быстро завоевываютъ личнымъ трудомъ сравнительно хорошее экономическое положеніе....

Въ продолженіи моей экскурсіи я неоднократно имѣлъ случай разговаривать съ представителями самыхъ различныхъ возрѣній на задачи и нужды мурманской колонизаціи. И сторонники, и противники нерусской колонизаціи сходились въ одномъ—что именно финляндцы и норвежцы представляютъ всѣ данныя для успѣшной колонизаціи края. Личныя наблюденія мои еще болѣе подтвердили такое мнѣніе. Громадная энергія, предпріимчивость, любовь и привычка къ труду, относительная образованность норвежцевъ и финляндцевъ, ихъ честность, добросовѣстность и полное достоинства поведеніе въ денежныхъ дѣлахъ производятъ самое отрадное впечатлѣніе. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ колонисты эти просто удивляли меня своей чрезвычайной добросовѣстностью и полнымъ отсутствіемъ желанія содрать лишнее, что несомнѣнно сдѣлалъ-бы почти каждый русскій колонистъ или поморъ».

Нѣкоторые авторы, писавшіе о Мурманѣ, думаютъ, что вообще колонизація Мурмана идетъ такъ неуспѣшно вслѣдствіе, конечно, разныхъ причинъ, но въ томъ числѣ и потому, что колонистамъ нужны пастбища для скота, а ихъ нѣтъ, такъ какъ права на пастбища принадлежатъ мѣстнымъ лопарямъ. Но этотъ аргументъ едва-ли имѣетъ за собою основанія, такъ какъ параллельно наблюдается широкое развитіе финской и норвежской колонизаціи и совершенно при тѣхъ-же условіяхъ, какъ и русской. Упрекнуть норвежцевъ и финляндцевъ въ томъ, что они, будучи болѣе развитыми, культурными, болѣе предпріимчивыми и т. д. эксплуатируютъ русскихъ промышленниковъ и, благодаря этому пользуются большимъ благостояніемъ, нельзя, такъ какъ всѣ повѣйшіе бытописатели Мурмана единогласно свидѣтельствуютъ о причинахъ ихъ зажиточности, какъ лежащихъ въ «упорномъ личномъ

трудѣ». Характернымъ примѣромъ такого упорнаго труда можетъ служить приводимый Книповичемъ рассказъ объ одномъ колонистѣ-норвежцѣ, который 15 лѣтъ тому назадъ поселился въ землянкѣ на необитаемомъ островѣ, а теперь имѣетъ 2 дома, 7—8 коровъ, ведетъ очень выгодный промыселъ, да вдобавокъ продаетъ промышленникамъ молочные продукты своего хозяйства.

Неизвѣстно, по какимъ причинамъ, однако, колонизація Мурманскаго побережья норвежцами и финнами стѣсняется, особенно въ настоящее время. Единственнымъ оправданіемъ этому отчасти служить соображеніе о невыгодности для русскихъ интересовъ заселять берегъ такими колонистами, которые, наживаясь въ Россіи и принявъ для видимости русское подданство, въ концѣ концовъ уходятъ съ Мурмана, возвращаясь въ отечество. Объ этомъ очень много кричали доморожденные патріоты, начиная съ Сидорова, говорятъ и теперь, даже сами администраторы, въ завѣдываніи которыхъ находится дѣло колонизаціи Мурмана, но все это не такъ страшно, а кромѣ того еще нуждается въ проверкѣ, такъ какъ до сихъ поръ не выяснено, въ какихъ размѣрахъ происходитъ указываемое всѣми этими лицами явленіе. Рѣшительно непонятно, почему «несмотря на всѣ льготы, предоставленныя колонистамъ, за послѣдніе 20 лѣтъ, съ 1873 по 1893 годъ, число колонистовъ на Мурманѣ увеличилось только въ 2 раза»,—какъ пишетъ Архангельскій губернаторъ въ своемъ письмѣ г. товарищу министра путей сообщенія (11-го Янв. 1894 г.), и въ то-же время констатируетъ другой фактъ діаметрально противоположнаго характера и въ томъ-же самомъ «письмѣ» относительно того, что «несмотря на всѣ затрудненія, которыми нынѣ обставлено переселеніе финляндцевъ на Мурманѣ, финляндская колонизація дѣлаетъ все-таки большіе успѣхи»?

Что особенно странно, такъ это то, что даже мѣстное населеніе, т. е. жители Кольскаго уѣзда, занимаются промыслами гораздо меньше, чѣмъ можно было-бы ожидать. Напр., въ 1893 г. изъ 769 промысловыхъ судовъ на Мурманѣ, кольскія суда составляли только 12⁰/₁₀₀, а добытая ими рыба не превышала ¹/₁₈ всего улова на Мурманскомъ берегу. Въ предшествовавшемъ году кольскія суда составляли даже только 8,0⁰/₁₀₀ всего числа промысловыхъ судовъ, а выловленная ими рыба тоже 8,0⁰/₁₀₀ всего мурманскаго улова. Очевидно, что есть какія-то причины и притомъ гдѣ-то

глубоко лежація, которыя тормозятъ заселеніе Мурманскаго побережья.

Разбираясь въ условіяхъ, въ какихъ пришлось-бы колонисту жить на Мурманѣ, невольно приходишь къ заключенію, что условія эти складываются для него необыкновенно благопріятно. Начать съ того, что колонистъ не тратитъ ничего на дорогу, какъ это дѣлаютъ кемляне и онежане, не страдаетъ отъ неудобствъ этого по-истинѣ ужаснаго пути, можетъ начинать промыселъ ранней весною, а не въ концѣ Мая или началѣ Іюня, какъ приходится по-неволѣ дѣлать многимъ пришлымъ промышленникамъ. Нечего и говорить, что для колониста совершенно не нужно производить расходовъ по устройству стана и др. приспособленій, необходимыхъ для промысла—расходовъ, очень значительныхъ въ бюджетѣ бѣднаго промышленника. Помимо всего этого, колонистъ можетъ производить промыселъ не только весною и лѣтомъ, а, если захочетъ, то и осенью, и зимою. Осенній и зимній ловы вполнѣ на Мурманѣ возможны, какъ объ этомъ свидѣлствуютъ многіе авторы. Не дѣлая ссылокъ на такихъ изъ нихъ, которые писали о Мурманѣ давно, возьмемъ самыя новыя данныя. Такъ нѣкто А. Е. Т. въ своей статьѣ «Портъ на Мурманскомъ берегу» (Русс. Судох. 1894 г.) говоритъ; «почти ежегодно треска приваливаетъ къ Мурманскому берегу въ несмѣтномъ количествѣ въ Январѣ и Февралѣ мѣсяцѣ не на долгое время—но ловить ее некому. Некому ловить и сельдь, крупную и жирную, которая вотъ уже нѣсколько лѣтъ подрядъ въ зимнее время приваливаетъ въ заливы Мурманскаго берега, также въ несмѣтномъ количествѣ...»

Г. Таратинъ въ статьѣ «О Мурманскихъ промыслахъ» (Вѣстн. Рыбопр. 1894 г.) подтверждаетъ это, говоря: «промысловое время здѣсь (на Мурманѣ) продолжается обыкновенно 5½ мѣсяцевъ, съ Апрѣля до половины Сентября. Апрѣль и Май, иногда часть Іюня промышляютъ на западной половинѣ берега (къ западу отъ Кольской губы), на лѣто же и осень постепенно, смотря по ходу рыбы, переселяются въ становища восточной стороны, гдѣ и промышляютъ до половины Августа. Съ этого времени наибольшая часть промышленниковъ отправляется по домамъ; остаются очень немногіе до послѣдняго рейса почтоваго парохода, что бываетъ около половины Сентября. Но нерѣдко случается, что въ Апрѣлѣ и Маѣ совсѣмъ не бываетъ прихода рыбы, въ Августѣ-же и Сен-

тябрь, когда промышленники разъѣдутся по домамъ, море еще кипитъ рыбой даже до Декабря мѣсяца. Иногда бываетъ приходъ трески въ Январѣ и Февралѣ необыкновенно густыми стаями, но въ это время ее совсѣмъ мало ловятъ, да и ловить некому, а главное—покупателя нѣтъ. (Въ продолженіи всего Января 1893 г. былъ необыкновенный приходъ въ Кольскую губу сельдей, трески, акулъ и китовъ; вся губа была буквально набита рыбой и китами. Дѣло дошло до того, что акулье сало, добытое въ количествѣ 2000 пудовъ, кольскіе купцы, единственные покупатели въ это время, стали помѣщать прямо въ шняки, стоявшія на берегу; сельдей совсѣмъ перестали ловить, когда онѣ были еще въ несмѣтномъ количествѣ—ни соли, ни посуды не оказалось; треску отказывались брать даже по 20 коп. пудъ—некуда было дѣвать; китовъ не трогали—нечѣмъ.)

То-же утверждаетъ и Максимовъ (Русск. Мысль. 93 г.). Словомъ, не можетъ быть никакихъ сомнѣній въ томъ, что постоянные жители Мурмана поставлены въ особливо благопріятныя условія промысла въ сравненіи съ пришлецами изъ Кемскаго, Онежскаго и Архангельскаго уѣздовъ. Этого, однако, мало.

«Кромѣ перечисленныхъ промысловъ,—пишетъ Книповичъ,—колонисты могутъ еще ловить семгу, зимою акулъ, наконецъ очень хорошій доходъ можетъ давать и ловъ камбалы, которымъ между тѣмъ почти не занимаются. Я имѣлъ случай лично убѣдиться, какъ легокъ и успѣшенъ этотъ ловъ. По словамъ семейства норвежцевъ-колонистовъ на островѣ Кильдинѣ, у которыхъ я прожилъ нѣсколько дней, ловъ камбалы доставляетъ имъ ежегодно отъ 400 до 600 рублей.»

Всѣми этими благопріятными условіями, конечно, объясняется до нѣкоторой степени и тотъ видъ преуспѣвающихъ колоній, который имѣютъ поселенія норвежскихъ и финляндскихъ колонистовъ. Лично наблюдавшій жизнь колонистовъ, Максимовъ, объѣхавшій въ 92 г. всѣ почти колоніи Мурмана, въ своей послѣдней работѣ даетъ цѣлый рядъ описаній жизни колонистовъ. Приводить ихъ здѣсь всѣ мы не станемъ, такъ какъ всѣ они въ сущности повторяютъ другъ друга. Вотъ какими красками рисуетъ Максимовъ русскія и норвежскія колоніи.

«Изъ становища «Столбовое» пароходъ слѣдуетъ въ *Печенгу*. Вы входимъ съ океана въ длинную, узкую бухту и идемъ на SW.

По берегамъ мелкій *кустарникъ-березникъ*. Его хватитъ колонистамъ надолго для отопленія. Узкая длинная бухта въ формѣ пролива состоитъ изъ четырехъ колѣнъ. Въ предѣлахъ четвертаго колѣна — *отличная якорная стоянка*. На одной сторонѣ возвышеннаго холмообразнаго берега *восемь домиковъ*, бѣдныхъ, грязныхъ, жалкихъ лачужекъ. Это—русское поселеніе. Здѣсь живутъ корелы, переселившіеся изъ Кемскаго уѣзда. Есть и русскіе переселенцы изъ деревни Кандалакша. Они держатъ нѣсколько головъ *скота*. Живутъ крайне бѣдно, зимою ничего не дѣлаютъ, а весною выѣзжаютъ на рыбный промыселъ въ Вардѣ. Нѣкоторые появляются во время лѣтняго промысла въ становищахъ Мурманскаго берега....»

Это—*русская* колонія. А вотъ финляндская.

«Слѣдующее къ востоку отъ Печеньги становище «Земляная» представляетъ колонію, населенную финнами, выходцами изъ Улеаборгской губ., изъ Казамскаго прихода. Название «Земляная» соотвѣтствуетъ вышнему виду колоніи. Колонисты (большинство) *живутъ въ землянкахъ*. Нѣсколько построили деревянные дома и сараи для *скота*. Колонизація этого мѣстечка началась лѣтъ двадцать пять тому назадъ. Постоянные неурожаи и голодъ вынуждаютъ жителей сѣверной Финляндіи уходить съ родныхъ пепелищъ въ Америку или искать новыя мѣста на окраинахъ Россіи. Финны, отправившіеся на Кавказъ и поселившіеся въ окрестностяхъ Сухума, на берегу Чернаго моря, потерпѣли отъ лихорадки и вообще отъ климатическихъ условій, которыхъ они перенести не могли. Многіе перемерли, другіе разсѣялись по югу, по городамъ. Лучшая участь постигла переселенцевъ на Мурманскій берегъ. Они, привычные къ сѣверному климату, нашли удобныя мѣста. Плодородной почвы, годной для земледѣлства, они найти не могли, но не могли, въ то-же время, отказаться отъ прирожденной имъ страсти къ землѣ, отъ привычки сельскохозяйственной. Они нашли такія долины между холмообразными горами, по которымъ пробѣгаютъ рѣчки и ручейки, гдѣ можетъ произрастать *прекрасная трава*. Ни первые, ни переселенцы нашихъ дней *не нашли* на новомъ мѣстѣ *лѣса*, годнаго для построекъ. Они набрели на мелкій кустарникъ, который можно было употребить на топку, притомъ, въ такомъ количествѣ, что онъ отнюдь не обезпечивалъ ихъ будущность. Изнуренные голодомъ, они схватились за новое мѣсто, какъ за манну небесную. Почва обезпечивала хорошую траву, океанъ обѣ-

щаль прекрасный уловъ рыбы—трудолюбивые финны не ошиблись въ расчетахъ. Они построили въ долинѣ землянки оригинальной архитектуры. Стѣны сложены изъ дерна. Потолокъ образуютъ жерди, на которыхъ наложенъ толстый дерновой слой. Въ стѣны вставлены рамы со стеклами, по образцу обыкновенныхъ оконъ. Полъ выставланъ гладкими камнями. На полу лежатъ шерстяные половики, сотканные руками чистоплотной женщины. Въ уголъ поставлена русская печь, впереди другая печь съ чугуною плитой. Въ нѣкорыхъ землянкахъ стѣны околочены съ внутренней стороны досками. Въ избѣ тепло, чисто, свѣтло. На столахъ, на деревянныхъ кроватяхъ, на полу—всюду признаки необыкновенной чистоплотности. Дверь изъ избы выходитъ въ каморку, отдѣляющую жилое помѣщеніе отъ скотной избы, въ которой содержатся коровы въ стойлѣ. *Скотная изба отапливается* отдѣльной печкой съ большимъ чугуннымъ чаномъ, въ которомъ готовится кипятокъ для стирки бѣлья и для мытья избы и скотника. Рядомъ находится еще каморка для домашней утвари. Скотная изба содержится чрезвычайно опрятно. Наземъ выбрасывается въ окно и разносится потомъ по полю для удобренія земли, на которой вырастаетъ прекрасная трава. Скотъ пасется лѣтомъ на волѣ за предѣлами селенія, въ перелѣскѣ, а по вечерамъ загоняется въ стойла. Зимомъ скотина спасается отъ вьюгъ и мятелей *въ отопленной каморкѣ*.

Деревянные дома строятся по архитектурѣ домовъ, принятыхъ въ Финляндіи. Чистоплотность—вотъ главная отличительная черта въ домѣ. Каждая комната (ихъ бываетъ по пяти въ нижнемъ и въ верхнемъ этажахъ) отапливается чугуною или русскою печкой. На столѣ бездѣлушки, альбомъ; въ шкафу—бутылки съ винограднымъ виномъ,—признаки довольства. Такіе хозяева строятъ скотные дворы отдѣльно отъ жилого дома и содержатъ скотъ въ отдѣльныхъ стойлахъ.

Колонисты разбросали землянки и дома на пространствѣ огромнаго поля. Они владѣютъ имъ на началѣ подворнаго владѣнія. Къ каждому дому прирѣзанъ кусокъ сѣнокосной земли, отдѣляющийся отъ земли сосѣда изгородью изъ камня или изъ жердей. Въ урожайный годъ колонисты везутъ сѣно въ г. Вардэ, гдѣ скалестыѣ и безлюдныя берега ничего не рожаютъ. Цѣна на сѣно въ Вардэ доходитъ иногда до рубля за пудъ. Колонисты пробуютъ дѣлать гряды и сажать овощи: капусту, картофель, травы; но ни-

чего не родится въ холодномъ климатѣ; картофель часто вымерзаетъ; гряды и огороды у нихъ маленькіе.

Каждый домохозяинъ имѣетъ нѣсколько коровъ. Хозяева приготавливаютъ масло, излишекъ котораго продается въ городахъ: Вардѣ и Вадзѣ. Вообще колонисты поддерживаютъ торговныя сношенія съ этими городами, какъ съ ближайшими отъ колоніи, гдѣ они находятъ выгодный рынокъ сбыта.

Колонисты заводятся и *лошадьми*. Недостатокъ средствъ заставляеть двухъ домохозяевъ соединяться и покупать одну лошадь. Она бываетъ нужна *для возки дровъ зимою*, такъ какъ они не могутъ держать оленей за неимѣніемъ ягеля (питательнаго моха) въ сосѣднихъ тундрахъ.

Самую доходную статью составляютъ рыбные промыслы. Колонисты соединяются по четыре человѣка вмѣстѣ и покупаютъ въ Вардѣ большую ёлу, на которой являются къ берегамъ Финмаркена на время весенняго лова. Тамъ принимаютъ ихъ какъ русскихъ подданныхъ, т. е. обязываютъ ихъ уплачивать по десяти кронъ съ человѣка въ городскую кассу, даютъ на ёлы норвежскаго кормчаго и предоставляютъ права лова лишь въ одной географической милѣ отъ берега или вблизи береговъ въ становищахъ: Кибергъ, Гавнингбергъ, Бодсфюрдъ, Берлевогъ, Гамвигъ и Стенсвигъ. Колонисты промышляютъ только однимъ способомъ удебной ловли, принятымъ весною въ Норвегіи. Они не знаютъ другого способа ловли трески ярусами, принятаго норвежцами лѣтомъ и усвоеннаго исключительно нашими поморами на всемъ Мурманскомъ берегу. Когда наступаетъ лѣто, колонисты возвращаются на Мурманскій берегъ. Они продолжаютъ ловить треску и пикшуя и лѣтомъ удебнымъ способомъ вокругъ острова Кильдинъ до момента начала сѣнокоса, который наступаетъ поздно, не ранѣе середины Августа. Тогда они вытаскиваютъ ёлы на берегъ для зимовки.

Въ колоніи *не было до сихъ поръ хлѣбнаго магазина*. Никто не заботился о зимнемъ продовольствіи колонистовъ. Они обмѣнивали лѣтомъ рыбу на муку, привозимую поморами изъ Архангельска въ Вардѣ, какъ это дѣлаютъ и норвежскіе промышленники. Приходилось послѣ каждого солиднаго улова путешествовать подъ парусами въ Вардѣ. Хорошо, если вѣтеръ былъ попутный, но при противныхъ вѣтрахъ много времени уходило на лавировку, во время которой портилась и рыба. Продавать рыбу Кньюпену

или другому колонисту, *Пильфельду*, проживающему въ становищѣ «*Вайда-уби*», не было расчета, такъ какъ эти господа, при отсутствіи конкуренціи, скупаютъ рыбу по самой низкой цѣнѣ. При дорогой цѣнѣ на хлѣбъ, который они получали въ обмѣнъ отъ поморовъ, колонисты встрѣчали другое затрудненіе: необходимо было давать, на примѣръ, шестнадцать пудовъ пикшуа за пудъ муки. Въдѣ сколько времени и труда надо употребить, чтобы выловить удобнѣмъ способомъ шестнадцать пудовъ рыбы! Кромѣ того, за полную ёлу, нагруженную рыбою, пригнанную въ Вардѣ съ большими усиліями, они, послѣ долгаго путешествія, получали самое незначительное количество хлѣба. Остальные недостатки имъ приходилось добирать за наличныя деньги. *Это была главная причина медленнаго экономическаго развитія колоніи «Земляная».* Въ другихъ отношеніяхъ, добрая нравственность колонистовъ, безупречная ихъ трезвость, честность, присущая финнамъ, трудолюбіе,—все это гарантируетъ блистательную будущность колоніи. Достаточно было видѣть, что создали колонисты изъ ничего, придя голодными и безъ гроша въ карманѣ, чтобы убѣдиться вполне, что эти люди съумѣютъ создать богатства и на Мурманскомъ берегу. Всѣ русскіе переселенцы получали при колонизаціи пособіе отъ правительства, а нѣкоторые даже и по два раза. Финны не получили ни гроша. Напротивъ, они встрѣтили на первыхъ же порахъ переселенія огромныя затрудненія. Областная администрація признала ихъ нелегально поселившимися и долго не выдавала паспортовъ. Но эта выдача была предписана изъ Петербурга по ходатайству финляндскаго генералъ-губернатора. Съ тѣхъ поръ колонизація финновъ на Мурманскомъ берегу узаконена. Мѣстная администрація продолжаетъ косо смотрѣть на переселенія финновъ, «неудобныя съ политической точки зрѣнія.....»

Таковы наши Мурманскія колоніи, если можно судить по двумъ нами приведеннымъ образчикамъ. Дальнѣйшихъ описаній, впрочемъ, и не нужно приводить, такъ какъ они ничего новаго не прибавятъ.

Слѣдуетъ, однако, оговориться, что среди норвежскихъ поселенцевъ попадаются господа, которые наживаются далеко не отъ промысла, а именно путемъ эксплуатаціи чужого труда и торговлей. Но и тутъ нужно отдать справедливость норвежцамъ; эксплуатируя трудъ своихъ собратьевъ, а чаще русскихъ рабочихъ,

они вносятъ въ эту эксплуатацію совершенно новыя приемы, иначе организуютъ промысловый трудъ, иначе, вообще, ведутъ все дѣло. Характерными въ этомъ смыслѣ примѣрами могутъ служить два норвежскихъ колониста—Кнюценъ въ становищѣ Столбовомъ и Пильфельдъ въ Вайда-губѣ. Первый имѣетъ парусное судно, купилъ недавно пароходъ и принялъ русское подданство. Къ нему являются весною рабочіе изъ поморья, которымъ задаются зимою задатки. Рыбу Кнюценъ солитъ на суднѣ и продаетъ ее въ Петербургѣ или Архангельскѣ.

«Кнюценъ воспользовался заливчикомъ въ бухточкѣ, огородилъ его сѣтью до дна и держитъ въ затонѣ рыбу «мойву.» Мойва подходитъ раннею весной (съ 1 Марта), прежде всего, къ берегамъ Финмаркена. Она держится огромною плотною массою до начала лѣта (1 Мая). За мойвой идутъ киты и треска, которые питаются ею. Въ Норвегіи запрещенъ китобойный промыселъ весною, чтобы китобои не разгоняли китовъ. Киты пригоняютъ мойву изъ арктическихъ странъ и заставляютъ ее держаться у береговъ Финмаркена, а вмѣстѣ съ мойвою приходитъ и треска. Тогда начинается промыселъ. Лѣтъ десять тому назадъ китобойныя заводы, построенныя на берегахъ Финмаркена, давали отъ 30 до 60⁰/о; теперь они даютъ 2—1⁰/о. Нѣкоторые закрылись, другіе еще существуютъ. Но промыселъ продолжается на малыхъ пароходахъ. Англичане ловятъ китовъ во льдахъ гораздо сѣвернѣе Нордъ-Капа. Они выходятъ изъ шотландскихъ портовъ на парусныхъ судахъ, снабженныхъ слабосильными машинами.

И такъ, мойва, распространяясь у береговъ Финмаркена, доходитъ и до Мурманскаго берега. Она держится на излюбленныхъ песчаныхъ мѣстахъ, въ нѣкоторыхъ заливчикахъ, исключительно на западной сторонѣ. Далѣе Териберки, средняго становища на Мурманскомъ берегу, она не идетъ. Уловъ ея прекращается на Мурманѣ около Петрова дня. Послѣ того для наживки ярусовъ (снастей съ крюками, посредствомъ которыхъ производится уловъ трески) употребляется другая маленькая рыбка, «песчанка», похожая на сѣтки. На песчанку рыба идетъ хуже. Принимая это во вниманіе и за неимѣніемъ у нашихъ поморовъ ледниковъ для консервированія мойвы, норвежецъ Кнюценъ принялся ловить мойву сѣтями весною. Онъ опускаетъ ее въ затонъ. Пароходикъ купленъ, чтобы развозить ее по становищамъ Мурманскаго берега. Часто

исучается. что рыбаки сидятъ въ становищахъ безъ мойвы и безъ песчанки. Тогда появленіе парохода Кнюцена возбуждаетъ сенсацию. Его буквально берутъ на abordажъ и платятъ за наживку какую угодно цѣну. Однажды, простоявъ нѣсколько часовъ въ становищѣ Гавриловѣ пароходъ выручилъ 700 руб.

Никто изъ русскихъ поморовъ не конкурируетъ съ Кнюценомъ. Никто не является ни весною, ни лѣтомъ въ становище «Столбовое» для закупки рыбы. Никто не воздвигаетъ тамъ новыхъ факторій. И Кнюценъ, при расчетахъ съ рабочими, опредѣляетъ поэтому за рыбу цѣну, какую хочетъ.»

Другой норвежецъ, Пильфельдъ, «король» западнаго Мурмана, какъ его называютъ поморы, «обладаетъ двумя парусными судами, изъ которыхъ одно грузится и отправляется ежегодно въ Петербургъ, а другое, меньшихъ размѣровъ, ходитъ съ трескою въ Архангельскъ. Услужливые прикащики изъ поморовъ вербуютъ посредствомъ выдачи задатковъ въ поморьѣ рабочую силу, доставляя ее раннею весной черезъ Кандалакшу на оленяхъ въ становище Вайда-губа. Тамъ зимуютъ промысловыя суда, шняки, на которыхъ рыбаки выѣзжаютъ въ море, когда наши поморы еще только собираются тронуться изъ портовъ Бѣлаго моря на Мурманъ. Чтобы дать понятіе объ операціяхъ, производимыхъ Пильфельдомъ, о выгодахъ его и преимуществахъ становища, достаточно сказать, что когда мы прибыли весною на пароходѣ «Чижевъ» въ Вайда-губу, идя первымъ рейсомъ изъ Вардѣ въ Архангельскъ, открывая навигацію (пароходъ зимовалъ въ Екатерининской гавани, вблизи Колы, и началъ первый рейсъ вдоль Мурманскаго берега изъ Вардѣ), то мы застали большое судно Пильфельда почти нагруженнымъ трескою. Рыбакамъ оставалось раза три съѣздить на море, чтобы нагрузить судно окончательно для отправки въ Петербургъ, куда оно приходитъ ежегодно первымъ. Это даетъ Пильфельду возможность продавать рыбу въ Петербургѣ по цѣнѣ гораздо большей, нежели та, за которую уступаютъ поморы, являясь на петербургскій рынокъ значительно позднѣе, осенью. И такъ, Пильфельдъ кончалъ весенній промыселъ, когда наши поморы еще не трогались изъ дому. Первый пароходъ съ промышленниками выходитъ обыкновенно изъ Архангельска на Мурманъ по прошествіи нѣсколькихъ дней послѣ прихода «Чижова». При этомъ, если иному помору и придетъ желанію зайти въ Вайда-губу для покуп-

ки трески весной, послѣ зимовки его судна въ г. Вардѣ, то этотъ поморъ, въ качествѣ покупателя-конкуррента Пильфельда, не находитъ продавцовъ-промышленниковъ. Промышленники Пильфельда лишаются права продажи рыбы другимъ скупщикамъ и, получивъ задатки, обязываются служить исключительно Пильфельду. Но самъ Пильфельдъ не принимаетъ на себя никакихъ обязательствъ по отношенію къ промышленникамъ, кромѣ обязательства кормить ихъ; взаимныя матеріальныя отношенія основываются на «покрутъ», отвергнутомъ въ Норвегіи, но принятомъ у нашихъ поморовъ. Хозяинъ выдаетъ покрученнику ссуду деньгами на уплату податей и товаромъ на его пропитаніе и для домашней надобности. Кромѣ того, онъ обязывается давать ему продовольствіе и все необходимое для рыбнаго промысла во время лова. Покрученники-же обязываются весь ловъ отдавать хозяину, изъ чего онъ $\frac{2}{3}$ беретъ себѣ, а $\frac{1}{3}$ дѣлится поровну между покрученниками. Дѣлежъ этотъ производится осенью и называется «дуваномъ». Свою часть покрученники имѣютъ право продать только хозяину. Изъ вырученной суммы покрываются, прежде всего, выданныя покрученнику ссуды и другіе заборы. Рыба ниже въ цѣнѣ, заборъ—цѣною выше. При хорошемъ уловѣ и эти отношенія, несмотря на ихъ тяжесть, были-бы еще сносны для промышленника, если бы все не зависѣло отъ цѣны на рыбу. Между тѣмъ цѣну на рыбу назначаютъ скупщики. Если въ становищѣ скупщикъ одинъ, притомъ, онъ же и хозяинъ, цѣна на рыбу назначается имъ произвольно и разумѣется, самая низкая. Возвышеніе цѣны зависитъ отъ конкуренціи нѣсколькихъ скупщиковъ. Каждому хочется скупить побольше и поскорѣе. Каждый набиваетъ цѣну другъ передъ другомъ. Въ прошломъ году цѣна на рыбу доходила, вслѣдствіе конкуренціи, въ самомъ людномъ становищѣ «Гаврилово», до 1 руб. за пудъ, чего не запомнятъ норвежцы. Рѣдко цѣна падаетъ ниже 50 коп. за пудъ какъ въ Норвегіи, такъ и на Мурманскомъ берегу. Но Пильфельдъ скупаетъ рыбу, пользуясь случаемъ совершеннаго отсутствія конкуренціи, по 25 коп. за пудъ. Его рабочіе не выходятъ, разумѣется, изъ долговъ...»

Вообще про норвежцевъ и финновъ, которые пока хотя и селятся вдоль западнаго Мурмана, можно сказать, что у нихъ замѣчается стремленіе къ востоку. Максимовъ даже приводитъ таблицу количества жителей на заселенныхъ мѣстахъ, располагая

данныя въ извѣстномъ порядкѣ съ цѣлю показать своего рода Drang nach Osten, обнаруживаемый ими. Но это соображеніе едва-ли вѣроятно, и замѣчаемое явленіе обуславливается весьма понятнымъ стремленіемъ избирать наиболѣе удобныя для поселенія мѣста, которыхъ на восточномъ Мурманѣ больше, чѣмъ на западномъ.

Говоря объ исключительно благоприятныхъ условіяхъ, въ какихъ находятся постоянные обитатели Мурманскаго побережья, въ сравненіи съ пришлыми элементами, мы не упоминали совсѣмъ о климатическихъ условіяхъ побережья. Едва-ли, впрочемъ, послѣ всего того, что было сказано въ предыдущихъ главахъ о климатѣ, слѣдуетъ прибавлять еще что-нибудь. Фактъ наличности у норвежскихъ и финскихъ колонистовъ довольно богатыхъ луговъ и скотоводства въ небольшихъ размѣрахъ въ достаточной степени характеризуетъ климатъ Мурмана, на западномъ берегу даже гораздо болѣе мягкій, чѣмъ въ значительной части Онежскаго. Кемскаго и Архангельскаго уѣздовъ, заселенныхъ издавна, хотя и рѣдкимъ населеніемъ.

Единственнымъ крупнымъ дефектомъ положенія вещей на Мурманѣ въ смыслѣ возможности его колонизаціи является недостатокъ хорошаго порта, который далъ-бы возможность болѣе дешеваго и быстраго сообщенія со всѣмъ цивилизованнымъ міромъ, въ особенности въ настоящее время, когда оканчивается постройкой Архангельско-Вологодская желѣзная дорога. Объ открытіи на Мурманскомъ берегу порта говорилось и писалось очень много, такъ что необходимость его можно считать совершенно выясненной. Впрочемъ, въ настоящее время вопросъ объ открытіи порта въ Екатерининской гавани можно считать рѣшеннымъ, и остается только ожидать его осуществленія и тѣхъ благихъ результатовъ для развитія вообще всей мурманской промышленности и въ частности для болѣе успѣшнаго хода колонизаціи побережья, которыхъ ожидаютъ отъ осуществленія этого проэкта.

Для довершенія картины жизни осѣдлаго населенія на Мурманѣ слѣдуетъ еще сказать о такъ называемыхъ фактористахъ и роли, которую они играютъ въ жизни побережья.

Фактористы, т. е. владѣтели торгово-промышленныхъ факторій, появились на Мурманѣ вслѣдъ за обнародованіемъ указанныхъ уже нами правилъ о льготахъ для переселенцевъ на Мурманѣ.

Четырнадцатый пунктъ этихъ правилъ предоставлялъ лицамъ, торгующимъ по свидѣтельствамъ 1-й и 2-й гильдіи, учрежденіе на Мурманскомъ берегу факторій. Эти лица не замедлили воспользоваться предоставленнымъ имъ правомъ, и къ 1881 году на Мурманѣ появилось уже 8 факторій и 14 лавокъ (на восточномъ берегу 6 факторій и 4 лавки, на западномъ 2 факторіи и 10 лавокъ). Собственники факторій, конечно, всѣ люди обладающіе большими средствами и, разумѣется не могли остаться только купцами, продающими промышленникамъ все нужное имъ, имѣя подъ руками такую удобную обстановку для эксплуатаціи этихъ промышленниковъ. Очень скоро фактористы сдѣлались скупщиками рыбы, а съ теченіемъ времени стали даже устанавливать на нее цѣны. Беря данныя 1880 г., мы видимъ, что на восточномъ Мурманѣ фактористовъ было въ три раза болѣе, чѣмъ на западномъ. Это уже указываетъ, что эти господа находили себѣ болѣе широкое поле дѣятельности среди невѣжественной и бѣдной массы русскихъ колонистовъ и промышленниковъ, по преимуществу занимающихъ восточный берегъ—на западномъ имъ было нечего дѣлать. Операциі фактористовъ въ сущности сводились къ очень простымъ приѣмамъ. Все, что можно было найти въ факторіяхъ, т. е. соль, чай, сахаръ, табакъ, крѣпкіе напитки, предметы необходимые для промысла, и т. д., все это, благодаря стачкѣ ихъ, продавалось по очень высокимъ цѣнамъ, а продукты промысла покупались по очень низкой цѣнѣ. Создавая категорію фактористовъ, администрація, конечно, предполагала создать на Мурманѣ правильныя условія для снабженія промышленниковъ всѣмъ необходимымъ. Но сила вещей оказалась болѣе могущественной, чѣмъ благія пожеланія правительства. Фактористы явились только прекрасно организованной экономической группой, поставившей себѣ цѣлю возможно широкую эксплуатацію мѣстнаго и пришлаго населенія Мурмана, особенно восточной его части, такъ какъ на западной—въ лицѣ норвежцевъ—колонистовъ создалась имъ конкуренція, заставившая ихъ сосредоточить всѣ свои операциі на восточномъ берегу. Интересно, что норвежцы, конкурирующіе съ фактористами, пользуются полнымъ сочувствіемъ русскихъ промышленниковъ, между тѣмъ какъ фактористы ихъ ненавидятъ отъ всей души (дали имъ презрительную кличку «шмерцовъ»).

Въ настоящее время, какъ это можно видѣть изъ приложенія въ концѣ книги (№ 9), число факторій немного возрасло (12), число лавокъ осталось то-же, что и въ 1881 г., т. е. 14. Другими словами, въ смыслѣ развитія конкуренціи положеніе вещей осталось неизмѣннымъ и даже ухудшилось, такъ какъ возрасло количество осѣдлаго населенія на Мурманѣ, и нѣкоторые изъ колонистовъ-норвежцевъ западнаго Мурмана, ранѣе дѣятельно противо-дѣйствовавшіе монополіи фактористовъ, въ свою очередь сдѣлались монополистами на манеръ Кнюцена и Пильфельда. Впрочемъ, деморализующее вліяніе этихъ монополистовъ умѣряется до нѣкоторой степени тѣмъ, что они все-таки вносятъ въ Мурманскую жизнь, погрязшую въ самой заскорузлой рутинѣ, кое-что новое и по существу прогрессивное.

Нѣкоторые наблюдатели Мурмана, не особенно считающіеся съ цифрами и фактами, однако видятъ за послѣднее время нѣкоторый поворотъ къ лучшему въ смыслѣ ослабленія монополіи фактористовъ, какъ, напр., г. Подгаецкій. Но оптимизмъ его обусловливался, какъ онъ самъ говоритъ, тѣмъ, что «начали проявляться проблески свободы торговли и возрастать конкуренція не только отъ борьбы между колонистами и фактористами, но и отъ того, что на мѣстѣ бывшей факторіи Зебека въ Корабельной бухтѣ, *возникло солидное рыбопромышленное общество «Рыбакъ», основанное петербургскими капиталистами, обладающее большими средствами.....*» Въ настоящее время общество «Рыбакъ» ликвидировало свои дѣла, такъ что предвидѣнія Подгаецкаго не могли осуществиться, а кромѣ того самое простое разсужденіе можетъ показать, что никакое «солидное» капиталистическое предпріятіе не улучшить положенія покрученника, страдающаго, главнымъ образомъ, отъ эксплуатаціи его именно на капиталистическій ладъ. Дѣло другое, если мы будемъ имѣть въ виду общее развитіе промысловъ въ смыслѣ созданія блестящей въ экономическомъ смыслѣ отрасли производства—въ этомъ смыслѣ «солидныя» капиталистическія предпріятія на Мурманѣ могли-бы очень многое сдѣлать, но и тутъ нужно замѣтить, что они сдѣлали-бы не больше, чѣмъ капиталистическія-же предпріятія фактористовъ. Во всякомъ случаѣ, въ настоящее время на горизонтѣ мурманской неурядицы, кромѣ возникновенія и развитія мелкой артельной формы организаціи про-

мысловаго труда, не видно ни одного свѣтлаго облачка, которое бы позволило питать какія-либо оптимистическія надежды.

Между прочимъ, колонизація Мурмана вызвала къ жизни, конечно, при содѣйствіи правительства, акціонерное пароходное общество срочнаго Бѣломорско-Мурманскаго пароходства, но дѣло не пошло у этой компаніи, и уже въ 1874 г. общество прекратило свое существованіе. Правда, въ слѣдующемъ году возникло новое общество «Архангельско-Мурманскаго» срочнаго пароходства (получающее субсидію въ 80000 руб.), и даже въ самое послѣднее время рейсы этого пароходства, по ходатайству архангельскихъ властей, учащены, но и до сихъ поръ Мурманъ сообщается съ Архангельскомъ съ одной стороны и съ Норвегіей—съ другой, очень недостаточно *). Нельзя отрицать, что организація правильныхъ сношеній съ Мурманомъ оказала нѣкоторыя услуги развитію колонизаціи на этомъ берегу, но во всякомъ случаѣ вліяніе это было односторонне, такъ такъ давало возможность только болѣе или менѣе зажиточнымъ колонистамъ въ лицѣ фактористовъ вести свои предпріятія съ меньшимъ рискомъ и большими шансами на успѣхъ.

На основаніи новаго устава пароходства (1897 г.), оно обязано имѣть не менѣе 8 пароходовъ и должно производить рейсы на Мурманъ между Вардѣ и становищами побережья разъ въ недѣлю, весною; лѣтомъ товарищество обязано совершать одинъ рейсъ въ недѣлю между Архангельскомъ и Вардѣ (вдоль Мурмана) и еще по линіи Варангерскаго залива между Кій—островомъ и Вадзе одинъ разъ въ недѣлю. Для наблюденія за порядкомъ во время производства промысла, а также для сообщенія промышленникамъ свѣдѣній о ходѣ рыбы вдоль Мурманскаго берега, въ послѣдніе годы вдоль Мурмана крейсируетъ административный пароходъ «Мурманъ», значеніе котораго, однако, для колонизаціи берега невелико, и вообще для развитія промысловъ этотъ крейсеръ приносить немного пользы, хотя бы уже по одному тому, что въ самое горячее промысловое время онъ красится въ докахъ Соловецкаго монастыря, тратя на эту операцію не менѣе иногда 1½ мѣсяцевъ.

Для успѣха колонизаціи въ числѣ многихъ условій нужно, конечно, и строгое отношеніе ко всѣмъ узаконеніямъ, гаранти-

*) Рейсы еженедѣльные.

рующимъ осѣдлому населенію имущественную и гражданскую неприкосновенность и вообще соблюденіе всѣхъ юридическихъ нормъ, регулирующихъ и гарантирующихъ правильное развитіе общественности. Въ этомъ смыслѣ Мурманскій берегъ представляетъ картину самаго хаотическаго безпорядка, и хотя полицейская часть на немъ организована такъ-же, какъ и въ остальныхъ частяхъ Архангельской губ., однако функціи мѣстныхъ судебныхъ органовъ отправляются чрезвычайно вяло, прежде всего по недостатку судебного персонала и отсутствію правильнаго и частаго сообщенія между всѣми становищами побережья. Отчасти для обезпеченія большей возможности отправлять правосудіе администрація содержитъ пароходъ «Мурманъ», на которомъ ѣздятъ лица судебного и административнаго вѣдомства, но эта функція выполняется имъ плохо, такъ какъ рейсы въ сущности очень рѣдки. Благодаря этому, случаются такія вещи, что мировой судья, живущій, кстати сказать, въ Колѣ, не является, какъ пишетъ Максимовъ, на Мурманъ съ ранней весны и до начала Августа. «Накопилось,—продолжаетъ Максимовъ,—огромное количество дѣлъ, которые пересылались урядниками въ г. Колу. Мнѣ говорили, что мировой судья намѣренъ былъ вызвать обвиняемыхъ, гражданскихъ истцовъ и отвѣтчиковъ въ г. Колу на томъ основаніи, что онъ не находитъ въ становищахъ удобнаго помѣщенія для разбора дѣла. Судите сами, какой это, въ самомъ дѣлѣ, уважительный аргументъ, насколько удобно обвиняемымъ и отвѣтчикамъ путешествовать въ г. Колу, бросая промыселъ. Впрочемъ, я не знаю, состоялось-ли это путешествіе въ Августѣ мѣсяцѣ, или мировой судья наградилъ Мурманскій берегъ своимъ присутствіемъ. Я убѣдился въ полномъ безначаліи, бывшемъ въ становищѣ Гаврилово во все время моего пребыванія тамъ. Что могъ предпринимать несчастный урядникъ, безправное лицо, обязанное составить только протоколъ, не болѣе? Я слышалъ, какъ онъ запугивалъ людей, ссылаясь на законы, видѣлъ, какъ онъ составлялъ протоколы, но рѣшеній быть не могло; между тѣмъ, жаловались другъ на друга поминутно, причемъ жалобы были разнохарактерны».

Все это вмѣстѣ взятое дѣлаетъ успѣшную колонизацію Мурмана весьма сомнительной.

Одной изъ очень важныхъ причинъ, вредящихъ успѣху колонизаціи, является между прочимъ одинъ изъ параграфовъ правилъ

о колонизаціи, а именно тотъ, которымъ колонистамъ разрѣшалась беспошлинная торговля для всѣхъ, переселившихся на Мурманъ. Въ надеждѣ занять торговое положеніе на Мурманѣ, туда хлынула первоначально толпа авантюристовъ безъ всякихъ средствъ какъ матеріальныхъ, такъ и духовныхъ, неся туда только неудержимую жажду скорой наживы. Въ особенности этому содѣйствовала первоначально существовавшая свобода безпатентной торговли спиртными напитками, употребленіе которыхъ на Мурманѣ доходило до грандіозныхъ размѣровъ. Этимъ колонистамъ нечего было терять на родинѣ. Правительство, желая поощрить колонизацію, выдавало пособие по 200 руб. на семейство. Колонисты имѣли право на полученіе еще ссуды изъ казны «по правиламъ о выдачѣ ссудъ поморамъ на Мурманскомъ берегу для самостоятельнаго веденія рыбнаго промысла», для покупки шнякъ и карбасовъ. Артели, составлявшіяся изъ 4 чел. для промысла на шнякъ, получали ссуду въ размѣрѣ не выше 430 руб., а для промысла на карбасъ— не свыше 215 руб. Колонистамъ, кромѣ того, предоставляется право беспошлинной торговли заграничными товарами, необходимыми для промышленниковъ, какъ-то: чаемъ, сахаромъ, веревками, дождевиками, теплыми фуфайками и т. д. Колонизація началась, когда еще не было запрещенія привоза на Мурманъ спиртныхъ напитковъ. Было время, когда на Мурманѣ привозомъ спиртныхъ напитковъ иживались огромныя состоянія. Фактористъ Дарлингъ, наприм., выручалъ за какіе-нибудь три мѣсяца около 7.000 руб., причемъ получалъ эти деньги треской по 40 коп. за пудъ, тогда какъ настоящая цѣна ей доходила до 75 коп. Вотъ что было принято, главнымъ образомъ, русскими колонистами во вниманіе при стремленіи ихъ на Мурманъ. Жажда быстрого обогащенія на счетъ норвежскаго рома и русской водки брала верхъ надъ всѣми чисто-сельскохозяйственными или домашне-обиходными соображеніями. И вотъ, когда поселились первые колонисты въ Гавриловъ и Териберкъ, то каждый домъ колониста обратился въ кабакъ. Пьянство происходило день и ночь въ лѣтнюю пору; поморы брали безпатентные кабаки штурмомъ. Тогда колонисты наживали деньги, которыя они такъ-же легко промагивали, какъ и пріобрѣтали. Не долго, однако, продолжалась ихъ вольготная жизнь. Вышло запрещеніе торговли спиртными напитками. Колонисты бросились на торговлю чаемъ, сахаромъ, снастями и другими товарами, необхо-

димыми для промышленниковъ. Но на этомъ поприщѣ торговли они встрѣтили сильныхъ конкурентовъ въ лицѣ поморовъ—фактористовъ, которымъ были предоставлены наравнѣ съ колонистами льготы беспошлинной торговли заграничными товарами, добываемыми изъ Вардѣ. Колонисты потеряли сначала деньги, нажитыя на винѣ, а потомъ подпали подъ давленіе поморовъ—капиталистовъ, т. е. попросту задолжали имъ по нѣсколько сотъ рублей. И вотъ теперь стоятъ жалкія колоніи, въ грязи и нуждѣ, съ народонаселеніемъ, задолжавшимъ по горло казнѣ и частнымъ лицамъ. Они не могутъ выйти изъ беспросвѣтной бѣдности. Это—нахлѣбники казны и несостоятельные ея должники. Казна озабочена ихъ пропитаніемъ, но питомцы ея ничего не производятъ и выплачиваютъ ей гроши. Единственный заработокъ имѣютъ они лѣтомъ рыбнымъ промысломъ. Бабы, дѣвки и ребятишки зарабатываютъ гроши, помогая поморамъ наживлять яруса, а мужики выѣзжаютъ въ море на ловлю рыбы. И такъ влачатъ они жалкое существованіе, страдая зимою отъ цынги, нуждаясь въ пищѣ и овощахъ, оторванные отъ міра и не имѣя у себя даже запаснаго магазина для хлѣба. Если судить по этимъ образцамъ, колонизація не имѣетъ будущности на Мурманѣ. Русскіе колонисты на Мурманѣ—самые презрѣнные люди, по понятіямъ поморовъ. Лѣтомъ они работаютъ съ грѣхомъ пополамъ: ловятъ рыбу въ океанѣ или семгу въ рѣкѣ Териберкѣ, враждуя изъ-за нея съ лопарями, которые перекочевываютъ на лѣто къ морскимъ берегамъ, а зимою колонисты погружаются въ летаргическій сонъ, и тогда наступаетъ время торжества цынги....»

«Пьянство на Мурманѣ,—пишетъ другой бытописатель Мурманскаго побережья,—развито къ несчастью такъ-же сильно, какъ между крестьянами и рабочимъ классомъ всей Россіи. Главный напитокъ промышленниковъ—норвежскій ромъ самаго низшаго достоинства, несмотря на то, что онъ носитъ названіе Ямайскаго. Бутылка этого рому стоитъ 40 копѣекъ. Многіе доказываютъ, что въ промысловые мѣсяцы на Мурманѣ выпиваютъ не менѣе 5000 анкерковъ рому, что составляетъ 250.000 бутылокъ, т. е. на 100.000 рублей. Кромѣ того, тамъ въ употребленіи разныя заграничныя вина, водки, ликеры и норвежское пиво....»

Это писалось о Мурманѣ еще въ то время, когда тамъ была разрѣшена свободная продажа спиртныхъ напитковъ. Теперь этой

свободы нѣтъ, но пьянство, повидимому, нисколько не уменьшилось и по-прежнему составляетъ язву мурманской жизни, въ значительной степени тормозящую правильное развитіе не только колонизаціи, но и вообще промышленной дѣятельности.

Въ теченіе послѣднихъ 10—15 лѣтъ по всему побережью Мурманъ въ различныхъ его пунктахъ администраціей устроены хлѣбные и соляные магазины, польза которыхъ, при безурядицѣ экономическихъ отношеній на Мурманѣ, при экономической зависимости большинства промышленниковъ отъ массы спеціально мурманскихъ «благодѣтелей», очевидна, а въ данномъ случаѣ, т. е. по отношенію къ колонизаціи, эта мѣра значительно содѣйствовала по крайней мѣрѣ тому, что осѣдлое населеніе не такъ стало нуждаться въ двухъ самыхъ главныхъ на Мурманѣ вещахъ—хлѣбѣ и соли. Мы говоримъ: «самыхъ главныхъ на Мурманѣ», и дѣлаемъ это нарочно, чтобы подчеркнуть особенно важное значеніе этой мѣры, именно на Мурманѣ, который въ теченіе почти 9 мѣсяцевъ лишенъ возможности получать за *доступную* цѣну эти два продукта, безъ которыхъ нельзя жизнь вообще, а въ особенности на Мурманѣ, гдѣ недостатокъ соли дѣлаетъ ненужнымъ совершенно и самый промыселъ, какъ бы онъ ни былъ богатъ въ данное время.

Для довершенія картины жизни на Мурманскомъ берегу берегу слѣдуетъ обратить еще вниманіе на гигиеническія условія. Нѣтъ надобности долго останавливаться на этомъ предметѣ—всѣ русскія поселенія и всѣ становища находятся въ тождественныхъ гигиеническихъ условіяхъ, и потому достаточно описать одно поселеніе, чтобы дать понятіе о всѣхъ.

Незавидную картину представляетъ собою Мурманское становище! Это просто кучка невѣроятно грязныхъ и ветхихъ избенокъ, а иногда и землянокъ. *) Это по-истинѣ скопище грязи и всяческихъ отбросовъ. «Очевидно,—говоритъ одинъ наблюдатель,—люди собираются сюда сорить и грязнить, а убирать некому—всѣ заняты промысломъ.....» Но таковы, впрочемъ, русскія поселенія, —финскія и норвежскія, какъ мы уже видѣли, представляютъ иную картину.

*) На долю самостоятельныхъ промышленниковъ, наиболѣе бѣдныхъ, приходится нерѣдко вмѣсто жилья перевернутая лодка, брошенная на произволъ судьбы кѣмъ-нибудь.

Что касается вообще бытовых условий на Мурманском побережьи, то они просто ужасны и гибельностью своей превосходят всякое описание....» говорит один из невольных наблюдателей этих бытовых условий. Впрочем, он все-таки пытается дать болѣе или менѣе точное ихъ описание, и вотъ какую картину онъ рисуетъ....

Обыкновенно хозяинъ принимаетъ на себя обязанность кормить и давать пріютъ своимъ рабочимъ. На каждые 30 человѣкъ выстраивается обыкновенно одна темная (чтобы не расходоваться на стекла) изба, занимающая пространство въ 3—4 кв. сажени и содержащая не болѣе 10 куб. саж. воздуха. Стремленіе къ экономіи приводитъ къ тому, что изба, разъ выстроенная, не ремонтируется никогда, и въ настоящее время всѣ промысловыя избы стали до такой степени ветхими, что вовсе не защищаютъ отъ сырости и холода и надѣляютъ каждого изъ обитателей ея цынгой и ревматизмами. Конуры эти не топятся зимой, вслѣдствіе чего, съ водвореніемъ въ нихъ рабочихъ, онѣ дѣлаются сырыми и угарными. Благодаря скученности населенія избушки, при полнѣйшемъ отсутствіи вентиляціи и какихъ бы то ни было гигиеническихъ приспособленій, заражается воздухъ, за рѣшительную невозможностью выносить который часть рабочихъ ищетъ себѣ пріюта подъ крышей, гдѣ земляная насыпь потолка служитъ поломъ, а тесовая со щелями крыша—потолкомъ; другіе помѣщаются въ сѣняхъ, тоже не имѣющихъ половой настилки, или въ амбарахъ, гдѣ хранится рыба; рѣзкій переходъ отъ жаркой избы къ холодному воздуху при недостаткѣ теплой одежды вызываетъ заблѣванія. Экспедиція профессора Богданова въ своемъ отчетѣ свидѣтельствуетъ, что промысловыя «лачуги представляютъ всѣ условія для развитія всевозможныхъ болѣзней.» Но и внѣ избы не лучше. Гниющая масса отбросовъ, получающихся при потрошеніи выловленной рыбы, распространяетъ такое зловоніе, что приводитъ въ обморокъ непривычнаго къ этой убійственной атмосферѣ человѣка. Всѣ эти міазмы въ значительной степени поддерживаютъ развитіе скорбута и другихъ болѣзней. Неимѣніе запаснаго бѣлья и одежды также гибельно отражается на здоровьи рабочихъ: промокшее, иногда обледенѣлое платье и бѣлье должны сохнуть на нихъ самихъ. Кромѣ этихъ неблагоприятныхъ условий, слѣдуетъ еще упомянуть и о крайне неудовлетворительномъ и не-

достаточномъ питаніи, состоящемъ исключительно изъ хлѣба и трески. Ни о мясѣ, ни о какихъ-либо приправахъ здѣсь нѣтъ и рѣчи.»—

Это было писано сравнительно давно, но и теперь, по свидѣтельству людей только, такъ сказать, на дняхъ бывшихъ на Мурманѣ и наблюдавшихъ всю неприглядность бытовыхъ условій тамошней жизни, картина остается той-же. Максимовъ, въ бытность его на Мурманѣ (въ 92 г.), рисуетъ, если только возможно, еще болѣе ужасную картину того, какимъ образомъ удовлетворяются нужды мурманскихъ обитателей во врачебной помощи—нужды чрезвычайно острые, такъ какъ при тамошнемъ климатѣ, при необходимости почти постоянно быть мокрымъ и т. д., самыя ничтожныя травматическія поврежденія дѣлаются очень быстро серьезными, угрожающими жизни ранами, гдѣ, наконецъ, оспа, сыпной тифъ и цынга, въ особенности послѣдняя, не составляютъ рѣдкаго явленія.

Въ то время, по словамъ Максимова, часто не знали, куда положить больного. Зданіе больницы въ другихъ отношеніяхъ казалось сноснымъ. Но недостатокъ врачебнаго персонала долженъ гибельно отражаться въ дѣлѣ медицинской помощи. На весь Мурманскій берегъ, на всѣ больницы, на разстояніи 1000 верстъ полагается одинъ врачъ. Лекаръ, откомандированный на Мурманскій берегъ, разъѣзжалъ изъ становища въ становище, предоставляя всѣ неожиданныя случаи, нечаянные исходы болѣзни на усмотрѣніе фельдшеровъ и сестеръ милосердія. По привычкѣ путешественника, лекаръ, обращалъ большое вниманіе на рыбный промыселъ, давалъ поморамъ совѣты, какъ надо торговать, указывалъ на то, чего не хватаетъ, по его мнѣнію, въ дѣлѣ рыбнаго промысла и при всякомъ удобномъ случаѣ старался внушить собесѣднику убѣжденіе, что онъ чрезвычайно близокъ къ областной администраціи и былъ-бы не прочь поѣхать даже за-границу на казенный счетъ, съ цѣлью изслѣдованія рыбнаго промысла во Франціи, Англіи и Америкѣ. На мой вопросъ, долго-ли онъ намѣренъ практиковать на Мурманѣ, лекаръ отвѣтилъ, что какъ только составитъ себѣ состояніе, то оставить службу. Было очевидно, что человѣкъ этотъ былъ занятъ менѣе всего медициной.

Кромѣ недостатка врачебнаго персонала,—продолжаетъ Максимовъ,—больные страдаютъ въ больницахъ Мурманскаго берега еще и отъ недостатка пищи. Ихъ кормятъ трескою, кашею, иногда

молокомъ, въ рѣдкихъ случаяхъ солониною, изъ которой приготавливаютъ иногда бульонъ. Свѣжаго мяса, зелени, приправъ никогда не бываетъ въ больницахъ «Краснаго Креста.» Говорятъ, нѣтъ средствъ. Я полагаю, лучше было-бы обложить поморовъ, промысливающихъ на Мурманѣ, нѣкоторымъ сборомъ, нежели ссылаться на недостатокъ средствъ, когда необходимо спасать жизнь труженниковъ, отъ которыхъ зависитъ успѣхъ рыбнаго промысла. Наконецъ, правильная постановка врачебнаго дѣла необходима для предупрежденія всевозможныхъ эпидемій. Это до такой степени очевидно, что распространяться объ этомъ нечего. Что же касается видоизмѣненія санитарныхъ условій Мурманскаго берега, то необходимо приступить къ этому немедленно. Въ такихъ случаяхъ правительство не должно церемониться.

Правда, въ настоящее время, т. е. спустя три года послѣ того, какъ Максимовъ оставилъ Мурманскій берегъ, положеніе вещей нѣсколько измѣнилось, но измѣненіе это коснулось, и притомъ въ очень незначительной степени сравнительно съ размѣрами нужды, только организаціи врачебной помощи. Строго говоря, винить въ дурномъ устройствѣ врачебной помощи только администрацію, какъ это склоненъ дѣлать Максимовъ, едва-ли возможно, по крайней мѣрѣ, цѣликомъ. Порядочная часть всяческихъ неустройствъ въ данномъ отношеніи падаетъ на долю чисто естественныхъ условій, въ какихъ находится Мурманъ. Чтобы оцѣнить отчасти тяжесть естественныхъ условій, въ какихъ приходилось создавать сколько-нибудь сносную организацію врачебной помощи, достаточно бросить взглядъ на исторію этого дѣла, рассказываемую человекомъ, который самъ прослужилъ въ качествѣ врача на Мурманѣ 10 лѣтъ и превосходно ознакомился съ бытовыми и санитарными условіями тамошней жизни. Исторія эта заслуживаетъ того, чтобы ее привести цѣликомъ.

«По рассказамъ колянъ, народная медицина,—гласитъ эта исторія,—была въ рукахъ знахарей до 1854 года, пока не прислали въ Колу военнаго врача съ командою для защиты города отъ нападенія англичанъ. Военный врачъ пробылъ въ Колѣ до окончанія Крымской компаніи и на его мѣсто въ 1858 году былъ присланъ первый уѣздный врачъ Дембровскій, который, пробывъ тамъ восемь лѣтъ, устроилъ больницу, аптечку и исходатайствовалъ себѣ помощника—лѣкарскаго ученика; выписана была и пови-

вальная бабка. Благодаря его заботамъ, мѣстный капиталистъ Поповъ, умирая оставилъ Колѣ небольшой капиталъ на устройство новой больницы, такъ какъ первая не соотвѣтствовала гигиеническимъ требованіямъ и была весьма неудобна, вслѣдствіе того, что помѣщалась въ одномъ старомъ зданіи, вмѣстѣ съ полиціею и тюрьмою. Послѣ Дембровскаго въ Колу былъ назначенъ врачъ Лаутерштейнъ, который доказалъ Архангельскому Врачебному Отдѣленію необходимость имѣть въ Лапландіи трехъ фельдшеровъ, вслѣдствіе чего таковыя и были назначены: въ Кузомень на Терскомъ берегу, въ Печеньгу—на западной части Мурманскаго берега и въ Колу. Врачъ Лаутерштейнъ пробылъ въ Колѣ два года и послѣ него до 1882 года никто изъ врачей не соглашался отправиться въ этотъ отдаленный край на государственную службу, и леченіе предоставлено было фельдшерамъ, а съ 1882 г. по 1890 годъ былъ назначенъ врачъ М. Т. Стафіевскій. Исправники г. Колы и Мурманскаго берега не могли не обратить вниманія на промысловыя и мѣстныя эпидемическія болѣзни и писали объ этомъ въ своихъ годовыхъ отчетахъ. Архангельская же высшая администрація сообщала объ этомъ съ своей стороны въ министерство Внутреннихъ Дѣлъ, что и вызвало распоряженіе объ ежегодныхъ командировкахъ врачей на Мурманъ для поданія помощи заболѣвающимъ рыбопромышленникамъ. Министерскимъ командированнымъ врачамъ негдѣ было помѣщать серьезныхъ больныхъ, они могли давать только совѣты и удѣлять немного медикаментовъ изъ своихъ походныхъ аптекъ, а сами жили въ станахъ рыбопромышленниковъ, у гостепріимныхъ судохозяевъ или на факторіяхъ. Положеніе этихъ врачей было не завидно, и имъ не легко было приносить желаемую пользу, но зато они обогащали архивы высшей администраціи подробными отчетами, въ которыхъ ясно проводили мысли о необходимыхъ мѣрахъ къ поднятію благосостоянія края и о санитарныхъ его нуждахъ. Командировка министерскихъ врачей продолжалась недолго, такъ какъ они доказали, что при такой обстановкѣ не могутъ приносить пользы рыбопромышленникамъ, и что деньги, затрачиваемыя на это правительствомъ, бесполезны; поэтому съ 1878 г. вмѣсто врачей начали посылать фельдшеровъ. Вообще участь здоровыхъ на Мурманѣ не завидна, а тѣмъ болѣе больныхъ, поэтому крайне нужно было предпринять энергическія мѣры, могущія принести пользу

страдающимъ. Нужно было явиться администратору съ весьма сильною волею, или общественному дѣятелю, не жалѣющему своихъ трудовъ и умѣющему найти необходимыя для того матеріальныя средства, чтобы поставить тамъ санитарную часть въ такія рамки, въ которыхъ она могла-бы дѣйствительно принести пользу. Въ концѣ 1880 г., когда бывшая предсѣдательница Архангельскаго Общества Краснаго Креста А. Г. Игнатьева оставила г. Архангельскъ, предсѣдательство перешло въ руки бывшего вице-губернатора, князя Голицына, который въ слѣдующемъ-же году на одномъ изъ очередныхъ собраній Общества предложилъ обсудить, какимъ образомъ и откуда взять средства, чтобы принести сильную помощь несчастнымъ заболѣвающимъ промышленникамъ. Предложеніе это было принято почти единогласно и рѣшено было послать въ Лапландію на берега Ледовитаго океана санитарный отрядъ, а разработка подробностей его дѣятельности и изысканіе необходимыхъ средствъ возложено на мѣстное управленіе Общества. Въ томъ же году, послѣ вскрытія Сѣверной Двины, былъ посланъ санитарный отрядъ на счетъ мѣстнаго Общества Краснаго Креста, съ первымъ рейсомъ на срочномъ мурманскомъ пароходѣ «Архангельскъ». Въ составъ санитарнаго отряда вошли: врачъ Е. М. Дементьевъ, шесть сестеръ милосердія, принадлежащихъ къ общинѣ рясофорныхъ монахинь женскаго Холмогорскаго монастыря, три правительственныхъ фельдшера и три санитаря, а со вторымъ рейсомъ былъ посланъ второй врачъ Вл. Р. Гулевичъ. Докторъ Дементьевъ, прибывъ на Мурманъ, разбилъ свой отрядъ на двѣ части: первая часть поселилась въ Семи-островахъ, а вторая въ Териберкѣ, и, такъ какъ не оказалось свободныхъ домовъ для помѣщенія санитарнаго отряда и прибывающихъ больныхъ, то онъ распорядился, чтобы были разбиты военныя палатки, куда и помѣщены были тѣ и другіе. Военныя палатки оказались въ такомъ суровомъ климатѣ непригодными и холодными, но, по неимѣнію другихъ помѣщеній, пришлось довольствоваться и этимъ. Санитарный персоналъ, воодушевляемый врачами, переносилъ примѣрно и безропотно всѣ мѣстныя климатическія неудобства. Пока санитарный отрядъ работалъ на восточной сторонѣ Мурманскаго берега, Архангельское Управленіе Общества Краснаго Креста подъ руководствомъ князя Н. Д. Голицына изыскивало средства для веденія начатаго благого дѣла въ будущія навигаціи, не только въ

лѣтніе, но и въ весенніе мѣсяцы, т. е. въ то время, когда весь берегъ покрытъ снѣгомъ, и когда бываетъ больше всего больныхъ на промысловомъ берегу. Архангельское Управленіе Общества Краснаго Креста предусмотрѣло, что нельзя будетъ санитарному отряду жить весною и лѣтомъ въ военныхъ палаткахъ, и, имѣя въ своемъ распоряженіи на первое время достаточно средствъ, рѣшило купить на Мурманѣ станы, которые можно было-бы приспособить для больницъ, а, если это не будетъ возможно, то построить въ Архангельскѣ дома и перевезти ихъ на срочныхъ пароходахъ Мурманскаго Общества. Князь Н. Д. Голицынъ для этой цѣли поѣхалъ на Мурманъ, чтобы контролировать на мѣстѣ дѣйствія врачей, и купилъ въ Семи-островахъ и Териберкѣ станы, изъ которыхъ впослѣдствіи сдѣланы пріемные покои. Семи-островскій покой быть приспособленъ въ 1881, а Териберкскій въ 1882 году. Послѣ этого князь поѣхалъ въ Гаврилово, гдѣ осмотрѣлъ заброшенную старую гавриловскую больницу, въ которой уцѣлѣли лишь однѣ стѣны. Относительно возникновенія этой больницы здѣсь слѣдуетъ сказать, что 1868 и 1869 годы были для рыбопромышленниковъ весьма тягостны, такъ какъ въ эти годы свирѣпствовалъ на Мурманѣ брюшной тифъ, который унесъ въ могилу весьма много жертвъ, о чемъ было сообщено мѣстными властями въ Архангельскъ. Вслѣдствіе этого Министерство Государственныхъ Имуществъ, желая помочь рыбопромышленникамъ, взяло на себя обязанность выстроить на Мурманѣ въ становищѣ Гаврилово больницу, но она, по неизвѣстной причинѣ, была не докончена. Эта больница въ 1881 году была въ самомъ жалкомъ видѣ, безъ оконъ, дверей, печей, потолоковъ, крыши, балокъ, и послѣ того какъ она была осмотрѣна, врачи санитарнаго отряда получили предписаніе привести ее въ надлежащій видъ, но, за неимѣніемъ достаточныхъ средствъ, она приводилась въ порядокъ только исподволь въ 1882, 1883, 1884 и 1885 годахъ. Князь Н. Д. Голицынъ, сдѣлавши въ Гавриловѣ всѣ необходимыя распоряженія относительно дѣятельности санитарнаго отряда въ будущую навигацію, отправился на западный берегъ въ становище Цыпъ-Наволокъ, на Рыбачій полуостровъ, гдѣ имъ и избрано было мѣсто для больницы. Въ Архангельскѣ была заказана больница на сносъ, которую на послѣднемъ рейсѣ Мурманскаго срочнаго пароходства, идущемъ на зимовку, отправили съ рабочими на Мурманъ. По-

слѣдніе были обязаны сложить эту больницу до Марта мѣсяца 1882 года, къ прїѣзду на Мурманскій берегъ санитарнаго отряда. Послѣ окончанія Цыпъ-Наволоцкой больницы, по ходатайству Архангельскаго Управленія Общества Краснаго Креста, присвоено ей наименованіе «Пріемнаго покоя Императрицы Маріи Ѳеодоровны». Этотъ пріемный покой современемъ оказался очень малымъ по причинѣ скопленія рыбопромышленниковъ въ этомъ становищѣ, поэтому князь Н. Д. Голицынъ исходатайствовалъ отпускъ изъ казенныхъ дачъ безпошлиннаго лѣса, и въ 1887—1888 годахъ изъ него пристроили два флигеля. Теперь эта больница, приведенная въ полный порядокъ, представляетъ на Мурманѣ одно изъ лучшихъ зданій. Здѣсь слѣдуетъ еще упомянуть, что въ 1881 году, когда Архангельское Управленіе Общества Краснаго Креста занималось изысканіемъ средствъ для покрытія необходимыхъ расходовъ по санитарному отряду, бывшій нашъ консулъ Н. Д. Бухаровъ обратился съ просьбою въ это Управленіе о томъ, — не найдеть-ли оно возможнымъ посылать на весеннюю навигацію часть санитарнаго отряда въ становище «Кибергъ» или «Подъ-Бирка», находящееся на норвежской территоріи, гдѣ весною скопляется много русскихъ промышленниковъ. Просьба г. Бухарова не осталась безъ вниманія, и ему сообщено было, что, если окажутся матеріальныя средства, то будетъ посланъ въ его районъ дѣйствій врачъ и необходимый санитарный персоналъ. Министерство Иностранныхъ Дѣлъ, узнавъ объ этомъ, предложило со своей стороны выдавать Архангельскому Управленію Общества Краснаго Креста пособие въ размѣрѣ 500 руб. за каждую навигацію для открытія временнаго санитарнаго пункта въ Кибергѣ, что и было принято съ благодарностью. Въ 1882 году былъ посланъ санитарный отрядъ съ двумя врачами. Врачи Л. В. Искерскій и Вл. Р. Гулевичъ получили инструкцію открывать по мѣрѣ надобности пріемные покои: въ Кибергѣ, Цыпъ-Наволоцкѣ, Териберкѣ, Гавриловѣ и Семи-Островахъ. Дѣятельность санитарнаго отряда проявилась сначала въ Норвегіи и на западной сторонѣ Мурманскаго берега въ Цыпъ-Наволоцкѣ, а по окончаніи весенней навигаціи, такъ какъ большинство рыбопромышленниковъ переѣхало на восточную сторону, то и весь санитарный отрядъ перенесъ свою дѣятельность въ Семь-Острововъ, Териберку и Гаврилово. Въ слѣдующій годъ, преемникъ Н. Д. Бухарова Д. Н. Островскій сдѣлалъ сообщеніе

своему министерству о необходимости поддержанія санитарнаго отряда ежегоднымъ денежнымъ пособіемъ; представленіе это было уважено и сдѣлано соотвѣтственное распоряженіе. Эти пособія въ дѣйствительности поддерживали въ критическія финансовыя минуты дѣла Общества Краснаго Креста на Мурманѣ. Въ 1883—1885 годахъ Архангельское Общество не имѣло больше средствъ для командированія двухъ врачей, и эти годы могутъ быть названы дѣйствительно критическими. Тогда завѣдывалъ санитарнымъ отрядомъ одинъ врачъ Вл. Р. Гулевичъ; въ 1886 году были командированы опять два врача, а съ 1887 по 1890 годъ завѣдывалъ больницами одинъ только врачъ Гулевичъ. Для разъясненія дѣла слѣдуетъ прибавить, что когда въ мѣстномъ Обществѣ Краснаго Креста средства были истощены, а впереди имѣлось только въ виду 500 рублей Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, Князю Н. Д. Голицыну пришлось прибѣгнуть къ предложенію добровольныхъ пожертвованій, чему онъ первый подалъ примѣръ своею щедростію. Мало того, этотъ послѣдній, желая упрочить начатое дѣло, вошелъ въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ съ особымъ представленіемъ о томъ, чтобы правительство приняло на себя обязанность давать ежегодно субсидію въ размѣрѣ 2000 рублей на ремонтъ больницъ, продовольствіе больныхъ и санитарнаго персонала, жалованье, медикаменты и дорогу изъ Архангельска до Колы. Представленіе князя было утверждено. Мурманскіе пріемные покои приобрѣли въ настоящее время большое значеніе въ санитарномъ отношеніи для всего берега и со временемъ послужатъ къ опредѣленію его климата, такъ какъ въ Териберкѣ, по инициативѣ врача Гулевича, при содѣйствіи С.-Петербургской Физической Обсерваторіи, устроена въ 1889 году метеорологическая станція второго разряда, съ необходимыми для наблюденій инструментами.

Слѣдуетъ замѣтить, что исторія эта рассказываетъ человѣкомъ, слишкомъ страстно относящимся къ дѣлу, которое онъ считалъ «своимъ» въ теченіе 10 лѣтъ. Весьма вѣроятно, что тонъ разсказа вслѣдствіе этого слишкомъ дифирамбическаго характера, а самъ авторъ слишкомъ склоненъ рисовать положеніе вещей въ болѣе розовомъ свѣтѣ, чѣмъ это дѣйствительно нужно. Истину, намъ кажется, нужно искать въ серединѣ между свидѣтельствомъ Максимова, слишкомъ сгущающаго краски, и врача Гулевича, по-

грѣшающаго въ противоположную сторону, тѣмъ болѣе, что другіе авторы, наблюдавшіе сравнительно недавно Мурманъ, въ большинствѣ случаевъ рисуютъ именно указываемое нами «среднее» положеніе вещей.

Въ заключеніе отмѣтимъ очень характерный для Мурмана фактъ, а именно,—до 48⁰/о заболѣваній среди промышленниковъ приходится на долю язвъ, порѣзовъ, укуловъ, ушибовъ и т. п. болѣзней и до 20⁰/о на долю скорбута-цынга.... О язвахъ, порѣзахъ и т. п. говорить нечего, но цынга—это специфическая особенность сѣвера. Картина этой болѣзни чрезвычайно своеобразна.... Она поражаетъ человѣка не вдругъ, а постепенно, и проявляется въ родѣ эпидеміи, несмотря на то, что не заражительна. Не щадитъ она ни взрослыхъ, ни дѣтей, ни стариковъ. Пораженный цынгою вначалѣ чувствуетъ полное отвращеніе къ пищѣ, замѣчаетъ, какъ силы его ежедневно оставляютъ, во всѣхъ членахъ онь чувствуетъ усталость, и больной дѣлается равнодушнѣе ко всему его окружающему. Малѣйшія движенія вызываютъ въ немъ одышку и ревматическія летучія боли, проходящія когда больной спитъ или лежитъ спокойно, но сонъ его не подкрѣпляетъ. При всемъ томъ больному всегда холодно, хотя озноба настоящаго не бываетъ. Наконецъ, появляется опухоль десенъ, по мѣстному выраженію «насосы», и при томъ вонючій запахъ изъ рта. Эти насосы болѣзненны, а при малѣйшемъ давленіи кровоточивы. За появленіемъ насосовъ, появляются и другіе признаки, какъ-то: упорныя кровотечения изъ носа, доходящія до обморока, и кровавый поносъ. Маленькая рана, нанесенная больному, бываетъ весьма кровоточива, вытекающая кровь свертывается весьма трудно, она блѣднѣе нормальной крови и болѣе водяниста. Вслѣдствіе этихъ явленій, всѣ цынготные малокровны, цвѣтъ ихъ лица желтовато-блѣдный, они худѣютъ, и если болѣзнь идетъ дальше, то малѣйшій ушибъ оставляетъ темно-багровый кровоподтѣкъ, весьма медленно всасывающійся и имѣющій большую склонность къ изъязвленію. У больныхъ въ этомъ періодѣ весьма часто появляется опухоль коленныхъ и локтевыхъ суставовъ, и тогда они совершенно не могутъ ничѣмъ заниматься. Если они не подвергаются правильному леченію, то силы ихъ падаютъ съ каждымъ днемъ, и они уже постоянно лежатъ въ постели. Отъ постоянного лежанія развивается иногда гипостатическое воспаленіе легкихъ, ведущее всег-

да къ смерти, или на спинѣ образуются громаднѣйшіе пролежни, и цынготный впадаетъ въ тихій бредъ, и наступаетъ смерть.

Любопытно, что мѣстные лопари лечатся отъ скорбута необыкновенно своеобразнымъ средствомъ и иногда успѣшно... Они ни больше, ни меньше, какъ *бьютъ поклоны передъ образомъ*. Поклоны эти совершаются при особой обстановкѣ: на больного накладываютъ два-три полшубка и заставляютъ сдѣлать не меньше ста поклоновъ, затѣмъ позволяютъ отдохнуть, и снова больной бьетъ поклоны. Цѣль всего этого—вызвать у больного испарину, хотя нерѣдко вызывается обморокъ и даже смерть. Нужно «размять кровь», говорятъ лопари. Впрочемъ, тѣ-же лопари знаютъ и другія средства отъ цынги, и средства, съ точки зрѣнія научной медицины, весьма рациональныя.

Во всякомъ случаѣ, цынга—страшный бичъ Мурманскаго побережья. Въ высшей степени неудовлетворительныя гигиеническія условія жизни и санитарныя условія становницъ дѣйствуютъ на организмъ промышленника чрезвычайно разрушительно. «Тѣснота, спертый зловонный воздухъ въ промысловыхъ станахъ, однообразіе рыбной пищи, не подправляемой никакими кореньями и овощами, періодическое переутомленіе въ трудѣ, рѣзко смѣняющееся продолжительнымъ покоемъ и бездѣйствіемъ, безнадежность отъ покрута и скука—вотъ условія, при которыхъ развивается здѣсь страшный бичъ сѣвера—цынга (скорбутъ) и многія острые заболѣванія.

Санитарныя условія становницъ настолько плохи, что не будъ несмѣтныхъ стаѣ морскихъ птицъ, преимущественно чаекъ, которыя пожираютъ всѣ нечистоты и рыбные остатки, накапливающіеся у становъ, и которыхъ промышленники справедливо называютъ полицейскими надзирателями, то каждое изъ Мурманскихъ становницъ могло-бы служить источникомъ любой заразы.... *«Покрутъ и цынга—это страшнѣйшіе враги благосостояніе Мурмана, на уничтоженіе которыхъ, или, вѣрнѣе, причинъ, ихъ порождающихъ, должны быть направлены всѣ усилія»*—этими словами прекрасно иллюстрируется печальная дѣйствительность, и къ нимъ нечего прибавлять.

Совсѣмъ иначе обстоитъ и обстояло раньше дѣло съ колонизаціей Финмаркена, находящагося почти въ одинаковыхъ условіяхъ съ Мурманомъ. Было время, а именно въ XV и XVI в.в., когда

русскимъ поморамъ, по выраженію историка, принадлежала «первенствующая роль въ эксплуатаціи несмѣтныхъ богатствъ Сѣвернаго океана», когда поморы посѣщали, кромѣ Мурмана, и Финмаркенъ; занимались тамъ рыбными промыслами, ходили до Нордкапа и далѣе, зимовали и устраивали склады на норвежской землѣ. По даннымъ исторіи, русскіе промыслы быстро увеличивались вплоть до XVIII вѣка, когда они достигли максимум'а своего развитія. Тогда русскіе поморы обладали лучшими судами и снастями, и промыслы ихъ были значительнѣе промысловъ мѣстнаго населенія. Къ тѣмъ-же временамъ относится основаніе нѣсколькихъ русскихъ селеній на Финмаркенскомъ берегу, между прочимъ Васина и Варгаева, преобразовавшихся впослѣдствіи въ норвежскіе города Вадзе и Вардѣ.

«Финмаркенъ былъ тогда малонаселенной, забитой и бѣдной страной, страдавшей отъ тяжелаго гнета монополіи, дарованной норвежскимъ правительствомъ нѣсколькимъ бергенскимъ купцамъ, и этотъ несчастный уголокъ дальняго сѣвера совершенно опустѣлъ бы, если бы не русскіе поморы, доставлявшіе туда всѣ жизненные припасы взамѣнъ рыбы. Это было началомъ мѣнновой торговли, которая тогда велась еще не официально и возбуждала постоянныя жалобы со стороны бергенскихъ купцовъ-монополистовъ, такъ какъ, дѣлая имъ конкуренцію, она препятствовала имъ обогащаться за счетъ безвыходно нуждающагося финмаркенскаго населенія. Эти многочисленныя кляузы и жалобы разжирѣвшихъ міроѣдовъ имѣли послѣдствіемъ даже указъ Императрицы Екатерины II-й, которымъ предписывалось «русскимъ въ Финмаркенѣ заниматься промысломъ не въ притѣсненіе или вредъ Его Датскаго Величества.»

Восемнадцатое столѣтіе было золотымъ вѣкомъ для сѣвернаго русскаго торговаго флота. Это было время господства русскихъ поморовъ въ сѣверныхъ водахъ. Они не только фактически владѣли финмаркенскими рыбными промыслами, но и ходили на Шпицбергенъ, Новую Землю, въ Карское море, увозя оттуда обильную рыбную, китовую и звѣриную добычу. Примѣръ и прочныя основы своей смѣлой и обширной предпріимчивости они видѣли тогда въ энергической и плодотворной дѣятельности русскаго Архангельскаго военнаго флота, бывшаго всегда наготовѣ защищать отечественныя интересы, и въ процвѣтаніи Архангельскаго

порта, куда преимущественно свозилось все добытое ими и находило обширный сбытъ въ Россію и за-границу.

Когда великія политическія событія конца прошедшаго и начала настоящаго столѣтія и великія изобрѣтенія девятнадцатаго вѣка существенно повліяли на измѣненіе политическаго и общественнаго строя государствъ, и все болѣе и болѣе стала сознаваться истина, что благосостояніе народовъ зиждется, главнымъ образомъ, на внутреннемъ благоустройствѣ, экономическомъ развитіи народныхъ силъ и умѣніи пользоваться природными богатствами страны, Норвегія, въ крѣпкомъ союзѣ со Швеціей, добровольно отказалась отъ политической роли въ Европѣ и занялась своими домашними дѣлами. Результаты получились поразительные. Въ весьма короткій срокъ Норвегія стала на небывалой высотѣ благосостоянія и культурнаго развитія.

Первымъ дѣломъ норвежское правительство обратило самое усиленное вниманіе на морскіе промыслы, процвѣтаніе которыхъ составляетъ для Норвегіи условіе быть или не быть. Началось тщательное изслѣдованіе и изученіе причинъ упадка рыбныхъ промысловъ на Финмаркенѣ, и для устраненія главной изъ нихъ, т. е. монополіи, сосавшей Финмаркенъ, была объявлена въ этой провинціи полная свобода торговли и были учреждены три портовые города. Съ этихъ поръ русско-норвежская мѣновая торговля стала официально признаннымъ фактомъ. Русскимъ поморамъ были даны многія льготы для облегченія и развитія мѣновыхъ сношеній, но зато послѣдовали ограниченія ихъ правъ промысловъ у норвежскихъ береговъ. Столь гуманныя и справедливыя мѣропріятія норвежскаго правительства, какъ казалось, должны были вести лишь только къ экономическому развитію обѣихъ пограничныхъ окраинъ, сдѣлались ловушкой для русскихъ поморовъ, въ которую они пошли добровольно и охотно. Дѣло въ томъ, что обоюдовыгодная мѣновая торговля повела косвенно къ быстрому увеличенію рыбныхъ промысловъ въ Норвегіи и уменьшенію ихъ въ Россіи. Погнавшись за выгодами и легкой наживой, представляемой этой торговлей, главными товарами которой, со стороны русской, были хлѣбъ и лѣсные матеріалы, а со стороны норвежцевъ разные сорта рыбы, поморы стали все болѣе и болѣе оставлять отечественные промыслы и ввозить въ Россію не добытую ими, а вымѣненную въ Норвегіи рыбу. Послѣдствіемъ этого было

то, что финмаркенскіе промыслы, обогатившись новымъ и большимъ сбытомъ въ Россію, начали привлекать все большее и большее число людей. Финмаркенъ быстро заселился, и ежегодное возрастаніе улова рыбы происходило въ поразительныхъ размѣрахъ; причеиъ норвежская рыба стала открывать себѣ все новые и все болѣе и болѣе обширные и отдаленные районы сбыта.

Въ городахъ Вардэ, Вадзе и Гамерфестѣ явились торговые дома, а съ ними легкій и дешевый кредитъ; явились салотопенные и гуанные заводы, давшие возможность утилизаціи на мѣстѣ всѣхъ рыбныхъ продуктовъ; явились центральные склады для хлѣба, соли и рыбы, и Финмаркенъ въ одну сотню лѣтъ сталъ цвѣтущею провинціею, однимъ изъ главныхъ источниковъ государственныхъ доходовъ и примѣромъ зажиточности населенія.

Нужно отдать полную справедливость норвежскому правительству. Оно не щадило ни трудовъ, ни денегъ, и вездѣ шло и идетъ понынѣ рука объ руку съ своими энергичными и трудолюбивыми подданными, оказывая имъ всевозможное содѣйствіе на каждомъ шагѣ въ ихъ трудной борьбѣ съ суровою сѣверною природою и океаномъ. Правительствомъ были предприняты обширныя гидрографическія изслѣдованія, разставлены маяки, устроены порты, проведены дороги и телеграфъ, учреждены и субсидированы срочные не только магистральные, но и мѣстные пароходные рейсы, поддерживающіе сообщеніе въ теченіе всего года, построены церкви, открыты школы и метеорологическія станціи.

Въ результатѣ такого совмѣстнаго труда правительства и частныхъ предпринимателей, получилось то, что норвежцы стали твердою ногою на Финмаркенѣ и вытѣснили оттуда русскаго помора не только изъ тамошнихъ рыбныхъ промысловъ, но и уменьшили размѣръ поморско-норвежской мѣнновой торговли, такъ какъ съ развитіемъ норвежскаго торговаго флота въ Финмаркенѣ стали успѣшно конкурировать съ русской мукой—бергенская, съ русскимъ лѣсомъ—лѣсъ изъ южныхъ фіордовъ Норвегіи. Кромѣ того, норвежцы, имѣя отлично устроенныя гавани и свои суда на незамерзающихъ водахъ, всегда готовы къ поискамъ за добычею и обладаютъ возможностью пользоваться богатѣйшими весенними уловами рыбы и весеннимъ боемъ звѣрей. Притомъ, примѣняя къ промысламъ новѣйшія изслѣдованія и усовершенствованія, они идутъ на ловлю навѣрняка. Болѣе или менѣе удачный уловъ рыбы

въ Норвегіи давно уже пересталъ быть дѣломъ случая. вспомо- ществуемый метеорологіей и телеграфомъ, норвежскій промышлен- никъ идетъ на промыселъ безъ риска и всегда возвращается съ богатой добычей. Что касается звѣринаго промысла, то тотъ почти всецѣло перешелъ въ руки норвежцевъ, и до чего доходить ихъ смѣлость въ этомъ отношеніи, доказываетъ фактъ, что въ 1888 г., ранней весною, два норвежскіе звѣробойные парохода рѣшились впервые произвести опытъ боя тюленей, выносимыхъ на льдинахъ изъ Бѣлаго моря, т. е. чуть-ли не на территоріальныхъ водахъ Россіи. Опытъ былъ весьма удаченъ. Одинъ изъ пароходовъ «Vega» прибылъ къ устью Бѣлаго моря 24 Апрѣля и 5 Мая увезъ добычу въ 5.000 тюленей, стоимостью до 50.000 кронъ, то есть 25.000 р. Этотъ успѣхъ въ 1889 году привлекъ весною къ устью Бѣлаго моря уже девять норвежскихъ пароходовъ».

Въ настоящее время Финмаркенъ, дѣйствительно, предста- вляетъ цвѣтущій уголокъ. О степени его процвѣтанія можно судить по живому описанію г. Вардэ, нѣкогда бывшаго русскимъ горо- домъ, которое мы находимъ у Максимова, ради изученія способовъ ловли и отношеній норвежскихъ купцовъ къ поморамъ, посѣтив- шаго въ 1892 году Финмаркенъ.

«Приѣхавъ въ г. Вардэ,—говоритъ Максимовъ,—я убѣдился въ энергіи и высокому подъему промышленнаго духа норвежскаго народа. Вардэ—скорѣе огромное становище, нежели городъ. Но становище это обставлено всѣми атрибутами культуры: я видѣлъ маленькую, но прекрасную гавань, переполненную рыбопромыш- ленными ёлами, плавающими подъ косыми парусами, способными къ лавировкѣ и къ выдержкѣ штормовъ. Гавань защищена камен- ною стѣной и обставлена бочками на мертвыхъ якоряхъ, рымами на берегу, маячными огнями. Городъ соединенъ телеграфомъ съ городами всего свѣта. Купцы провели телефоны. Граждане открыли школы, завели общественныя собранія. Правительство дало субсидіи пароходамъ, дѣлающимъ рейсы вдоль береговъ Фин- маркена и всей Норвегіи. Дума открыла общественный кабакъ, доходъ съ котораго употребляется на устройство гавани. Купцы устроили паровыя саловарни. Скупщики прислали въ Вардэ паровыя и парусныя суда въ такомъ количествѣ, что въ гавани не было, гдѣ яблочку упасть. Дѣтельность кипѣла живымъ ключомъ,

несмотря на то, что городъ былъ закутанъ въ сугробахъ снѣга, и на морѣ ревѣла буря, сопровождающаяся метелью».

И въ малой каплѣ водѣ отражается солнце. И по приведенному отрывку можно судить о томъ, какъ совершалась и къ чему привела колонизація когда-то забытаго Богомъ и людьми пустынного берега Финмаркена. Ясно, что не достаточно однѣхъ «правиль» и льготъ. Нужно еще очень многое, а прежде всего инициатива и точно и ясно намѣченный широкій планъ дѣйствій, планъ, котораго каждая подробность вытекала-бы изъ знакомства съ подлинной дѣйствительностью. Конечно, есть извѣстная доля правды въ словахъ одного изъ Архангельскихъ губернаторовъ, отвѣчавшаго на запросъ о необходимыхъ мѣрахъ къ удовлетворенію мѣстныхъ нуждъ: «администраціи въ такихъ дѣлахъ приходится только не мѣшать, порою помогать, а творчество принадлежитъ народу. Творить можетъ только геній народа, сообразно со степенью его образованія и развитія; это тоже своего рода естественный ростъ, на который мастера нѣтъ, и который не нужно только задерживать».

Правда въ этихъ словахъ есть, и, если бы своевременно администрація «помогла» колонизаціи Мурману, онъ теперь не представлялъ-бы такой противоположности Фирманкену. Къ сожалѣнію, въ свое время администрація не только не помогала развитію и укрѣпленію того, что создалъ уже «геній» народа, но сознательно или нѣтъ, скорѣе разрушала созданное. Явно, что исторически губернаторъ, сказавшій приведенныя слова, не правъ и провозглашать принципъ *laissez faire—laissez passer* вовсе не слѣдовало. Мы въ предшествовавшемъ историческомъ очеркѣ развитія нашихъ сѣверныхъ промысловъ видѣли, насколько въ теченіе почти цѣлаго столѣтія экономическая политика нашей администраціи походила на норвежскую. Къ сказанному въ этомъ очеркѣ нужно еще пожалуй добавить, что за это столѣтіе былъ упраздненъ Архангельскій военный флотъ, поддерживавшій въ сѣверныхъ водахъ престижъ русскаго имени и оказывавшій массу другихъ услугъ развитію нашихъ промысловъ и заселенію сѣвера; закрыть былъ Архангельскій военный портъ, и постройки его проданы съ аукціоннаго торга. Архангельскъ сталъ съ каждымъ годомъ падать, стала падать мѣновая торговля, сократились звѣриныя и рыбныя промыслы и т. д.

«Настоящее положеніе Мурманскаго берега.—говорить Подгаецкій,—есть естественный результат непосильной борьбы оставленнаго почти на произволъ судьбы русскаго помора съ высококультурнымъ норвежцемъ, и оно неизбежно будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока Мурманскій берегъ не перестанетъ быть отрѣзаннымъ ломтемъ отъ остальной Россіи, не соединеннымъ съ нею ни дорогами, ни телеграфомъ, ни правильнымъ въ теченіе всего года почтовымъ сообщеніемъ, и нашъ архангельскій поморъ не перестанетъ быть временнымъ пришельцемъ на Мурманѣ и заброшеннымъ, забитымъ, оторваннымъ отъ своей семьи и всего свѣта труженикомъ. Теперь, за неимѣніемъ на Мурманѣ осѣдлыхъ центровъ, гаваней и какихъ-либо средствъ сообщенія, поморы по необходимости заводятъ свои суда въ замерзающіе порты Бѣлаго моря, откуда не могутъ выбраться раньше Іюня, то есть, когда богатѣйшій весенній уловъ рыбы конченъ, звѣрь распуганъ, и когда лучшая часть добычи уже захвачена иностранцами».

Впрочемъ, въ самое послѣднее время проводится и телеграфъ, устраивается и портъ, т. е. въ концѣ концовъ снова дѣлается то, что когда-то было.....

VII.

Заключеніе.

Резюмируя все до сихъ поръ сказанное о своеобразной жизни отдаленнаго уголка нашего сѣвера, нужно, съ большимъ, конечно, сожалѣніемъ, констатировать прежде всего полное обезличеніе этой жизни. Насколько оригинальна она была два вѣка тому назадъ и ранѣе, настолько въ настоящее время то, что происходитъ на Мурманскомъ берегу напоминаетъ какъ формами, такъ и содержаніемъ процессы, протекающіе въ любомъ уголку средней полосы Россіи, гдѣ только существуетъ какая-нибудь отрасль кустарной промышленности. Одно, что придаетъ довольно характерный оттѣнокъ жизни, кипящей на Мурманскомъ побережьи, и выгодно ее отличаетъ отъ жизни любого русскаго деревенскаго захолустья—это несомнѣнно ожесточенная борьба между капиталистической формой организаціи труда и народной, артельной, причемъ побѣда явно склоняется на сторону народно-артельной формы. Это послѣднее обстоятельство представляетъ не только интересное, но и дѣйствительно оригинальное зрѣлище. Во всемъ остальномъ, кромѣ разумѣется своеобразной обстановки промысловаго труда, жизнь на Мурманѣ давно уже утратила свой специфическій оттѣнокъ, какой имѣла въ давно-прошедшія времена: монополіи, отеческая заботливость администраціи въ теченіе почти 2 вѣковъ и тысячи другихъ подробностей, изъ которыхъ складывается вообще русская дѣйствительность, сдѣлали свое дѣло.... Мурманъ въ настоящее время—довольно ординарный уголокъ Россіи со всѣми особенностями такого уголка, т. е. съ разореніемъ работника, повальнымъ пьянствомъ, отвратительной санитарной обстановкой быта, создающими цѣлую скалу уродливыхъ явленій, начиная съ такихъ, какъ упадокъ богатѣйшихъ въ Европѣ промысловъ, и кончая такими, какъ скупка рыбы въ Норвегіи въ то время, когда своей дѣвать некуда, и наконецъ, такими, какъ отношенія поморовъ-промышленниковъ и ихъ хозяевъ—благодѣтелей....

Несомнѣнно, однако, что при другихъ условіяхъ вся картина жизни Мурмана радикально измѣнилась-бы. Вся сила въ этихъ

«другихъ условіяхъ», конечно. Измѣнить существующія условія, въ какихъ протекаетъ промышленная жизнь на Мурманѣ, только на первый взглядъ кажется непосильной задачей. Жизнь сама уже намѣтила и выдвинула на первый планъ цѣлый рядъ задачъ, по отношенію къ которымъ, дѣйствительно, остается только «не мѣшать, порою помогать».

Читатель, внимательно прочитавшій все, что было нами сказано, безъ всякаго труда представитъ себѣ эти задачи порознь—остается только ихъ объединить одной идеей, выработать планъ дѣйствій и осуществлять его сразу съ нѣсколькихъ пунктовъ. Во всякомъ случаѣ, очевидно, что центръ тяжести дезорганизаціи Мурманской жизни лежитъ прежде всего въ экономическихъ отношеніяхъ. Для всякаго безпристрастнаго наблюдателя несомнѣнно, что техническая сторона промысловъ нуждается въ коренномъ преобразованіи, но что не въ ней лежитъ центръ тяжести; не менѣе ясно, что всѣ бытовые условія жизни на Мурманѣ сложились крайне неблагоприятно, но что, опять таки, не въ нихъ однихъ дѣло. Въ виду этого, необходимо, чтобы главные усилія, и прежде всего, были направлены на измѣненіе чисто экономическихъ условій жизни—остальное должно только довершить зданіе.

Какъ ни ясны задачи государства по отношенію къ Мурману, какъ ни опредѣленно указываетъ на нихъ сама жизнь, а priori становится понятнымъ, что никакое воздѣйствіе на экономическія отношенія невозможно безъ точнаго изученія этихъ отношеній. Къ сожалѣнію, въ этомъ направленіи сдѣлано такъ мало, что первой задачею, временно отодвигающей на задній планъ всѣ другія, должно быть именно *полное и систематическое статистико-экономическое изслѣдованіе*.... Безъ такого изслѣдованія и еще безъ тщательнаго изученія Мурмана и Сѣвернаго Ледовитаго океана въ естественно-историческомъ отношеніи, невозможна какая бы то ни было коренная реформа, особенно въ области экономическихъ отношеній.

И такъ, прежде всего необходимо тщательное, полное и систематическое изслѣдованіе Мурмана, преимущественно въ статистико-экономическомъ отношеніи, ибо для изученія его въ другихъ отношеніяхъ кое-что до сихъ поръ дѣлалось и дѣлается, тогда какъ въ указанномъ отношеніи до сихъ поръ, строго говоря, ничего не было сдѣлано.

Но «пока солнце взойдетъ, роса очи выѣстъ»..... И намъ кажется, что и въ настоящее время возможно осуществить цѣлый рядъ мѣръ, которыя бы, если не радикально, то во всякомъ случаѣ замѣтно измѣнили-бы положеніе вещей на Мурманѣ къ лучшему. Именно теперь весьма важно подать руку помощи мелкому самостоятельному ловцу—артельщику, именно теперь нужно помочь колонизаціи берега, именно теперь нужно правильно поставить техническую сторону дѣла, именно теперь нужно упорядочить судебную и административную часть и т. д. И не только это все нужно, но все это вполне и легко *возможно*.... иначе въ ожиданіи солнца роса сдѣлаетъ свое дѣло. Мурманъ переживаетъ теперь острый кризисъ, который далеко еще не извѣстно, тѣмъ разрѣшится. Пока на лицо имѣются только угрожающіе признаки, не оставляющіе мѣста оптимистическимъ надеждамъ, и потому нужно теперь-же, безотлагательно прійти на помощь тѣмъ элементамъ, которые въ будущемъ непременно должны составить здоровое ядро. Подробности необходимыхъ реформъ, полный планъ ихъ осуществленія должно выяснить будущее изслѣдованіе Мурмана—въ настоящее-же время нужно спѣшить съ необходимѣйшими изъ нихъ, ибо, повторяемъ, роса выѣстъ очи въ ожиданіи солнца.....

Приложение № 1.

Число хозяев 1-ой категории, т. е. владеющих больше, чем 1 судном на началах покута.

№	Название промысловых пунктовъ.	1888 г.		1889 г.		1891 г.		1892 г.		1893 г.		1894 г.	
		Общее число хозяевъ.	Изъ нихъ владеющихъ 2—3 судамъ.	Общее число хозяевъ.	Изъ нихъ владеющихъ 2—3 судамъ.	Общее число хозяевъ.	Изъ нихъ владеющихъ 2—3 судамъ.	Общее число хозяевъ.	Изъ нихъ владеющихъ 2—3 судамъ.	Общее число хозяевъ.	Изъ нихъ владеющихъ 2—3 судамъ.	Общее число хозяевъ.	Изъ нихъ владеющихъ 2—3 судамъ.
1	Восточная Лица . . .	—	—	7	6	11	8	7	5	19	14	—	—
2	Семь-Острововъ . . .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
3	Харловка	—	—	4	3	4	2	3	1	7	5	—	—
4	Золотая	—	—	3	3	7	7	8	8	6	6	—	—
5	Шубино	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
6	Рида	—	—	7	3	11	5	15	11	12	8	—	—
7	Зеленцы	—	—	—	—	1	1	—	—	—	—	—	—
8	Порчннха	—	—	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—
9	Зарубиха	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
10	Тряпцно	—	—	4	1	7	4	5	2	7	3	—	—
11	Щербиннха	—	—	1	1	1	1	1	1	1	—	—	—
12	Захребетная	—	—	—	—	—	—	1	1	4	4	—	—
13	Шельпяно	—	—	5	5	2	2	—	—	5	3	—	—
14	Гаврилово	—	—	25	17	37	33	?	?	45	44	43	28
15	Териберка	—	—	17	11	13	12	13	11	13	7	13	10
16	Климовка	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
17	Мало-Оленье	—	—	2	1	4	3	2	—	5	5	—	—
18	Ура-колонія	1	1	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—
19	Типаново	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
20	Мало-Волоковая	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
21	Большая Волоковая	3	2	3	2	—	—	—	—	—	—	—	—
22	Мотовскій заливъ	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
23	Китовскія острова	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—
24	Цыгъ-Наволокъ	7	6	4	4	—	—	4	4	—	—	—	—
25	Зубовскіе острова	24	14	11	5	—	—	—	—	—	—	—	—
26	Вайда-Губа	17	10	14	5	—	—	—	—	27	22	44	33
27	Червяная-Губа	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
28	Земляная-Губа	—	—	4	4	—	—	—	—	—	—	—	—
29	Маловѣмецкое	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
30	Столбовое	—	—	7	1	—	—	—	—	6	5	—	—
31	Финмавское	—	—	1	—	—	—	—	—	1	—	—	—
32	Ворьема	10	4	4	2	—	—	—	—	3	1	—	—
Итого:		62	37	126	76	98	78	59	44	161	127	—	—

Примѣчаніе 1-ое. Знакъ — въ нѣкоторыхъ случаяхъ означаетъ, что въ этихъ становищахъ совсѣмъ не было промысла.

Примѣчаніе 2-ое. Данныя за 94 годъ имѣются только по указаннымъ становищамъ.

Продолжение № 1.

1888	1889	1890	1891	1892	1893	1894	1895	1896	1897	1898	1899	1900	1901	1902	1903	1904	1905	1906	1907	1908	1909	1910	1911	1912	1913	1914	1915	1916	1917	1918	1919	1920	1921	1922	1923	1924	1925	1926	1927	1928	1929	1930	1931	1932	1933	1934	1935	1936	1937	1938	1939	1940	1941	1942	1943	1944	1945	1946	1947	1948	1949	1950	1951	1952	1953	1954	1955	1956	1957	1958	1959	1960	1961	1962	1963	1964	1965	1966	1967	1968	1969	1970	1971	1972	1973	1974	1975	1976	1977	1978	1979	1980	1981	1982	1983	1984	1985	1986	1987	1988	1989	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024	2025	2026	2027	2028	2029	2030	2031	2032	2033	2034	2035	2036	2037	2038	2039	2040	2041	2042	2043	2044	2045	2046	2047	2048	2049	2050	2051	2052	2053	2054	2055	2056	2057	2058	2059	2060	2061	2062	2063	2064	2065	2066	2067	2068	2069	2070	2071	2072	2073	2074	2075	2076	2077	2078	2079	2080	2081	2082	2083	2084	2085	2086	2087	2088	2089	2090	2091	2092	2093	2094	2095	2096	2097	2098	2099	2100	2101	2102	2103	2104	2105	2106	2107	2108	2109	2110	2111	2112	2113	2114	2115	2116	2117	2118	2119	2120	2121	2122	2123	2124	2125	2126	2127	2128	2129	2130	2131	2132	2133	2134	2135	2136	2137	2138	2139	2140	2141	2142	2143	2144	2145	2146	2147	2148	2149	2150	2151	2152	2153	2154	2155	2156	2157	2158	2159	2160	2161	2162	2163	2164	2165	2166	2167	2168	2169	2170	2171	2172	2173	2174	2175	2176	2177	2178	2179	2180	2181	2182	2183	2184	2185	2186	2187	2188	2189	2190	2191	2192	2193	2194	2195	2196	2197	2198	2199	2200	2201	2202	2203	2204	2205	2206	2207	2208	2209	2210	2211	2212	2213	2214	2215	2216	2217	2218	2219	2220	2221	2222	2223	2224	2225	2226	2227	2228	2229	2230	2231	2232	2233	2234	2235	2236	2237	2238	2239	2240	2241	2242	2243	2244	2245	2246	2247	2248	2249	2250	2251	2252	2253	2254	2255	2256	2257	2258	2259	2260	2261	2262	2263	2264	2265	2266	2267	2268	2269	2270	2271	2272	2273	2274	2275	2276	2277	2278	2279	2280	2281	2282	2283	2284	2285	2286	2287	2288	2289	2290	2291	2292	2293	2294	2295	2296	2297	2298	2299	2300	2301	2302	2303	2304	2305	2306	2307	2308	2309	2310	2311	2312	2313	2314	2315	2316	2317	2318	2319	2320	2321	2322	2323	2324	2325	2326	2327	2328	2329	2330	2331	2332	2333	2334	2335	2336	2337	2338	2339	2340	2341	2342	2343	2344	2345	2346	2347	2348	2349	2350	2351	2352	2353	2354	2355	2356	2357	2358	2359	2360	2361	2362	2363	2364	2365	2366	2367	2368	2369	2370	2371	2372	2373	2374	2375	2376	2377	2378	2379	2380	2381	2382	2383	2384	2385	2386	2387	2388	2389	2390	2391	2392	2393	2394	2395	2396	2397	2398	2399	2400	2401	2402	2403	2404	2405	2406	2407	2408	2409	2410	2411	2412	2413	2414	2415	2416	2417	2418	2419	2420	2421	2422	2423	2424	2425	2426	2427	2428	2429	2430	2431	2432	2433	2434	2435	2436	2437	2438	2439	2440	2441	2442	2443	2444	2445	2446	2447	2448	2449	2450	2451	2452	2453	2454	2455	2456	2457	2458	2459	2460	2461	2462	2463	2464	2465	2466	2467	2468	2469	2470	2471	2472	2473	2474	2475	2476	2477	2478	2479	2480	2481	2482	2483	2484	2485	2486	2487	2488	2489	2490	2491	2492	2493	2494	2495	2496	2497	2498	2499	2500	2501	2502	2503	2504	2505	2506	2507	2508	2509	2510	2511	2512	2513	2514	2515	2516	2517	2518	2519	2520	2521	2522	2523	2524	2525	2526	2527	2528	2529	2530	2531	2532	2533	2534	2535	2536	2537	2538	2539	2540	2541	2542	2543	2544	2545	2546	2547	2548	2549	2550	2551	2552	2553	2554	2555	2556	2557	2558	2559	2560	2561	2562	2563	2564	2565	2566	2567	2568	2569	2570	2571	2572	2573	2574	2575	2576	2577	2578	2579	2580	2581	2582	2583	2584	2585	2586	2587	2588	2589	2590	2591	2592	2593	2594	2595	2596	2597	2598	2599	2600	2601	2602	2603	2604	2605	2606	2607	2608	2609	2610	2611	2612	2613	2614	2615	2616	2617	2618	2619	2620	2621	2622	2623	2624	2625	2626	2627	2628	2629	2630	2631	2632	2633	2634	2635	2636	2637	2638	2639	2640	2641	2642	2643	2644	2645	2646	2647	2648	2649	2650	2651	2652	2653	2654	2655	2656	2657	2658	2659	2660	2661	2662	2663	2664	2665	2666	2667	2668	2669	2670	2671	2672	2673	2674	2675	2676	2677	2678	2679	2680	2681	2682	2683	2684	2685	2686	2687	2688	2689	2690	2691	2692	2693	2694	2695	2696	2697	2698	2699	2700	2701	2702	2703	2704	2705	2706	2707	2708	2709	2710	2711	2712	2713	2714	2715	2716	2717	2718	2719	2720	2721	2722	2723	2724	2725	2726	2727	2728	2729	2730	2731	2732	2733	2734	2735	2736	2737	2738	2739	2740	2741	2742	2743	2744	2745	2746	2747	2748	2749	2750	2751	2752	2753	2754	2755	2756	2757	2758	2759	2760	2761	2762	2763	2764	2765	2766	2767	2768	2769	2770	2771	2772	2773	2774	2775	2776	2777	2778	2779	2780	2781	2782	2783	2784	2785	2786	2787	2788	2789	2790	2791	2792	2793	2794	2795	2796	2797	2798	2799	2800	2801	2802	2803	2804	2805	2806	2807	2808	2809	2810	2811	2812	2813	2814	2815	2816	2817	2818	2819	2820	2821	2822	2823	2824	2825	2826	2827	2828	2829	2830	2831	2832	2833	2834	2835	2836	2837	2838	2839	2840	2841	2842	2843	2844	2845	2846	2847	2848	2849	2850	2851	2852	2853	2854	2855	2856	2857	2858	2859	2860	2861	2862	2863	2864	2865	2866	2867	2868	2869	2870	2871	2872	2873	2874	2875	2876	2877	2878	2879	2880	2881	2882	2883	2884	2885	2886	2887	2888	2889	2890	2891	2892	2893	2894	2895	2896	2897	2898	2899	2900	2901	2902	2903	2904	2905	2906	2907	2908	2909	2910	2911	2912	2913	2914	2915	2916	2917	2918	2919	2920	2921	2922	2923	2924	2925	2926	2927	2928	2929	2930	2931	2932	2933	2934	2935	2936	2937	2938	2939	2940	2941	2942	2943	2944	2945	2946	2947	2948	2949	2950	2951	2952	2953	2954	2955	2956	2957	2958	2959	2960	2961	2962	2963	2964	2965	2966	2967	2968	2969	2970	2971	2972	2973	2974	2975	2976	2977	2978	2979	2980	2981	2982	2983	2984	2985	2986	2987	2988	2989	2990	2991	2992	2993	2994	2995	2996	2997	2998	2999	3000	3001	3002	3003	3004	3005	3006	3007	3008	3009	3010	3011	3012	3013	3014	3015	3016	3017	3018	3019	3020	3021	3022	3023	3024	3025	3026	3027	3028	3029	3030	3031	3032	3033	3034	3035	3036	3037	3038	3039	3040	3041	3042	3043	3044	3045	3046	3047	3048	3049	3050	3051	3052	3053	3054	3055	3056	3057	3058	3059	3060	3061	3062	3063	3064	3065	3066	3067	3068	3069	3070	3071	3072	3073	3074	3075	3076	3077	3078	3079	3080	3081	3082	3083	3084	3085	3086	3087	3088	3089	3090	3091	3092	3093	3094	3095	3096	3097	3098	3099	3100	3101	3102	3103	3104	3105	3106	3107	3108	3109	3110	3111	3112	3113	3114	3115	3116	3117	3118	3119	3120	3121	3122	3123	3124	3125	3126	3127	3128	3129	3130	3131	3132	3133	3134	3135	3136	3137	3138	3139	3140	3141	3142	3143	3144	3145	3146	3147	3148	3149	3150	3151	3152	3153	3154	3155	3156	3157	3158	3159	3160	3161	3162	3163	3164	3165	3166	3167	3168	3169	3170	3171	3172	3173	3174	3175	3176	3177	3178	3179	3180	3181	3182	3183	3184	3185	3186	3187	3188	3189	3190	3191	3192	3193	3194	3195	3196	3197	3198	3199	3200	3201	3202	3203	3204	3205	3206	3207	3208	3209	3210	3211	3212	3213	3214	3215	3216	3217	3218	3219	3220	3221	3222	3223	3224	3225	3226	3227	3228	3229	3230	3231	3232	3233	3234	3235	3236	3237	3238	3239	3240	3241	3242	3243	3244	3245	3246	3247	3248	3249	3250	3251	3252	3253	3254	3255	3256	3257	3258	3259	3260	3261	3262	326
------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	------	-----

Приложение № 2.

Число хозяев 2-ой категории, т. е. владеющих 1 судном на началах покрута.

№	Название промысловых пунктов.	1888 г.	1889 г.	1891 г.	1892 г.	1893 г.	1894 г.
1	Восточная Лица . .	—	16	22	4	25	—
2	Семь-Острововъ . .	—	5	3	3	1	—
3	Харловка	—	5	7	11	8	—
4	Золотая	—	10	11	12	9	—
5	Шубино	—	—	—	—	2	—
6	Ринда	—	9	27	21	9	—
7	Зеленцы	—	—	1	—	7	—
8	Порчаниха	—	1	—	—	—	—
9	Зарубиха	—	1	1	—	1	—
10	Трящино	—	—	2	1	3	—
11	Щербиниха	—	1	5	2	—	—
12	Захребетная	—	—	4	11	4	—
13	Шельпяно	—	10	11	2	9	—
14	Гаврилово	—	55	60	?	47	60
15	Териберка	—	47	45	42	—	32
16	Климовка	—	—	—	—	—	—
17	Мало-Оленье	—	28	19	18	—	—
18	Ура-колонія	13	13	—	—	—	—
19	Типаново	13	13	—	10	—	—
20	Мало-Волоковая . .	3	3	—	—	—	—
21	Большая Волоковая.	2	2	—	—	—	—
22	Мотовскій заливъ .	—	—	—	—	—	—
23	Китовскія острова .	—	—	—	—	—	—
24	Цыпъ-Наволокъ . .	4	1	—	7	—	—
25	Зубовскіе острова .	38	7	—	—	—	—
26	Вайда-Губа	17	15	—	—	32	33
27	Червиная-Губа . . .	2(?)	2(?)	—	—	—	—
28	Земляная-Губа . . .	—	6	—	—	—	—
29	Малонѣмецкое . . .	—	17	—	—	—	—
30	Столбовое	—	—	—	—	—	—
31	Финманское	—	—	—	—	—	—
32	Воръема	1	1	—	—	1	—
Итого:		93	268	218	144	210	—

Примѣчаніе 1-ое. Знакъ — въ нѣкоторыхъ случаяхъ означаетъ, что въ этихъ становищахъ совсѣмъ не было промысла.

Примѣчаніе 2-ое. Данные за 94 годъ имѣются только по указаннымъ становищамъ.

Приложеніе № 3.

*Число хозяевъ 1-й категоріи, владѣющихъ болѣе чѣмъ 2—3 судами на
началахъ покрута.*

№	Названіе различныхъ промысл. пунктовъ.	1888 г.	1889 г.	1891 г.	1892 г.	1893 г.	1894 г.
1	Восточная Лица . .	—	1	3	2	5	—
2	Семь-Острововъ . .	—	—	—	—	—	—
3	Харловка	—	1	2	2	2	—
4	Золотая	—	—	—	—	—	—
5	Шубино	—	—	—	—	—	—
6	Ринда	—	4	6	4	6	—
7	Зеленцы	—	—	—	—	—	—
8	Порчнixa	—	—	—	—	—	—
9	Зарубиха	—	—	—	—	—	—
10	Тряпино	—	3	3	3	4	—
11	Щербиниха	—	—	—	—	1	—
12	Захребетная	—	—	—	—	—	—
13	Шельино	—	—	—	—	2	—
14	Гаврилово	—	8	4	?	1	15
15	Терьерка	—	6	1	2	6	3
16	Климовка	—	—	—	—	—	—
17	Мало-Оленье	—	1	1	2	—	—
18	Ура-колонія	—	—	—	—	—	—
19	Типаново	—	—	—	—	—	—
20	Мало-Волоковая . .	—	—	—	—	—	—
21	Большая Волоковая.	1	1	—	—	—	—
22	Мотовскій заливъ .	—	—	—	—	—	—
23	Китовскія острова .	—	1	—	—	—	—
24	Цыгъ-Наволокъ . .	1	—	—	—	—	—
25	Зубовскіе острова .	10	6	—	—	—	—
26	Вайда-Губа	7	9	—	—	5	11
27	Червяная-Губа . . .	—	—	—	—	—	—
28	Земляная-Губа . . .	—	—	—	—	—	—
29	Малонѣмецкое . . .	—	—	—	—	—	—
30	Столбовое	—	6	—	—	1	—
31	Финманское	—	1	—	—	1	—
32	Воръема	6	2	—	—	2	—
Итого:		25	50	20	15	36	—

Примѣчаніе 1-ое. Во многихъ случаяхъ знакъ — означаетъ то, что въ данномъ пунктѣ не было промысла.

Примѣчаніе 2-ое. За 1894 г. данныя имѣются только по указаннымъ становищамъ.

Приложение № 4.

Число хозяйств 3-й категории, т. е. ведущих промыслы не на началах покрута, а самостоятельной артелью.

№	Название различных промысл. пунктов.	1888 г.	1889 г.	1891 г.	1892 г.	1893 г.	1894 г.
1	Восточная Лица . . .	—	—	—	3	—	—
2	Семь-Острововъ . . .	—	—	3	5	1	—
3	Харловка	—	—	1	—	1	—
4	Золотая	—	—	—	2	—	—
5	Шубино	—	—	—	—	2	—
6	Рицда	—	29	13	17	15	—
7	Зеленцы	—	—	2	—	—	—
8	Порчнixa	—	1	—	—	—	—
9	Зарубиха	—	1	2	—	1	—
10	Трящино	—	—	3	1	—	—
11	Щербиниха	—	—	4	1	—	—
12	Захребетная	—	—	12	5	—	—
13	Шельпино	—	6	—	12	3	—
14	Гаврилово	—	—	29	?	37	60
15	Териберка	—	26	55	59	45	55
16	Климовка	—	—	—	—	7	—
17	Мало-Оленье	—	12	20	10	22	—
18	Ура-колонія	—	—	—	—	—	—
19	Типаново	—	—	—	—	—	—
20	Мало-Волоковая	—	—	—	—	—	—
21	Большая Волоковая	—	—	—	—	—	—
22	Мотовскій заливъ	—	—	—	—	3	—
23	Китовскія острова	—	8	—	—	7	—
24	Цыгъ-Наволокъ	—	—	—	—	—	—
25	Зубовскіе острова	—	—	—	—	—	—
26	Вайда-Губа	—	1	—	—	7	25
27	Червяная-Губа	(?)	(?)	—	—	—	—
28	Земляная-Губа	17	—	—	—	—	—
29	Малонѣмецкое	—	7	—	—	7	—
30	Столбовое	—	—	—	—	—	—
31	Финманское	—	—	—	—	—	—
32	Ворьема	—	—	—	—	3	—
Итого:		17	91	144	115	161	—

Примѣчаніе 1-ое. Во многихъ случаяхъ знакъ — означаетъ то, что въ данномъ становищѣ не было промысла.

Примѣчаніе 2-ое. За 1894 г. данныя имѣются только по указаннымъ становищамъ.

Приложение № 5.

Стоимость первоначальных и других расходов, нужных для снаряжения промысловой единицы на началах покруга (по расчетам разных лиц, приведеннымъ Книповичемъ и другими авторами).

А. Расчет по даннымъ хозяина покругленниковъ Кочина (Книповичъ).	Срокъ Ежегод.		
	Капиталъ.	службы.	тратъ, на
1) Шняка съ веслами и мачтой.	60 р.	10 р.	6 р.
2) Парусъ	22	2	11
3) Тросъ (20 сажень)	6	3	2
4) Дрекъ и снасти для мачты	1	4	1
5) Снасть для яруса въ 33 туюка.	120	3	40
6) 3000 английскихъ крючковъ № 5-й.	15	3	5
7) Форшны, кубаса, якоря	15	3	5
8) 4 завѣски	6	3	2
9) Топоръ, ножи, крюки, чайникъ, котлы, боченокъ	10	3	4
10) Неводъ мойвенный, одинъ для 3—4 шнякъ (80 р.). На одну шняку приходится	23	2	11 1/2
11) Или неводъ песчаночный той же цѣны (80 р.) въ среднемъ или кутокъ для лова песчанки (15 р.) (на одну шняку	13	2	6 1/2
12) Карбась, одинъ при 3—4 шнякахъ (25 р.). На одну шняку	6	6	1
13) Пшеница для рабочихъ съ Колы или Разнаволока: мука и крупа	90	1	90
14) Дрова (7—8 сажень)	35	1	35
15) Станъ и амбаръ	10	1	10
16) Переѣздъ отъ Колы до Териберки со шняки	8	1	8
17) Расходы на содержаніе рабочихъ въ Колѣ	20	1	20
18) Задатки рабочимъ по 65 рублей каждому	260	—	—
Итого	723 р.		258 р.

В. Расчетъ по даннымъ волостного старшины Вайда-губы (Книповичъ).

1) Шняка безъ оснастки	60 р.	10 л.	6 р.
2) Мачта, весла, багоръ и снасти	5	5	1
3) Парусъ	25	2—3	10
4) Кубаса, крюки, ножи, якоря, топоръ, котлы	32	4	8
5) Снасть для яруса въ 30 туюковъ, цѣною съ крючками и оростегами 4 р. 60 к.—6 р. 80 к. туюкъ; среднее по 5 р. 70 к.	170	2—3	70
6) 12 стоянокъ запаса	11	2	5
7) Невода и карбась по предыдущему расчету	42	2	20
8) Содержаніе рабочихъ: мука, крупа, пшеничная мука, масло.	78	1	78
9) Плата за станъ	5	1	5
10) Переѣздъ отъ Разнаволока или Колы	7	1	7
11) Пребываніе въ Колѣ	10	1	10
12) Дрова на	15	1	15
13) Задатки по предыдущему расчету	260	—	—
Итого:	720 р.		235 р.

С. Расчетъ одного мелкаго хозяина покруга въ Териберкѣ (Книповичъ).

1) Шняка съ такелажемъ	100 р.	20 р.
2) Ярусъ въ 40 туюковъ, по 5 руб. туюкъ	200	80
3) Запасъ стоянокъ	25	10
4) Неводъ мойвенный (80 р.) и песчаночный (60 р.) на 3—4 шняки	40	16
5) Карбась для трехъ-четырехъ шнякъ	6	1
6) Котлы и другія мелочи	16	5 1/2
7) Плата за станъ	4 1/2	4 1/2
8) Пропитаніе рабочихъ: крупа и мука	65	65
9) Переѣздъ	7	7
10) Дрова	15	15
11) Пребываніе въ Колѣ	10	10
12) Задатки рабочимъ по предыдущему расчету	260	—
Итого:	748 1/2 р.	234 р.

D. Расчетъ урядника отъ Териберкѣ (Книповичъ).

Капит.	
1) Шняка съ принадлежностями къ ней	100 руб.
2) Ярусъ въ 40 туюковъ	200
3) Мойвенный неводъ одинъ на 3—4 шняки (60 р.).	17
4) Карбась одинъ для 3—4 шнякъ (25 р.)	6
5) Запасъ стоянокъ 18 штукъ по 1 р. 20 коп.	21
6) Плата за станъ	5
7) Дрова	8
8) Содержаніе рабочихъ: муки на 50 р., крупы на 14 р.	64
9) Дорога	6 1/2
10) Печей по 1 руб. съ кузя	5
11) Мелкіе расходы	10
Итого:	442 1/2 руб.

E. Расчетъ самого Книповича (1894 г.).

1) Шняка съ такелажемъ	100 р.	20 р.
2) Топоры, котлы, фартуки и т. п.	15	
3) Ярусъ въ 30—40 туюковъ 150—200 руб.	150—200	60—80
4) Запасъ стоянокъ	15—20	6—8
5) Невода мойвенный и песчаночный (120 р.) или мойвенный и котлы (90 руб.), одинъ на 3—4 шняки	25—35	10—15
6) Карбась одинъ на 3—4 шняки (20 руб.)	7	1
7) Плата за станъ 4—6 руб., рѣже до 10 руб.	5	5
8) Переѣздъ отъ Разнаволока на шняку	7	7
9) Пропитаніе рабочихъ: 5 кулей муки (50 р.), 2 чашки крупы (20 р.), обыкновенно	60	60—70
10) Дрова (10—20 р.)	15	15
11) Расходы въ Колѣ и другіе мелкіе расходы	10	10
12) Задатки рабочимъ по 60—70 рублей	240—280	—
Итого по среднимъ цифрамъ	700 р.	210 р.

F. Расчетъ разныхъ авторовъ въ общихъ цифрахъ (на первый годъ промысла).

Кому принадлежитъ расчетъ.	Расходъ на первонач. обзаведеніе въ рубляхъ	Доходъ въ рубляхъ.	Прибыль хозяина покруга въ рубляхъ на первый годъ.	Примѣчанія.
Данилевскій (1862 г.)	820	1600	312*)	*) Безъ %/о на затраченный капиталъ, фрахтъ и т. п. **) На 4 шняки. ***) Безъ расходовъ на фрахтъ, соль и т. п. ****) На 4 шняки. 1) Ассигнаціями.
Гулевичъ (1883 г.)	2275**)	2525	250****)	
Максимовъ (1893 г.)	668	1000	332	
Оскерко (1868 г.)	1500***)	1676	176	
Сазововъ (1884 г.)	2991)	6001)	3011)	

Приложение № 6. А.

Мурманский промысел.

(безъ колонистовъ и постоянныхъ обитателей берега).

Годы.	Число уходившихъ Мурманъ.			Средняя выручка на пай въ рубляхъ.	Число отлучившихся для мѣровой торговл. въ Норвег. и Арханг.			ПРИМѢЧАНІЕ.
	Хо- зяевъ	Рабочихъ мужчинъ.	Зуевъ		Хозя- евъ.	Рабочихъ	Судовъ	
1876	637	2863	648	49*)	531	1929	622	*) Средняя величина пая рабочаго вычисля- лась какъ среднее ариѳ- метическое maximum'a и minimum'a вознагра- жденія рабочаго (mini- мумъ падаетъ на долю зуювъ, maximum — на долю взрослыхъ рабо- чихъ.
1877	647	2778	581	40 ^{3/4} *)	538	2073	588	
1878	468	2108	569	50*)	354	1402	304	
1879	469	2172	484	54 ^{1/2} *)	—	—	—	
1880	515	2492	468	50	463	1981	521	
1881	432	2075	441	45	512	1859	475	
1882	609	2108	451	—	393	1636	386	
1883	457	2583	501	55	351	1395	408	
1884	518	2700	530	56	301	1286	340	
1885	383	3113	503	40	318	1524	426	
1886	414	2789	419	46	298	1414	319	
1887	481	2395	548	42 ^{1/2}	293	1358	323	
1888	1087	4883	1568	35	694	2951	738	
1889	581	2917	430	43	327	1474	376	
1890	460	2776	390	41 ^{1/2}	357	1522	412	
1891	486	2697	359	44	352	1510	381	
1892	566	2818	511	53	334	1514	385	
1893	652	2962	513	50	337	1435	398	

Примѣчаніе. Если средній пай рабочаго—покрученника ниже по этой таблицѣ, чѣмъ по вычисленіямъ, сдѣланнымъ въ текстѣ, то это объясняется тѣмъ, что при вычисленіи средняго пая въ настоящемъ случаѣ принимался во вниманіе заработокъ зуювъ, что, конечно, сильно понизило величину пая.

Приложеніе № 6. В.

Мурманскій промыселъ.

(вмѣстѣ съ колонистами и постоянными обитателями берега).

Годы.	Число судовъ.	Число хозяевъ.	Число рабочихъ.	Добыто пудовъ.		На сумму въ рубляхъ.	Всего отпавленовъ Петербургъ пудовъ.	Примѣчаніе.
				Рыбы.	Воюксы.			
1880	664	316	2387	346155	—*)	227086	—	*) По офици- альнымъ свѣдѣні- ямъ не показано отдѣльно количе- ство воюксы.
1881	698	449	2642	672067	—*)	445342	—	
1882	637	381	2453	991620	—*)	544884	—	
1883	780	293	3029	989658	—*)	540608	—	
1884	1080	391	4242	459728	50125	350247	—	
1885	1159	444	4519	479339	46852	272144	—	
1886	822	391	3288	553522	52217	350732	—	
1887	470	686	1385	278069	27682	164161	—	
1888	638	460	2068	368568	40416	237607	—	
1889	816	563	2608	505157	43784	231885	203298	
1890	783	494	2680	486159	43599	217386	137255	
1891	823	576	2762	492660	36969	296529	210934	
1892	899	709	2390	710376	67144	324952	229945	
1893	769	676	2408	584627	55220	295755	293859	
1894	997	815	3173	713896	65990	350959	неизвѣстн.	
1895	963	768	3006	799325	39840	516415	неизвѣстн.	

Приложение № 8. В.

Удостоверение личности

(подпись с расшифровкой и печатью)

Имя	Фамилия	Пол	Дата рождения	Место рождения	Подпись	Печать
1200	1001	110	1101	1101	1101	1101
1201	1002	111	1102	1102	1102	1102
1202	1003	112	1103	1103	1103	1103
1203	1004	113	1104	1104	1104	1104
1204	1005	114	1105	1105	1105	1105
1205	1006	115	1106	1106	1106	1106
1206	1007	116	1107	1107	1107	1107
1207	1008	117	1108	1108	1108	1108
1208	1009	118	1109	1109	1109	1109
1209	1010	119	1110	1110	1110	1110
1210	1011	120	1111	1111	1111	1111
1211	1012	121	1112	1112	1112	1112
1212	1013	122	1113	1113	1113	1113
1213	1014	123	1114	1114	1114	1114
1214	1015	124	1115	1115	1115	1115
1215	1016	125	1116	1116	1116	1116
1216	1017	126	1117	1117	1117	1117
1217	1018	127	1118	1118	1118	1118
1218	1019	128	1119	1119	1119	1119
1219	1020	129	1120	1120	1120	1120
1220	1021	130	1121	1121	1121	1121
1221	1022	131	1122	1122	1122	1122
1222	1023	132	1123	1123	1123	1123
1223	1024	133	1124	1124	1124	1124
1224	1025	134	1125	1125	1125	1125
1225	1026	135	1126	1126	1126	1126
1226	1027	136	1127	1127	1127	1127
1227	1028	137	1128	1128	1128	1128
1228	1029	138	1129	1129	1129	1129
1229	1030	139	1130	1130	1130	1130
1230	1031	140	1131	1131	1131	1131
1231	1032	141	1132	1132	1132	1132
1232	1033	142	1133	1133	1133	1133
1233	1034	143	1134	1134	1134	1134
1234	1035	144	1135	1135	1135	1135
1235	1036	145	1136	1136	1136	1136
1236	1037	146	1137	1137	1137	1137
1237	1038	147	1138	1138	1138	1138
1238	1039	148	1139	1139	1139	1139
1239	1040	149	1140	1140	1140	1140
1240	1041	150	1141	1141	1141	1141
1241	1042	151	1142	1142	1142	1142
1242	1043	152	1143	1143	1143	1143
1243	1044	153	1144	1144	1144	1144
1244	1045	154	1145	1145	1145	1145
1245	1046	155	1146	1146	1146	1146
1246	1047	156	1147	1147	1147	1147
1247	1048	157	1148	1148	1148	1148
1248	1049	158	1149	1149	1149	1149
1249	1050	159	1150	1150	1150	1150
1250	1051	160	1151	1151	1151	1151
1251	1052	161	1152	1152	1152	1152
1252	1053	162	1153	1153	1153	1153
1253	1054	163	1154	1154	1154	1154
1254	1055	164	1155	1155	1155	1155
1255	1056	165	1156	1156	1156	1156
1256	1057	166	1157	1157	1157	1157
1257	1058	167	1158	1158	1158	1158
1258	1059	168	1159	1159	1159	1159
1259	1060	169	1160	1160	1160	1160
1260	1061	170	1161	1161	1161	1161
1261	1062	171	1162	1162	1162	1162
1262	1063	172	1163	1163	1163	1163
1263	1064	173	1164	1164	1164	1164
1264	1065	174	1165	1165	1165	1165
1265	1066	175	1166	1166	1166	1166
1266	1067	176	1167	1167	1167	1167
1267	1068	177	1168	1168	1168	1168
1268	1069	178	1169	1169	1169	1169
1269	1070	179	1170	1170	1170	1170
1270	1071	180	1171	1171	1171	1171
1271	1072	181	1172	1172	1172	1172
1272	1073	182	1173	1173	1173	1173
1273	1074	183	1174	1174	1174	1174
1274	1075	184	1175	1175	1175	1175
1275	1076	185	1176	1176	1176	1176
1276	1077	186	1177	1177	1177	1177
1277	1078	187	1178	1178	1178	1178
1278	1079	188	1179	1179	1179	1179
1279	1080	189	1180	1180	1180	1180
1280	1081	190	1181	1181	1181	1181
1281	1082	191	1182	1182	1182	1182
1282	1083	192	1183	1183	1183	1183
1283	1084	193	1184	1184	1184	1184
1284	1085	194	1185	1185	1185	1185
1285	1086	195	1186	1186	1186	1186
1286	1087	196	1187	1187	1187	1187
1287	1088	197	1188	1188	1188	1188
1288	1089	198	1189	1189	1189	1189
1289	1090	199	1190	1190	1190	1190
1290	1091	200	1191	1191	1191	1191
1291	1092	201	1192	1192	1192	1192
1292	1093	202	1193	1193	1193	1193
1293	1094	203	1194	1194	1194	1194
1294	1095	204	1195	1195	1195	1195
1295	1096	205	1196	1196	1196	1196
1296	1097	206	1197	1197	1197	1197
1297	1098	207	1198	1198	1198	1198
1298	1099	208	1199	1199	1199	1199
1299	1100	209	1200	1200	1200	1200
1300	1101	210	1201	1201	1201	1201
1301	1102	211	1202	1202	1202	1202
1302	1103	212	1203	1203	1203	1203
1303	1104	213	1204	1204	1204	1204
1304	1105	214	1205	1205	1205	1205
1305	1106	215	1206	1206	1206	1206
1306	1107	216	1207	1207	1207	1207
1307	1108	217	1208	1208	1208	1208
1308	1109	218	1209	1209	1209	1209
1309	1110	219	1210	1210	1210	1210
1310	1111	220	1211	1211	1211	1211
1311	1112	221	1212	1212	1212	1212
1312	1113	222	1213	1213	1213	1213
1313	1114	223	1214	1214	1214	1214
1314	1115	224	1215	1215	1215	1215
1315	1116	225	1216	1216	1216	1216
1316	1117	226	1217	1217	1217	1217
1317	1118	227	1218	1218	1218	1218
1318	1119	228	1219	1219	1219	1219
1319	1120	229	1220	1220	1220	1220
1320	1121	230	1221	1221	1221	1221
1321	1122	231	1222	1222	1222	1222
1322	1123	232	1223	1223	1223	1223
1323	1124	233	1224	1224	1224	1224
1324	1125	234	1225	1225	1225	1225
1325	1126	235	1226	1226	1226	1226
1326	1127	236	1227	1227	1227	1227
1327	1128	237	1228	1228	1228	1228
1328	1129	238	1229	1229	1229	1229
1329	1130	239	1230	1230	1230	1230
1330	1131	240	1231	1231	1231	1231
1331	1132	241	1232	1232	1232	1232
1332	1133	242	1233	1233	1233	1233
1333	1134	243	1234	1234	1234	1234
1334	1135	244	1235	1235	1235	1235
1335	1136	245	1236	1236	1236	1236
1336	1137	246	1237	1237	1237	1237
1337	1138	247	1238	1238	1238	1238
1338	1139	248	1239	1239	1239	1239
1339	1140	249	1240	1240	1240	1240
1340	1141	250	1241	1241	1241	1241
1341	1142	251	1242	1242	1242	1242
1342	1143	252	1243	1243	1243	1243
1343	1144	253	1244	1244	1244	1244
1344	1145	254	1245	1245	1245	1245
1345	1146	255	1246	1246	1246	1246
1346	1147	256	1247	1247	1247	1247
1347	1148	257	1248	1248	1248	1248
1348	1149	258	1249	1249	1249	1249
1349	1150	259	1250	1250	1250	1250
1350	1151	260	1251	1251	1251	1251
1351	1152	261	1252	1252	1252	1252
1352	1153	262	1253	1253	1253	1253
1353	1154	263	1254	1254	1254	1254
1354	1155	264	1255	1255	1255	1255
1355	1156	265	1256	1256	1256	1256
1356	1157	266	1257	1257	1257	1257
1357	1158	267	1258	1258	1258	1258
1358	1159	268	1259	1259	1259	1259
1359	1160	269	1260	1260	1260	1260
1360	1161	270	1261	1261	1261	1261
1361	1162	271	1262	1262	1262	1262
1362	1163	272	1263	1263	1263	1263
1363	1164	273	1264	1264	1264	1264
1364	1165	274	1265	1265	1265	1265
1365	1166	275	1266	1266	1266	1266
1366	1167	276	1267	1267	1267	1267
1367	1168	277	1268	1268	1268	1268
1368	1169	278	1269	1269	1269	1269
1369	1170	279	1270	1270	1270	1270
1370	1171	280	1271	1271	1271	1271
1371	1172	281	1272	1272	1272	1272
1372	1173	282	1273	1273	1273	1273
1373	1174	283	1274	1274	1274	1274
1374	1175	284	1275	1275	1275	1275
1375	1176	285	1276	1276	1276	1276
1376	1177	286	1277	1277	1277	1277
1377	1178	287	1278	1278	1278	1278
1378	1179	288	1279	1279	1279	1

Приложение № 7. А.

*Торговля съ Норвегіей. Привозъ рыбы изъ Норвегіи во всѣ порты
Бѣлаго моря.*

Годы.	Количество пудовъ.	На сумму въ рубляхъ.	П Р И М Ъ Ч А Н І Я.
1876	734607	602750	За этотъ годъ въ отчетѣ показана торговля одного только г. Архангельска.
1877	676835	452857	
1878	510440	418947	
1879	704605	541098	Свѣдѣній о ввозѣ въ Суму нѣтъ. Кромѣ того, 1875 боченковъ сельдей.
1880	600489	552560	
1881	927470	843467	
1882	717482	595888	Кромѣ того, 3909 боченковъ сельдей. Свѣдѣній о ввозѣ въ Кемь нѣтъ.
1883	494864	519461	
1884	733418	667697	
1885	661729	702496	Свѣдѣній о ввозѣ въ Кемь нѣтъ. Свѣдѣній о ввозѣ въ Кемь нѣтъ. Свѣдѣній о ввозѣ въ Кемь нѣтъ.
1886	871924	726600	
1887	1136170	706227	
1888	952750	734252	Свѣдѣній о ввозѣ въ Кемь нѣтъ. Свѣдѣній о ввозѣ въ Кемь нѣтъ. Свѣдѣній о ввозѣ въ Кемь нѣтъ.
1889	809926	664281	
1890	885894	485431	
1391	771794	526211	Свѣдѣній о Кемь—тѣтъ. Всѣ ввезенной въ Суму рыбы не показанъ; стоимо- сть же показана 3518 р. Свѣдѣн. о ввозѣ въ Кемь нѣтъ.
1892	752918	546564	
1893	774857	648314	

Приложеніе № 7. В.

Торговля съ Норвегіей. Вывозъ товаровъ въ Норвегію въ объёмъ на рыбу.

Годы.	Количество пудовъ.	На сумму.		Примѣчанія (по всѣмъ годамъ).
		Рубл.	Въ томъ числѣ лѣсныхъ това- ровъ и проч., не переводимыхъ на <i>отъ</i> на сумму.	
1876	453643	494816	27815	Свѣдѣнія относятся къ одному только г. Архангельску.
1877	478865	563212	7827	
1878	379379	523853	17602	
1879	372536	464968	13191	
1880	399346	556158	33340	
1881	430178	790827	39878	
1882	380275	655847	32130	
1883	327635	453246	40407	
1884	394653	617562	50056	
1885	406222	913223	456565	
1886	489147	542109	35771	Изд. Сороки лѣсного товара на 419396 р.
1887	581392	537851	29926	
1888	629120	483099	22707	Вывозъ лѣса изъ Ар-ка не показанъ, а изъ Мезени показанъ въ пудахъ (?)—17640 п., что и показано въ первой цифрѣ. Вывозъ лѣса изъ Ар-ка показанъ въ пудахъ (?)—59958, что и показано въ 1-й цифрѣ.
1889	563428	549672	19157	
1890	489338	592146	38182	Свѣдѣній о Кеми нѣтъ за 89—91 годы.
1891	326081	428092	34141	
1892	231456	398690	30678	Вѣсь сѣна, ворвани, смолы, древесной коры и веревковъ въ отчетѣ не показанъ. То-же
1893	270524	406499	54340	

То-же. Кромѣ того, вѣсь вывезеннаго изъ Сумы и Мезени хлѣбнаго и мяснаго товара не показанъ, стоимость—6739 руб.

Приложеніе № 8.

Степень экономическаго благосостоянія Мурманских колонистовъ въ 80-хъ годахъ.

(по Гулевичу).

Названіе колоній.	Домовъ.	Землянокъ	Лавокъ.	Нежилыхъ строеній.	Бань.	Ель.	Шнякъ.	Оленей.	Рогат. скота.	Овецъ.
Колоніи восточнаго берега Мурмана.										
Ринда	1	—	1	1	1	—	2	5	1	4
Гаврилово	8	1	2	2	1	—	7	49	4	55
Териберка	9	—	—	5	2	1	7	12	2	38
Кильдинъ	1	1	—	1	—	1	—	2	1	4
Колоніи западнаго берега Мурмана.										
Ура	23	6	—	17	—	13	—	130	107	155
Еретики	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—
Эйна	1	1	—	5	—	—	—	10	5	9
Маломошка	2	1	—	2	—	1	—	18	4	32
Большая Лица	2	2	—	5	—	1	—	7	6	20
Малая Лица	3	1	—	4	—	1	—	12	8	25
Цыпъ-Наволокъ	8	1	3	3	—	2	1	5	18	60
Зубовскіе острова	3	1	1	8	—	2	—	—	7	28
Вайда-Губа	9	2	2	17	2	6	5	—	13	60
Червяная-Губа	2	1	—	6	—	1	—	—	10	16
Земляная-Губа	10	6	6	17	1	10	—	—	43	140
Малонѣмецкая	1	—	1	2	—	1	—	50	3	—
Печенгская	42	4	1	63	10	9	8	256	68	144
Финманская	1	—	1	3	—	1	6	—	1	—
Воръемская	3	—	—	5	1	—	1	6	4	17

Приложение № 9.

Сводный о современном положении колонизации на Мурмане.

(по Книповичу).

№	Названіе становищ и колоній.	Колонистовъ.	Лопарей.	Всего.	Церквей и ча- совенъ.	Больницъ.	Школъ.	Рыболов- лен. становищъ.	Скота.		Судовъ у коло- нис. и лопарей		Хозяевъ-рыбо- промышленн.	У нихъ промы- словыхъ судовъ	Число промыс- лен. обоего пола	Самовольно поселив. и проживающ. по паспорт.																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																		
									круп.	мел.	Листер- бот., ёлт., брам., шкунъ и клипер.	Пшнякъ и карба- совъ.				Финляндцевъ.		Норвежцевъ.																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																
																Число лицъ обоого пола	Скота у нихъ.	Судовъ у нихъ. высша- го типа	пшнякъ и кар- басовъ.	Число лицъ обоого пола	Скота у нихъ.	Судовъ у нихъ. высша- го типа	пшнякъ и кар- басовъ.																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																											
Восточная сторона:																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																																		</

Списокъ источниковъ *).

- Н. Трескинъ. Сѣверный край Европ. Россіи и его промыслы. СПб.
Отеч. Записки 1874 г. № 1-й. Всѣми забытыя сѣверныя окраины Россіи.
— 1879 № 6-й. Коренная нужда на сѣверѣ.
Н. Дергачевъ. Русская Лапландія. Арханг. 1877 г.
Вѣстникъ рыбопром. 1894 г. № 3-й. Отчетъ о плаваніи на крейсерахъ „Навигаторъ“ лѣтомъ 1893 г. Н. Книповича.
Вл. Гулевичъ. Мурманскій берегъ въ промысловомъ и санитарномъ отношеніяхъ. Арх. 1883 г.
— Русская Лапландія. Арх. 1893 г.
Сидоровъ. Сѣверъ Россіи. СПб. 1876 г.
— О китоловствѣ и вліяніи его на рыбную ловлю у береговъ Арханг. губ. СПб. 1879 г.
Верецагинъ. Очерки Архангельской губерніи.
А. Ефименко. Артели Арханг. губерніи. СПб. 1893 г.
Н. Максимовъ. Мурманскій берегъ, его обитатели и промыслы. Рус. Мысль 1893 г. №№ 1, 2 и 4-й.
Арханг. Губ. Вѣд. За 1862 г.
— За 1863 г.
— За 1892 г.
— За 1893 г.
— За 1894 г.
— За 1895 г.
— За 1896 г.
Вѣстн. Рыбопромышл. 1894 г. О Мурманскихъ промыслахъ.
Максимовъ. Годъ на Сѣверѣ СПб. 1872 г.
Н. Книповичъ. Положеніе морскихъ рыбныхъ и звѣриныхъ промысловъ Арх. губ. СПб. 1895 г.
Сборникъ матеріаловъ объ артеляхъ въ Россіи. в. 2. Изд. СПб. Отд. Ком. о сел. ссудосб. и пром. товар. СПб. 1874 г.
Ив. Лепехинъ. Дневныя записки путешествія въ 1771 г. СПб. 1780 г. ч. III и ч. IV.
Рейнеке. Гидрографическое описаніе береговъ Сѣверн. Ледовит. Океана СПб.
Молчановъ. Описаніе Арханг. Губ. Арханг. 1813 г.
Фонъ-Пошманъ. Описаніе Архангельской губерніи въ историч. и др. отношеніяхъ въ 1802 г. Арханг. 1875 г.
О мѣрахъ къ обезпеченію нар. продовол. на крайнемъ Россіи. Прав. Вѣстникъ №№ 90, 91 и др. 1869 года.
И. Рева. Сѣверныя жел.-дорожн. вождельніи Арх. 1884 г.
Маликовъ. Отчетъ по поводу командировки въ 1871 г. въ Онежскій и Кемскій уѣзды.

*) Кромѣ тѣхъ, о которыхъ упоминается въ текстѣ.

Отчеты Арх. Стат. Комитета за 20 лѣтъ съ 1876 г. по 1896 г.
Всеподданнѣйшіе отчеты Арханг. Губернаторовъ за 1892, 93, 94 и 95 г.г.
Н. Аристовъ. Промышленность древней Руси. СПб. 1866 г.
В. Долинскій. Сѣверъ Россіи. СПб. 1867 г.
Сахаровъ. По родному краю. СПб. 1895 г.
Рева. Трехсотлѣтіе Архангельска. 1884 г. Арх.
Промыслы бѣломорск. населенія 1896. СПб.
Кропоткинъ. Экспедиція для изслѣдованія сѣверныхъ руск. морей СПб. 1871 г.
П. Ефименко. Заволоцкая Чудь. Арх. 1869 г.
Извѣстія Имп. Рус. Геогр. Об-ва, 1890 г. т. XXVI в. II. *Подлаецкій*. Мурман-
скій берегъ, его природа, промыслы и значеніе.
Н. Шавровъ. О мѣрахъ для развитія рус. торгов. мореходства. М. 1895 г.
О судостроеніи на паяхъ Арх. 1880 г.
Правила о выдачѣ ссудъ поморамъ на Мурманскомъ берегу Арх. 1886 г.
Островскій. Очеркъ торговли и т. д. на прибреж. Сѣверн. Океана 1894 г. СПб.
А. Энгельгардъ. Поѣздка въ Кольскій и Кемскій уѣзды. Арх. 1895 г.
Данилевскій. Труды экспедиціи по изслѣдованію рыболовства въ Россіи. т. VI.
СПБ. 1862 г.
Арханг. Губ. Вѣд. За 1858 и 1859 г.г.
И. Милютинъ. Бѣлое море и Волга. СПб. 1885 г.
Къ поморамъ. О торговомъ флотѣ. Арх. 1868 г.
Х. Вальдемаръ. Приглашеніе жителей Архан. губ. взяться за торговое морепл.
М. 1886 г.

